

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

У ИСТОКОВ
ДРЕВНЕ-
РУССКОЙ
НАРОДНОСТИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

У ИСТОКОВ
ДРЕВНЕ-
РУССКОЙ
НАРОДНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Ленинградское
отделение

ЛЕНИНГРАД

1970

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ
СССР

№ 179

1-6-2
75—70 (1)

ВВЕДЕНИЕ

1

Эта книга посвящена одному из важнейших вопросов древней и раннесредневековой истории нашей страны — процессу образования древнерусской народности — общего предка трех восточнославянских национальностей — русской, украинской и белорусской.

Сложение народности — закономерное явление, свойственное периоду раннеклассового общества. Народности складывались в результате распада родо-племенных связей, в ходе объединения людей по территориальному признаку на основе новых, уже не первобытных, хозяйственных, социальных и политических отношений, в обстановке возникновения классов и государственности. Народность — это предшественница нации, первая ступень на путях ее формирования, историческая общность, сложившаяся из различных племенных групп, менее монолитная и прочная, чем нация.

Являясь процессом закономерным, характерным для определенной фазы в развитии общества, формирование народностей вместе с тем во многом зависело от конкретной исторической обстановки. Она определяла не только быстрый или медленный ход сложения народностей, не только протяженность их территорий, но и то, складывались ли народности из более или менее однородных, родственных друг другу этнических группировок или включали в свой состав людей различных, некогда чуждых друг другу племен. Границы народностей обычно не совпадали с границами предшествовавших им племен и племенных объединений. Древние племена жили, как правило, чересполосно, не имели строго ограниченных территорий. В ходе первобытной истории совершались значительные передвижения племен, ломавшие и перекраивавшие границы племенных областей. В период сложения народностей новые хозяйственные условия и общественные связи приводили к образованию более компактных и постоянных территорий, имевших определенные границы. Политика нарождающихся государств, их стремление к завоеваниям, к подчинению

более слабых соседей способствовали объединению территорий различных ранее племен.

Древние государства сыграли значительную роль в процессе возникновения народностей; они нередко служили при этом как бы катализатором. Но формирование народностей далеко не всегда протекало адекватно истории политических образований. Раннесредневековые государства часто оказывались непрочными, лоскутными, а их границы — непостоянными. Формирование народности, т. е. сближение языков и специфических особенностей культуры, нивелирующее неселение определенной территории, было процессом длительным. В его основе лежали не частные извилины политической истории и не преходящие явления экономической жизни, а основные, глубинные процессы. Формирующаяся народность как бы интегрировала самое главное, отражала ведущее направление хозяйственного, общественного и политического развития.

То, что средневековые народности являлись историческими общностями, новообразованиями, качественно отличавшимися от древних племенных группировок с их родовыми и племенными связями, было очевидно уже давно. Такой взгляд на народность и следующую за ней ступень — нацию, представленный в прогрессивной социологической и исторической литературе, давно противостоял реакционным расистским теориям, рассматривающим племя, народность и нацию как последовательные звенья в развитии одной и той же популяции, якобы носительницы особых, врожденных, только ей присущих качеств. Один из русских славистов начала нашего века — А. Л. Погодин, указывая, что народности были новообразованиями, писал: «... в образовании прусского народа участвовали и славяне, и литовцы, и старонемецкие элементы. Французский народ образовался из ассимиляции кельтской (гальской) и германской стихий, испанский — из смешения древнеиберийских, германских, арабских и других элементов. Таким образом, повсюду и до самого последнего времени мы встречаемся с одним и тем же явлением, созданием новой народности из разнообразных и чуждых друг другу племен».¹

Данное заключение является правильным; оно основано на беспристрастном анализе объективных и при этом многочисленных исторических фактов. Но в нем отсутствует, как нетрудно заметить, важнейшее звено — ответ на вопрос, когда и при каких условиях складывались народности, что было основной «движущей силой» этого процесса. В то же время ответ на этот вопрос — определение народности и нации как явлений исторически закономерных, свойственных определенным этапам в развитии обще-

¹ А. Л. Погодин. Краткий очерк истории славян. М., 1915, стр. 6. Та же мысль высказана А. Л. Погодиным в книге «Славянский мир» (М., 1915, стр. 1).

ства, — уже давно был дан в марксистской литературе. Народность — один из итогов распада первобытного строя и возникновения классового общества; нация — результат возникновения буржуазного общества с его экономическими и политическими связями. В начале нашего века, когда большую остроту приобрела задача борьбы с национализмом, не раз обращался к этим темам В. И. Ленин. Развернутое определение буржуазной нации, данное в то время И. В. Сталиным, основывалось на ленинских положениях.²

В соответствии с этим в советской историографии и социологии принято обрисованное выше определение предшественницы нации — народности: историческая общность, складывающаяся из разных племенных групп, менее прочная, чем нация, определяемая социально-экономическими условиями, характерными для раннеклассового общества.³

Все сказанное в полной мере относится и к древнерусской народности, одной из крупнейших народностей раннего европейского средневековья. Она сложилась на рубеже I и II тыс. н. э. и просуществовала полтысячелетия, до того времени, когда изменившаяся историческая обстановка в Восточной Европе привела к распаду этой народности на три части — на русскую, украинскую и белорусскую народности, являющиеся непосредственными предшественниками соответствующих современных наций.

Термин «древнеруская народность», как и наименование Древняя Русь или Древнерусское государство, является «книжным», введенным в обиход историками. Само название народности произошло некогда от этнонима «русь»-«рос», издавна известного в Северном Причерноморье. Люди называли себя русскими, а свою землю Русской землей. Условный эпитет «древнерусская» был продиктован стремлением подчеркнуть разницу между русской народностью раннего средневековья и сохранившей это же наименование русской народностью XIV—XV и последующих веков.

Вопрос об образовании древнерусской народности рассматривают по-разному, в разных хронологических рамках: узких и более широких. Если исследование основывается преимущественно на письменных источниках, этот вопрос ограничивается нередко узкими рамками, определяемыми русской летописью — «Повестью временных лет». Летопись знает время, когда не было ни народности, ни Древнерусского государства, а имелись отдельные восточнославянские группировки: поляне, древляне, северяне, вятичи, кривичи и др. Вместе с образованием и укреплением фео-

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 382—395; И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 290—367.

³ Например: Всемирная история, т. III. М., 1957, стр. 17; Вопросы формирования русской народности и нации. Сб. статей, М., 1958, стр. 5.

дального строя все эти группировки — одни раньше, другие позже — сошли с исторической сцены, растворились в формирующейся народности. Наряду с ними, судя по летописи, в этот процесс были вовлечены «инни языци»: некоторые финно-угорские группировки Севера и Волго-Окского междуречья, подвергшиеся ассимиляции. Так выглядят основные контуры картины образования древнерусской народности в узких хронологических рамках.

Но такое решение вопроса представляется далеко не полным. Рассматривать образование народности на Руси в узких хронологических рамках было бы правомерно лишь в том случае, если бы перечисленные в летописи восточные славянские группировки представляли собой исконные первобытные племена или племенные союзы, в недрах которых процесс распада первобытного строя и возникновения классового общества прошел все свои стадии, от начальных до заключительных. Но летописные группировки такими не являлись. Это были объединения, возникшие на исходе первобытного строя, в значительной мере поднявшиеся над его верхними рубежами. Об этом говорят не только прямые указания летописи и других источников, но и все то, что известно об общей исторической обстановке, царившей в Европе начиная с рубежа нашей эры. Распад первобытного строя в среде европейских «варварских» племен, протекавший в условиях тесных — мирных и враждебных — контактов этих племен с Римской империей, ко времени ее крушения в середине I тыс. н. э. повсеместно зашел достаточно далеко. При этом отнюдь не все племена прошли этот путь целиком, от начала и до конца. Многие из них в ходе неоднократных переселений и нескончаемых войн потеряли самостоятельность и подверглись ассимиляции. Повсеместно в Европе происходили большие изменения в области культуры и языка, забывались старые традиции. Словом, на протяжении I тыс. н. э. в Европе господствовала историческая обстановка, способствовавшая разрушению старых племен и форсировавшая процесс образования народностей. Но так как внутренние социально-экономические условия для их образования у значительной части европейских племен тогда еще не вполне сложились, а политическая обстановка неоднократно и коренным образом изменялась, процесс этот шел мучительно, с перерывами, с переменным успехом. «Недозревшие» народности не раз ломались, их обломки группировались по-новому.

В этой обстановке распадался первобытный строй и у славянских племен. Они издавна жили бок о бок со скифами, сарматами, фракийцами и кельтами, у которых классовое общество стало складываться еще до начала нашей эры. Они сталкивались с германцами, даками, гуннами и другим разноязычным населением периферии Римской империи. В начале третьей четверти I тыс. н. э. славяне активно включились в «великое переселение народов»,

они боролись с Аварским каганатом, в течение ста лет вели войну с Византийской империей, в ходе которой заселили поречье Дуная и значительную часть Балканского полуострова.

В это же время — в I тыс. н. э. — славяне расширили свою территорию на северо-востоке, результатом чего явилась этногеографическая картина «Повести временных лет». Ее слагаемые — восточнославянские группировки — были далеко не первобытными объединениями как по своему социально-политическому уровню, так и по этническому составу. Поэтому историю образования древнерусской народности нельзя ограничивать узкими рамками — несколькими столетиями на рубеже I и II тыс. н. э. Тогда процесс уже завершался, шла окончательная кристаллизация народности. Этому предшествовал длительный период «подготовки», в ходе которого славянским населением, продвигавшимся из Восточного Повисленья и Днестро-Днепровского междуречья в северном, восточном, а позднее и в южном направлениях, были поглощены различные племена, в том числе и совсем чуждые славянам по языку и культуре.

Как теперь все более и более выясняется, особенно значительное место среди них занимали восточные балты: несколько больших и многочисленных племенных группировок, некогда владевших Верхним Поднепровьем, верховьями Окского бассейна и поречьем Западной Двины, родственных предкам современных национальностей балтийской (лето-литовской) группы — литовцев и латышей. В области Волго-Окского междуречья и на Севере в процесс формирования древнерусской народности были вовлечены целиком или частично многие финно-угорские племена: меря, мурома, весь, водь и др. Подобные же явления имели место и на юге страны — в Среднем Поднепровье и Прикарпатье, где восточные славянские племена на протяжении I тыс. н. э. близко сталкивались с остатками скифского, дакийского и сармато-аланского населения, а также с некоторыми тюркскими группировками.

Большая часть перечисленных племен включилась в процесс образования древнерусской народности еще «за границами истории». Русская летопись содержит некоторые сведения лишь о «первых насельниках» Белоозера, Ростова и Мурома — веси, мере и муроме, ассимиляция которых началась только в конце I тыс. н. э., когда процесс сложения древнерусской народности зашел уже далеко. В это же время утратили свое этническое лицо некоторые тюркские группировки на юге, по-видимому, очень незначительные. Все другие неславянские элементы слились с восточными славянскими группировками много раньше — в начале и середине I тыс. н. э., и об этом ничего не было известно составителям летописи. При изучении отдаленного периода в истории образования древнерусской народности основные данные черпаются из археологических и лингвистических материалов.

Роль неславянских группировок в образовании древнерусской народности была далеко не одинаковой и в целом не пассивной; процесс не сводился к простому поглощению их более многочисленным и сильным славянским населением. В той или иной мере все они вместе со славянскими племенами были создателями древнерусской народности и ее культуры.

Процесс образования народности шел, естественно, крайне неравномерно. Имелось множество конкретных причин, ускорявших или задерживающих его в тех или других местностях или пунктах.

На первых этапах очень большую стимулирующую роль сыграло славянское расселение. Но не только потому, что его неизбежным результатом была этническая чересполосица, а главным образом вследствие того, что оно происходило в период, когда первобытная экономическая замкнутость и обособленность начали разрушаться как в славянской, так и в неславянской среде. Разделение труда, ремесла и обмен — вот что связывало отныне людей значительно сильнее, чем старые родовые и племенные отношения.

Отделение ремесла от сельского хозяйства началось в славянской среде в VII—VIII вв. К этому времени относятся Пастырское поселение в бассейне Тясмина, правого притока Среднего Днепра, а также некоторые другие городища Среднего Поднепровья, где были сделаны соответствующие находки. В это же время, несколько позже, чем на юге, первые поселки городского типа появились и на Севере. А IX—X вв. были временем быстрого роста торгово-ремесленных городов и в Среднем Поднепровье и на Севере, и на Северо-Востоке, причем они далеко не во всех случаях возникли как славяно-русские города. Имеются бесспорные доказательства, указывающие на то, что Ростов и Муром были основаны местным финно-угорским населением, являлись результатом местных социально-экономических процессов. Позднее они, как и северные города — Белоозеро, Ладога, Новгород, Псков и др., стали местами оживленных контактов людей разного языка, главными лабораториями формирования народности, где стирались грани между восточнославянскими диалектами, шла ассимиляция неславянских группировок, складывались черты культуры, распространявшиеся как среди славянского, так и неславянского населения.

В городах жили выходцы из разных областей Руси — русских и нерусских. Достаточно обратиться к истории Киева, чтобы убедиться в том, что кроме славяно-русского населения там проживали представители разноплеменной Хазарии, свои дворы имели варяги, в центре города был двор Чудин, принадлежавший, вероятно, выходцу из земли эстов. В Новгороде жили чудь, воль, ижора, временами — много варягов. В Ростове Великом был Чудской конец, где до XIV в. стоял каменный идол.

Когда Олег из Новгорода пошел на Киев, в его войске были словени, кривичи, чудь, меря и весь, а его войско для похода «на греки» состояло из четырнадцати «племен», русских и нерусских. Словени, кривичи и чудь находились в новгородском войске Владимира Святославича.

В города-крепости, поставленные Владимиром на южных рубежах Руси, были поселены люди не из соседних, а из северных областей: «От словен и от кривич, и от Чуди, и от вятич, и от сих насели грады, бе бо рать от печенег». При раскопках курганного могильника около одного из владимировых «градов» — Гочевского городища — было найдено детское погребение с чудскими, финно-угорскими вещами. Это следы людей, которые пришли сюда с далекого Севера.

А позднее, когда начало укрепляться феодальное землевладение, войны внутри Руси и вне ее сплошь да рядом сопровождались захватом «полона», который поселялся на новых землях. И такая инфильтрация населения продолжалась столетия.

Огромное значение в процессе образования древнерусской народности на поздних его этапах сыграла та значительная подвижка населения с юга на север, которая была вызвана нарастающей активизацией кочевников-половцев в XII в. Вскоре и центр Руси переместился из Среднего Поднепровья в Залесье, в Ростово-Суздальскую землю.

Не следует думать, что сложение древнерусской народности полностью завершилось сразу после образования Древнерусского государства. На первых порах средневековья народность являлась общностью весьма относительной: еще долго сказывалось своеобразие ее компонентов. Не только языковые особенности, связанные с древними диалектами различных славянских группировок и неодинаковым неславянским субстратом, не только специфические черты культуры, бытового уклада и религиозных представлений, унаследованные от прошлого, но и конкретные особенности в развитии общественного строя и различные хозяйственные традиции в первое время так или иначе отличали друг от друга отдельные части формирующейся древнерусской народности. Поэтому древнерусское население далеко не сразу стало воспринимать себя в качестве единой народности. Не только в IX—X вв., но и в XI—XII вв. Русью, Русской землей называлась обычно лишь сравнительно небольшая область в пределах Среднего Поднепровья, лежащая вокруг трех городов: Киева, Чернигова и Переяславля-Русского. Население других земель — галичских, смоленских, новгородских, залесских — русским первоначально не называлось. Древлянская земля, расположенная совсем недалеко от Киева, также находилась за пределами первичной Руси. Лишь позднее, после значительных изменений в жизни Древнерусского государства, прежде всего вместе с укреплением феодальных порядков и возникновением новой исторической

обстановки, вызвавшей перемещение центра Руси и больших масс населения из Среднего Поднепровья на север, наименование Русь распространилось на все древнерусские земли, их население повсеместно стало считать себя русским.

В последующие столетия представление о единстве русской (древнерусской) народности продолжало все более и более крепнуть. И это происходило уже в период, когда Древнерусское государство стало дробиться на части, вступило в полосу политической феодальной раздробленности. Разве это не прекрасная иллюстрация того, что сложение народности и история государства — хотя и связанные друг с другом, но все же особые процессы?

2

До недавнего времени вопросами образования древнерусской народности в широких хронологических рамках, охватывающих и тематику славянского этногенеза, занималась главным образом лингвистика — такие ее отрасли, как сравнительно-историческое языкознание, диалектология, изучение топонимики, «лингвистическая география». При этом обычно учитывались и исторические свидетельства о древних славянах и Руси, как известно, очень неполные и во многом противоречивые, но так или иначе конкретизирующие некоторые соображения, основанные на лингвистическом материале, ориентирующие их во времени и пространстве. Историко-лингвистические разыскания в данной области имеют без малого уже двухсотлетнюю традицию.

Здесь нет необходимости заниматься историей этих разысканий и разбором тех многочисленных и разнообразных соображений, к которым они приводили. Труды ученых XVIII—XIX вв. представляют сейчас в своей значительной части лишь историографический интерес. В их основе лежали далекие от истины представления о развитии человеческого общества, и в частности ложные, искусственные концепции глоттогонического и этногенетического процессов.

На рубеже и в начале нашего века в русской науке особенно большое значение имели исследования А. А. Шахматова. Такие его историко-филологические работы, основанные на огромном фактическом материале, как «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей»,⁴ «Исторический процесс образования русских племен и наречий»,⁵ «Древнейшие судьбы русского племени»⁶ и многие другие, в течение нескольких десятилетий пользовались широким признанием. Интересные исследования

⁴ Журн. Минист. народн. просв., 1899, кн. IV.

⁵ А. А. Шахматов. Введение в курс русского языка, ч. I. Пгр., 1916.

⁶ Пгр., 1919.

принадлежат младшим современникам А. А. Шахматова: историкам и филологам А. Л. Погодину и академику А. И. Соболевскому, автору в высшей степени спорной славяно-скифской гипотезы происхождения древних славян.

Языком и историей древнерусской народности много занимались и продолжают заниматься советские лингвисты А. М. Селищев, Л. П. Якубинский, С. П. Обнорский, Р. И. Аванесов, А. Л. Булаховский, И. И. Борковский и др. Особенно следует отметить работы Ф. П. Филина, посвященные древнейшему периоду истории славянского языка, его происхождению, диалектам древнерусских племен, вопросам сложения древнерусского языка. Ф. П. Филин вышел из школы Н. Я. Марра, что обусловило как некоторые слабые стороны его исследований 30—40-х годов, так и сильные стороны этих и последующих исследований, прежде всего неуклонное стремление рассматривать языковой материал в рамках закономерностей исторического процесса. Наиболее последовательно это осуществлено в обобщающей работе Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян»,⁷ речь о которой еще не раз будет идти ниже.

Отдавая должное тому вкладу, который внесла лингвистика в изучение процесса образования древнерусской народности, вместе с тем нельзя не указать на обычный для языковедческих работ недостаток: вольное или невольное стремление поставить знак равенства между историей языка и историей народности, в то время как эти тесно связанные между собой явления далеко не тождественны. История языка отражает, если можно так выразиться, лишь господствующее направление в истории образования народности, оставляя без должного внимания многие существенные стороны процесса.

Так, несмотря на то что наши представления о древнем, дославянском населении Верхнего Поднепровья — восточнобалтийских племенах — основываются преимущественно на лингвистических (гидронимических) данных, языковедение оказалось не в силах правильно определить, какую роль сыграли эти племена в образовании древнерусской народности. Балтийский субстрат в дошедших до нас памятниках древнерусского языка еле заметен, в ряде случаев спорен. Между тем восточные балты послужили в свое время мощным компонентом древнерусской народности. Еще меньший след в истории языка оставила ассимиляция древнерусским населением ряда финно-угорских группировок в глубинах Волго-Окского междуречья и на Новгородском Севере. Если бы отсутствовали исторические, археологические и этнографические свидетельства, говорящие об ассимиляции мери, муромы, веси и некоторых западных финно-угорских группировок, то на основании языковых данных было бы известно лишь о том, что

⁷ М.—Л., 1962.

на северных и северо-восточных окраинах древнерусской территории до прихода туда славянского населения жили финно-угры. Вопрос об их дальнейшей судьбе, о том, куда они делись в X—XIV вв., были ли они ассимилированы или, подобно некоторым другим родственным им племенам, отошли на север и восток, оставался бы без ответа.

Сказанное справедливо не только в отношении оценки компонентов древнерусской народности. Давно известно, например, что древний болгарский (тюркский) язык оставил лишь еле заметный след в качестве суперстрата в болгарской славянской речи, тогда как роль аспаруховых болгар в истории балканских славян и их раннесредневековой государственности была бесспорно весьма значительной.

Подобных примеров можно привести немало. Они говорят о необходимости постоянно корректировать показания лингвистики с помощью данных, добытых при изучении других источников. В меньшей мере это относится к выводам, сделанным по известиям древних или средневековых авторов и тем более по археологическим данным, нередко еще более лоскутным и избыточным лакунами, чем письменные свидетельства, относящиеся к эпохе сложения народностей.

Наука знает случаи комплексного использования различных источников при решении вопросов древней и средневековой истории. Наиболее ярким примером среди них являются труды выдающегося чешского славяноведа начала нашего века Л. Нидерле, уделявшего значительное внимание восточнославянской и древнерусской тематике.⁸ Если слависты-филологи, как уже указано, нередко согласовывали свои выводы с историческими свидетельствами, то Л. Нидерле широко использовал, помимо этого, также археологические, антропологические и этнографические данные. Комплексное их исследование привело Л. Нидерле к ряду объективных решений. По полноте охвата источников его труды не имеют себе равных. По тому же пути, привлекая различные данные, шел польский славист Т. Лер-Сплавинский. Но его исследования по сравнению с трудами Л. Нидерле ограничивались более узкой тематикой — вопросами происхождения славян и историей польских языка и народности.⁹

Нужно, однако, иметь в виду, что комплексные исследования, подобные трудам Л. Нидерле, в настоящее время и тем более в будущем вряд ли возможны. Если объем исторических (письменных) свидетельств о древних славянах и Руси за последние 50 лет существенно не изменился, то количество информации, ко-

⁸ L. Niederle. *Slovanské starožitnosti*. Praha, I, 1902; II, 1906; III, 1912.

⁹ T. Lehr-Spławiński. *O pochodzeniu i praojczyźnie słowian*. Poznań, 1946.

торой располагают лингвистика, археология, антропология, увеличилось в десятки раз. Методика изучения лингвистических, археологических, антропологических данных значительно усложнилась. В результате всего этого вопрос о взаимном корректировании выводов, полученных на основании исследования разных источников, решается сейчас иначе, чем во времена Л. Нидерле, — не столько посредством комплексного изучения различных источников, сколько путем учета и согласования выводов, полученных в итоге специальных исследований.

Как уже указывалось, процесс образования древнерусской народности в своей значительной части протекал за нижней хронологической границей исторических познаний авторов русской летописи. Сведения, сообщаемые ими о расселении славян по Восточно-Европейской равнине, представляют собой не более чем отголосок давно забытых преданий. Среди сообщений о славянах и русах, принадлежавших восточным и другим древним авторам, также отсутствуют какие-либо определенные данные, освещающие ход сложения древнерусской народности в I тыс. н. э. Основная историческая канва этого времени, хронологические и территориальные вехи в жизни восточных славян прослеживаются преимущественно по археологическим данным. При этом следует указать, что по мере накопления археологических материалов, особенно за последнее время, выводы, из них вытекающие, все более и более согласовываются с соображениями, высказанными лингвистами.

Еще совсем недавно, в конце 40—начале 50-х годов, наиболее ранними бесспорно славяно-русскими древностями, исследованными археологами, были курганы и остатки поселений IX—X вв. Восточнославянские древности предшествовавших столетий оставались почти неизвестными; они не были отделены от восточно-балтийских и других древностей. История восточных славян в I тыс. н. э., основывающаяся на археологических данных, представляла собой область мало обоснованных гипотез, нередко исключавших одна другую.

В ходе археологических исследований, проведенных в послевоенные десятилетия в Среднем Поднепровье, поречье Южного Буга и бассейне Днестра, были отысканы и исследованы многочисленные и не вызывающие никаких сомнений славянские древности второй половины I тыс. н. э. — места поселений и могильники. Их изучение позволило определить некоторые известные ранее находки, прежде всего богатые среднеднепровские клады V—VIII вв. Соображения (гипотезы) о более ранних периодах в жизни восточных славян в результате этих исследований приобрели значительно большую конкретность и определенность.

В области Верхнего Поднепровья и по его периферии подверглись исследованию многочисленные поселения и городища восточных балтов I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. В итоге открылась перспектива изучения балто-славянских отношений и их главного

результата в области Поднепровья — ассимиляции восточных балтов, слияния их со славянами в ходе образования известных по летописи древнерусских группировок. В связи с этим выявилось кое-что новое и в древней истории финно-угорских племен Волго-Окского междуречья, восточных соседей днепровских балтов.

Но далеко не все вопросы, относящиеся к истории образования древнерусских раннесредневековых группировок и древнерусской народности, получили законченный ответ. Исследования этой темы продолжаются. В настоящей книге будет сделана попытка осветить три вопроса, относящиеся к ней: расселение славянских племен в области Поднепровья и его периферии, когда славяне встретились с балтами; древнейшая Русь — основное ядро древнерусских народности и государства; роль финно-угорских племен севера Восточной Европы и восточной части Волго-Окского междуречья в формировании древнерусской народности.

СЛАВЯНЕ И БАЛТЫ В ПОДНЕПРОВЬЕ

О ДРЕВНИХ СЛАВЯНАХ¹

1

Судя по историческим, филологическим и археологическим данным, восточнославянские группировки не были исконными обитателями всей той огромной территории, в пределах которой сформировалась раннесредневековая древнерусская народность. Им принадлежала в древности лишь ее юго-западная часть. В первобытной истории восточных славян имелся период, в течение которого они значительно расширили пределы своих земель. С этого периода — времени «великого славянского расселения» — начинали историю Древней Руси многие исследователи, отечественные и зарубежные.

Если факт славянского расселения никогда не вызывал и теперь не вызывает каких-либо сомнений, то конкретная история расселения: его хронологические рамки и масштабы, его причины и «движущие силы», границы плацдарма, откуда оно началось, — все это относится к области дискуссионных вопросов, среди которых лишь немногие нашли в последнее время более или менее согласованное решение. Еще далеко не ясным остается вопрос о происхождении славян, о началах их исторического бытия. Разъяснение древнейшей истории славянских племен не входит в задачу этой книги, посвященной исторической тематике более позднего времени, главным образом кануна средневековья. Но несколько слов по этому поводу сказать необходимо, иначе не будут ясны исходные позиции автора.

В результате исследований последних десятилетий выясняется, что древняя территория славянских племен лежала в сред-

¹ Ряд вопросов, обрисованных в настоящем разделе, получил освещение в кн.: П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966. См. также: М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. В сб.: Проблемы всеобщей истории. Изд. Ленингр. гос. ун-в., 1967.

ней полосе Европы, севернее и северо-восточнее Карпат. В ее границы на западе входили бассейн верхнего и среднего течения Вислы и, может быть, верховья Одера. На востоке славянам принадлежали земли в Правобережье Среднего Днепра, в зоне лесостепи и леса, ограниченные с севера течением Припять. Здесь, на берегах Днепра, в I тыс. до н. э. и в начале н. э. славяне сталкивались с западными иранскими племенами, сначала скифами, а позднее сарматами. На юге, в Прикарпатье, лежали области древних фракийцев. Соседями славянских племен на западе были когда-то иллирийцы, а затем кельты и германцы. Наконец, севернее славянских пределов, за Припятью, в Верхнем Поднепровье и в областях, примыкающих с юго-востока к Балтийскому морю, жили многочисленные племена балтов — предки литовцев, латышей, пруссов и средневековых ятвягов, а также днепровские балты, смешавшиеся со славянами в раннем средневековье. Их соседями на севере и востоке являлись древнейшие обитатели восточноевропейских лесов, племена финно-угорской группы.

Такова в самых общих чертах древняя этногеографическая картина Средней и Восточной Европы приблизительно двухтысячелетней давности, основанная на скудных сообщениях современников — историков и географов рубежа и начала нашей эры, главным же образом на материалах сравнительно-исторического языкознания, гидронимии и «лингвистической географии», а также на археологических данных.

Известия о славянах-венедах, приведенные греческими и латинскими авторами — Птолемеем, Тацитом, Плинием и др., являются крайне неопределенными и во многих отношениях спорными. Из них можно заключить, что многочисленные племена венедев, по своему образу жизни отличавшиеся от сарматского населения степей и близкие германцам, на рубеже и в первых веках нашей эры обитали в лесах между Карпатами и «Венедским заливом Северного океана», т. е. Балтийским морем, по обе стороны Вислы, главным образом на восток от нее. Через их земли по Висле проходил торговый путь, связывавший римские владения с южным побережьем Венедского залива, Янтарным берегом, где издавна добывали янтарь.

Границы земли венедев на основании этих известий не могут быть обозначены на карте хотя бы приблизительно. Остается неясным отношение к ним многих других племен, известных только по наименованию, помещенных древними авторами к северу от Карпатских гор. Трудно сказать даже, насколько справедливой и бесспорной является идентификация венедев и древних славян. По сообщению Иордана, историка VI в. н. э., и некоторым другим сведениям, венеды — это древнее наименование славян. В этом значении этноним «венеды» сохранился в Средней Европе до позднего средневековья. Но весьма возможно, что в древности, на рубеже и в начале нашей эры, венедами называли не только сла-

вян, но и других восточных соседней германцев, в частности балтов, по образу жизни отличавшихся от кочевников-сарматов.

Более обстоятельными являются данные о размещении древних славян и соседних с ними европейских племен, полученные в результате изучения отразившихся в языках контактов и связей между различными племенами. Так, в славянских и балтийских языках имеется ряд общих особенностей, восходящих к далекому прошлому и свидетельствующих, что эти племена столетиями жили по соседству друг с другом. В балтийских языках налицо следы древних контактов с финно-угорским миром, которые еще более отчетливо отразились в материалах финно-угорского языкознания. В славянских же языках следов таких контактов не наблюдается. Отсюда следует, что в древности славяне и финно-угры не имели общей границы, их отделяли друг от друга балтийские племена. Очевидно, славяне жили южнее и юго-западнее балтов. В свою очередь славянские языки содержат отдельные иранские элементы, в балтийских языках почти не представленные. Значит, славянам принадлежали области, отделявшие западных иранцев (скифов и сарматов) от поселений балтов. Таким же образом устанавливается, что область древних славян лежала между землями балтов и владениями кельтских племен, что те и другие — славяне и балты — граничили на западе с германцами и т. д. В результате сопоставления всех этих наблюдений с известиями древних авторов появилась возможность представить уже более или менее определенную этногеографическую картину древней Европы (рис. 1).

Особенно существенным было то, что основные контуры этой картины совпали с данными, полученными в итоге изучения топонимики и гидронимии — наименований рек, озер и урочищ, восходящих нередко к глубокой древности и веками сохранявших свою этническую специфику.

Оказалось, что старые славянские гидронимы лежат широкой полосой в Центральной и Восточной Европе, от Среднего Днепра на востоке и до Одера на западе, т. е. в тех самых пределах, которые и по другим данным связываются с древними славянами. За Припятью начинается область балтийской гидронимии, охватывающая все Верхнее Поднепровье, Понеманье, большую часть поречья Западной Двины и Юго-Восточную Прибалтику. Очень хорошо прослеживается граница балтийских и финно-угорских гидронимов, идущая от Рижского залива на восток к верховьям Волги и дальше по Волго-Окскому междуречью в юго-восточном направлении к устью Москвы-реки и еще далее на юг. В Среднем Поднепровье имеется некоторое количество иранских гидронимов, вероятно, сарматского происхождения. Они сохранились в славянской среде, в области древних контактов славян с западными иранцами. На западе, по Одере и Эльбе, в Ютландии и южной части Скандинавского полуострова, распространена древнегер-

манская гидронимия, а в южной части Центральной Европы — по верхнему течению Дуная, где жили кельтские племена, — кельтская гидронимия и топонимика.

Наконец, некоторые интересные данные о расселении древних европейских племен, в том числе славянских, получены «лингвистической географией», своеобразной отраслью лингвистики,

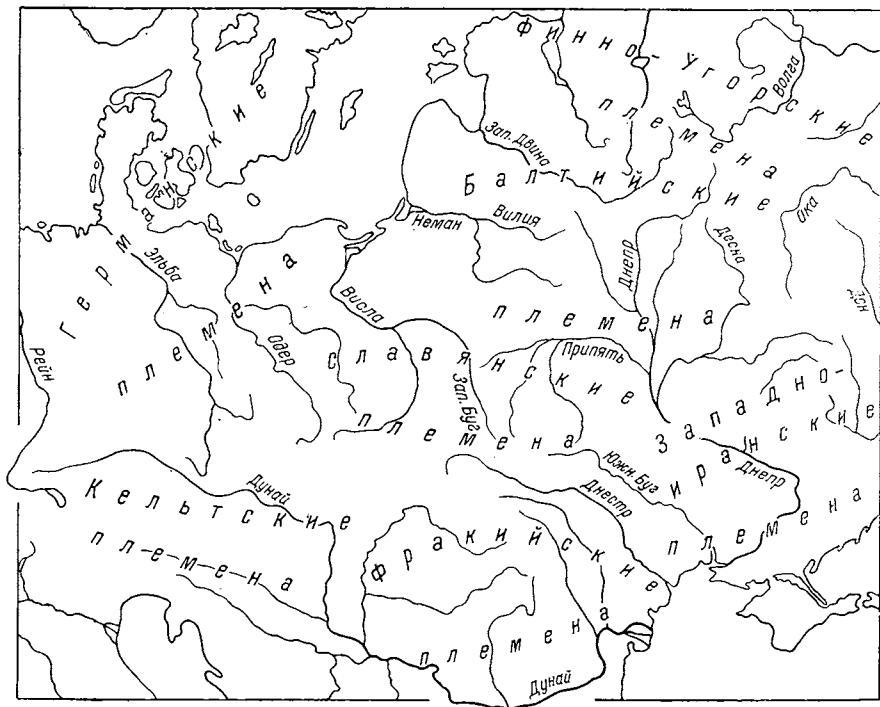

Рис. 1. Древнейшая славянская область в Средней и Восточной Европе по историческим и филологическим данным.

рассматривающей такие элементы в истории языка, которые отразили те или иные особенности природной среды. Так, например, известно, что славяне некогда заимствовали у германцев наименование бука. Это свидетельствует, по-видимому, о том, что славяне жили первоначально вне пределов распространения этого дерева. А по данным палеоботаники, бук не встречался в древности восточнее поречья Одера. Следовательно, западнее Одера славяне не проникали. В языке древних славян не было своего слова для обозначения лиственницы. Это дерево было известно в древности на Карпатах, куда славянские поселения также, очевидно, не распространялись. В настоящее время гипотеза о сла-

вянской «родине» на Карпатах, одно время весьма популярная среди филологов, никем из славистов не поддерживается. В древнем славянском языке нет терминологии, свидетельствующей о жизни на морском побережье, в горных местностях или в открытой степи. Славяне жили в зоне умеренного климата, в полосе лесостепи и леса, богатой реками, озерами и болотами. Обрисованные выше контуры их древней территории вполне соответствуют данным славянской «лингвистической географии».

Определение древней славянской территории явилось большим завоеванием современной славистики, положившим конец длительному периоду поисков и дискуссий. До недавнего времени, вплоть до начала нашего века, область древних славянских поселений искали в разных частях Европы, на юге и на севере, и даже за пределами европейского материка. Большой популярностью долгое время пользовалась мысль, основанная на сообщении «Начальной летописи» о древних поселениях славян на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска». Существовала, как уже указывалось, «карпатская теория» древней славянской «родины». В начале нашего века А. А. Шахматов предполагал, что древнейшая «родина» славян находилась на балтийском побережье между Неманом и Западной Двиной. Вместе с тем он не мог обойти молчанием и собранные в то время данные о древних славянах в Центральной Европе. «Вторая родина» славян, куда они якобы продвинулись в начале нашей эры, по мнению А. А. Шахматова, находилась в бассейне Вислы. Несколько раньше и при этом более определенно высказывался по поводу древней территории славян на Висле и в Правобережье Днестра историк-славист А. Л. Погодин.²

Современные представления о древней славянской территории, к которым постепенно подходили историки и филологи начала нашего века, впервые получили обстоятельную аргументацию в трудах выдающегося чешского слависта Л. Нидерле. Позднее, в 30—40-х годах, их обосновывали в своих работах А. М. Селищев, Т. Лер-Сплавинский, М. Рудницкий, в последнее время — Ф. П. Филиц и В. Полак.³ Все они и многие другие исследователи

² А. А. Шахматов. 1) Введение в курс истории русского языка, ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пгр., 1916; 2) Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919; А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

³ L. Niederle. Slovanské starožitnosti. Původ a počátky národa slovan-ského, díl I, sv. 1—2. Praha, 1902—1904; Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 19—45; А. М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941; T. Lehr-Splawinski. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, Poznań, 1946; M. Rudnicki. Prasłowiańszczyzna. Lecha-Polska. Wyłonienie się słowian spośród ludów indoeuropejskich i ich pierwotne siedziby. Poznań, 1959; Ф. П. Филиц. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962; V. Polák. 1) Ethnogenese slovanů s hlediska jazykového. Vznik a počátky slovanů, I. Praha, 1956; 2) Slovanská pravlast s hlediska jazykového. Там же.

очерчивали пределы древней славянской территории более или менее одинаково, расходясь друг с другом лишь относительно второстепенных деталей.

Судя по многочисленным общим особенностям в языке, наиболее близкой славянам группой европейских племен были древние балты. Тесные связи славян и балтов восходят, как уже сказано выше, к глубокой древности, к самым истокам этих племен, составлявших вместе с древними германцами северную индоевропейскую группировку. Но характер этих связей еще далеко не выяснен. Poleмика по данному поводу продолжается среди лингвистов без малого уже сто лет и вряд ли закончится в ближайшее время. По мнению одних, сходные явления в языке славян и балтов объясняются тем, что они составляли некогда единую группировку — балто-славянскую, которая лишь впоследствии, но так же еще в отдаленной древности, распалась на две части: на славян и балтов. Другие исследователи, представляющие в последнее время большинство, выступают против предположения о былом балто-славянском единстве. Общие элементы в славянских и балтийских языках они объясняют иначе, то ли как следствие длительных древних контактов, обусловивших общие процессы в языке, то ли как результат поглощения в далеком прошлом однородного субстрата и т. д. Тесные связи славян и балтов продолжались в течение многих столетий и в последующее время, накануне и в начале средневековья. В период формирования в Европе средневековых народностей одни балтийские племена, их более передовые группировки, жившие вблизи морского побережья, консолидировались в народности, а другие, жившие в глубине материка, еще не порвавшие с первобытным строем, были поглощены формирующимися славянскими народностями — древнерусской и древнепольской. Это также существенно отразилось на истории языка и культуры и в немалой степени затруднило расшифровку более ранних балто-славянских отношений и связей.

2

Можно надеяться, что в недалеком будущем при изучении древних судеб славянских и других племен серьезное значение приобретут факты, полученные в результате археологических исследований. Только на их основании события и явления далекого прошлого, находящегося «за границами истории», смогут получить достаточно точное определение во времени и на географической карте, без чего невозможно изучение конкретного исторического процесса. Сегодня же, несмотря на значительные успехи славянской археологии в СССР и за рубежом, объем информации, имеющей ближайшее отношение к далекому славянскому

прошлому, является далеко не достаточным. История древних славян в освещении археологических материалов — это область гипотез, обычно недолговечных, постоянно вызывающих многочисленные сомнения. Более или менее твердую почву под ногами славянская археология имеет лишь начиная с раннего средневековья, со второй половины I тыс. н. э.

Трудности славянской археологии объясняются не только недостатком фактов, что, конечно, очень существенно, но и крайней сложностью самой проблемы, изменчивостью исторических судеб, а следовательно, и культуры древних славян.

Если обратиться, скажем, к археологии балтов, то станет очевидным, что жизнь этих племен, обитавших в северных лесах, в отдалении от беспокойного Юга, протекала относительно спокойно. Столетиями люди оставались на одних и тех же местах; их культура развивалась преемственно, без резких изменений. Передвижения в среде древних балтийских племен или вторжения извне чуждых элементов не оставили в истории их культуры значительного отпечатка. То же самое можно сказать об истории культуры большинства племен финно-угорской группы. Ретроспективно, отправляясь в глубины времен по материалам этнографии и позднесредневековой археологии, можно проследить их культуру вплоть до глубокой древности.

Совсем иначе, в иных условиях, протекала жизнь славянских, германских, кельтских и других европейских племен, в той или иной мере связанных с исторической и культурной жизнью Южной Европы. Еще в отдаленной древности на их развитии заметно сказались влияния более передовых племен — обитателей Средиземноморья и Причерноморья. В начале I тыс. до н. э. на юге Европы возникли рабовладельческие государства, история которых протекала отнюдь не изолированно от северной периферии. Вскоре классовое общество и соответствующие формы культуры сложились в среде скифских, фракийских и кельтских племен, т. е. уже в непосредственной близости к славянским пределам. Все эти новые для того периода явления исторической жизни сопровождались развитием экономических связей, торговли, а также бесконечными войнами и передвижениями племен, особенно усилившимися в римское время. И хотя вплоть до середины I тыс. н. э. славяне не принимали активного участия в исторической жизни юга Европы, они постоянно испытывали на себе воздействие той неустойчивой и меняющейся обстановки, которая царила на их южных границах, и при этом влияние разного характера — как положительное, так и отрицательное. Кельты и, по-видимому, скифы, у которых сложились государственные объединения рабовладельческого характера, предпринимали неоднократные попытки подчинить себе соседние, в частности и славянские племена. Проходивший по Висле торговый путь к Балтийскому морю оставил в культуре местного населения, в том числе и отдельных славян-

ских группировок, заметные следы. В римское время через славянские области двинулись на юг германские племена — кимвры, тевтоны, маркоманы, квады и др., позднее — готы. Ниже речь пойдет о том, что в движение готов, спустившихся с севера в Юго-Западное Причерноморье, были вовлечены, по-видимому, и славянские группировки (см. стр. 48). Все эти разнообразие обстоятельства существенно отражались на культуре тех или иных славянских племен, причем отражались по-разному, во многих случаях они нарушали самобытность славянской культуры, придавали ей чуждые черты.

Для того чтобы понять и объяснить все эти явления исторической и культурной жизни по их нередко очень бледным следам в археологических источниках, необходимо собрать особенно большой фактический материал, относящийся к древним славянам, значительно превышающий то, чем сейчас располагает археология.

Одно время, особенно в 40—начале 50-х годов нашего века, значительным признанием пользовалась славянская этногенетическая гипотеза польского археолога Й. Косшевского, послужившая одним из оснований «висло-одерской теории». По его мнению, древнейшими славянами были племена позднего бронзового и раннего железного века (XIII—IV вв. до н. э.), известные археологам по древностям лужицкой культуры, одной из наиболее ярких среднеевропейских культур того времени. Лужицкие племена были хорошо знакомы с земледелием, скотоводством и обработкой металлов. Их древностями являются остатки поселений, нередко укрепленных валами и рвами, и могильники с трупопожжениями. Свое условное название они получили от Лужицы — старинной западнославянской земли.

Старейший центр формирования лужицких племен, по мысли Й. Косшевского, лежал на западе — в междуречье Одера и Вислы, где находились поселения их предшественников и предков предлужицких и унегицких племен. Отсюда лужицкие племена стали распространяться якобы в восточном направлении, поглощая местное население Повисленья, известное по древностям тшинецкой культуры, получившей свое название от древнего поселения в Тшинце в Среднем Повисленье.

В последующий период, уже во второй половине I тыс. до н. э., в среде позднелужицких племен произошли заметные изменения, связанные с передвижением северных, поморских, племен на юг и юго-восток. Через некоторое время племена Повисленья, смешавшиеся с пришельцами, оказались под сильным влиянием культуры кельтов. В итоге всего этого у населения Повисленья возникла пшеворская культура последних веков до нашей эры и начала нашей эры (по г. Пшеворску в бассейне Сана), которую некоторые исследователи связывали с историческими венедами-славянами. Из тех же элементов — позднелужицких и поморских плюс влияние кельтской культуры — на юго-восточных окраинах

образовалась культура зарубинецких племен, продвинувшихся во II в. до н. э. на Средний Днепр и положивших начало днепровским славянам.⁴ Свое археологическое имя эти племена получили по могильнику у с. Зарубинцы, расположенному на правом берегу Днепра южнее Киева.

Последовательными защитниками «висло-одерской теории» были многие польские археологи, в частности К. Яджевский, автор «Атласа происхождения славян» и других исследований, посвященных славянским древностям. Чехословацкий археолог Я. Филип в книге «Начало славянского населения в Чехословакии», вышедшей в конце 40-х годов, привел 38 доказательств славянства лужицких племен.⁵

Несколько иначе представлял себе картину происхождения славян известный польский славист Т. Лер-Сплавинский. Он полагал, что лужицкая культура не была славянской, а принадлежала мощной индоевропейской группировке, исчезнувшей еще в древности, но сыгравшей значительную роль в европейском этногенезисе. Продвигаясь из Висло-Одерской области на восток, лужицкие племена, по мысли Т. Лер-Сплавинского, легли суперстратом на западные группировки неразделившихся балто-славянских племен (тшинецких и др.). В результате из смешения лужицких и местных элементов возникли славяне, отделившиеся тем самым от балтов, не испытавших на себе лужицкого влияния. Последующую судьбу древних славян, по археологическим данным, Т. Лер-Сплавинский изображал в основных чертах так же, как и Й. Косшевский. В пшеворских племенах он тоже видел древних славян-вендов.⁶

Но в ходе дальнейших исследований в «висло-одерской теории», во всех ее вариантах, обнаружилось глубокие трещины. Оказалось, что мысль о сложении лужицких племен в Висло-Одерской области и о продвижении их оттуда на восток далеко не бесспорна. Уточнение хронологии лужицких древностей показало, что их западная (западнопольская) группа отнюдь не являлась старейшей. Лужицкие племена не были в свое время суперстратом, перекрывшим тшинецкий массив, они не смешались с тшинецкими племенами, а скорее всего являлись их потомками. Земли на запад от Вислы были заняты ими несколько позднее. Другими словами, процесс шел совсем иначе, чем предполагают Й. Косшевский и его последователи.

Выяснилось также, что поселения тшинецких племен в третьей четверти II тыс. до н. э. имелись не только в границах бассейна

⁴ J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem Polskich, Krakow, 1939—1948.

⁵ K. Jażdżewski. Atlas do pradziejów słowian. Łódź, 1949; J. Filip. Počátky slovanského osídlení v Československu. Praha, 1946.

⁶ T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. стр. 92—115.

Вислы, но и простирались далее на восток, вплоть до Среднего Днепра (рис. 2). Следовательно, тшинецкие племена занимали ту самую область, которая на основании других данных выступает как древнеславянская. Все это породило мысль о том, что именно тшинецкие племена являлись древнейшими славянами или их важнейшим компонентом. В конце 40-х годов впервые за такое решение вопроса высказался польский археолог С. Носек. В настоящее время исследования в данном направлении ведут А. Гардавский, некоторые другие польские ученые и украинские археологи А. И. Тереножкин, С. С. Березанская, И. К. Свешников и др.⁷ Некоторые предварительные итоги первого этапа этих исследований были подведены в книге ученика Л. Нидерле — известного чехословацкого археолога-слависта Я. Айзнера, умершего в 1967 г.⁸

Дальнейшее развитие культуры у племен восточной части тшинецкого массива шло несколько иначе, чем на западе, не по лужицкому, а по-иному пути. В конце II тыс. до н. э. на основе тшинецкой культуры здесь сложилась преемственно связанная с ней так называемая белогрудовская культура, во многом близкая лужицкой, также земледельческо-скотоводческая, но имевшая и свои специфические особенности в материальной культуре. Поздний этап белогрудовской культуры, относящийся к раннему железному периоду — VIII—VII вв. до н. э., получил название чернолесской культуры по имени городища Черный Лес в бассейне р. Ингулец, правого притока Днепра. Во второй четверти I тыс. н. э. чернолесские племена, по мысли А. Н. Тереножкина, попали в границы скифского объединения, что оказало большое влияние на их жизнь и культуру и еще более обособило их от западной группы раннеславянских племен.

Иначе представляется сейчас и вопрос о пшеворских племенах, в которых пытались видеть исторических венедов. Одним из их северных компонентов кроме поморских племен было, по-видимому, население, продвинувшееся на юг из Ютландии или низовьев Эльбы, которое не могло быть не кем иным, как древними германцами, отдельными их группировками. Перед польской археологией стоит сейчас задача дифференциации пшеворского археологического массива, разделения его на две части — славянскую (венедскую) и германскую. Речь идет при этом не о территориальном

⁷ S. Nosek. Zagadnienie prasłowiańszczyzny w świetle prehistorii. Warszawa, 1947; A. Gardawski. 1) Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce. Materiały Starożytność, 5, 1959; 2) Zagadnienie ciągłości osadniczej, kulturowej i etnicznej w międzyrzeczu Odry—Dniepru od II okresu brązu do VI—VII w. n. e. I. Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej 1956, Warszawa, 1968; А. И. Тереножкин. Предскифский период на Диспровском Правобережье. Киев, 1961; С. С. Березанская. Культура тшинецко-комаровского типа в северных районах Украины. Доклад на Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве в 1965 г. Тез. докл. сов. делег., М., 1965, стр. 31—33.

⁸ J. Eisner. Rukovič slovanské archeologie. Praha, 1966, стр. 21—72.

размежевании, разделении пшеворского ареала на две области, а о выделении славянских и германских древностей нередко в одних и тех же пределах, так как в это время — в конце I тыс. до н. э. и в начале н. э. — славянские и особенно германские племена находились в движении, жили чересполосно, их расположение менялось, элементы культуры смешивались. Задача эта очень

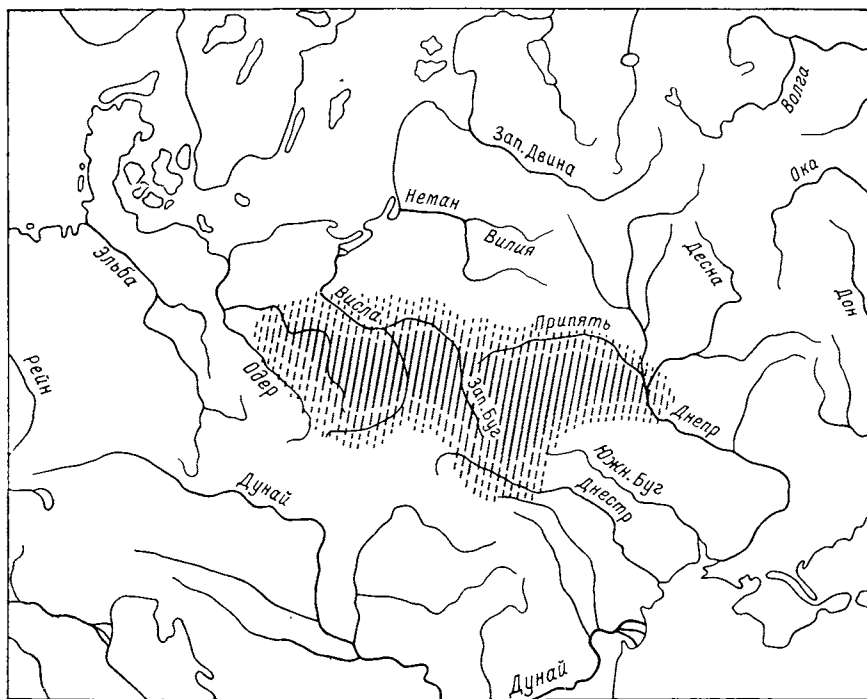

Рис. 2. Распространение древностей тшиньской (тшиньско-комаровской) культуры II тыс. до н. э. (по А. Гардавскому и С. С. Березанской).

сложная и трудоемкая. Критерии для разделения фонда пшеворских древностей на славянские и германские предстоит искать среди таких элементов культуры, которые до сих пор считались второстепенными, малозначащими. Возможно, что они отыщутся не столько в инвентаре могильников, где нередко очень сильны латенские (кельтские) элементы, нивелирующие культуру германцев и славян, сколько среди материалов из раскопок поселений — среди бытовых вещей, в приемах домостроительства и др. А последние исследованы еще далеко не достаточно.

Кажется, значительно благополучнее обстоит дело с древностями зарубинецких племен, в отличие от пшеворских весьма однообразными на всей обширной территории их распространения между верховьями Западного Буга и Средним Днестром. Зарубинецкая культура сложилась ко II в. до н. э., после того как под ударами сарматов в Поднепровье рухнула скифская оседлость, прекратилась жизнь на больших городищах скифской поры. Главные центры формирования зарубинецкой культуры находились, по-видимому, в западной части указанной территории: у верховьев Днестра и Западного Буга, по правым притокам Верхней Припяти. В предыдущий период скифское влияние ощущалось здесь слабее, чем в Поднепровье; сюда проникли из Повисленья поморские племена, упомянутые выше в связи с пшеворской тематикой. Здесь ощущалась близость земли кельтов и их яркой культуры, а также близость земли фракийцев. Западные и южные черты — поморокии, кельтские (латенские) и дако-фракийские — отчетливо представлены в культуре зарубинецких племен. Наконец, следует думать, что предки зарубинецкого населения не пострадали во время сарматского разгрома, постигшего области Среднего Поднепровья. Вскоре, еще в рамках II в. до н. э., зарубинецкие племена расширили свою территорию на восток, вплоть до Днестра и низовьев Десны, и как бы восстановили на новой основе ту картину, которая существовала здесь в доскифское время.⁹

В последующие годы в северных областях Украины, главным образом в Правобережье, было обнаружено и исследовано много новых местонахождений зарубинецкой культуры, остатков поселений и могильников с трупосожжением. Теперь уже очевидно, что в течение полных четырех столетий, со II в. до н. э. и по II в. н. э., зарубинецкие племена были многочисленным и при этом единственным населением лесостепного Поднепровья и Припятского Полесья — тех самых областей, которые рассматривались выше как восточные древнеславянские земли.

Более того, сейчас как будто бы наметилась реальная перспектива проследить по археологическим материалам дальнейшую судьбу зарубинецких племен, отыскать те звенья генетической цепи, которые связывали их с раннесредневековыми днепровскими славянами. Если исследования в данном направлении приведут к положительному и убедительному результату, славянская археология сделает большой шаг вперед. Речь об этих перспективах пойдет при дальнейшем изложении.

⁹ Ю. В. Кухаренко. 1) К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1; 2) Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1-29, 1961; 3) Зарубинецкая культура. САИ, Д1-19, 1964; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне. . . , стр. 191—220; Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. МИА, № 160, 1968.

СЛАВЯНЕ И БАЛТЫ
В ПОДНЕПРОВЬЕ
НА РУБЕЖЕ И В НАЧАЛЕ
НАШЕЙ ЭРЫ

1

Итак, в последние века до нашей эры население Верхнего и Среднего Поднепровья составляло две различные группировки, существенно отличавшиеся одна от другой по характеру, культуре и уровню исторического развития. Бассейн Верхнего Днепра и его периферия принадлежали восточным балтам. В Среднем Поднепровье, южнее Припяти, Нижней Десны и поречья Сейма лежали земли раннеславянских зарубинецких племен.

Древностями восточных балтов того времени являются многочисленные городища — остатки небольших поселений, обнесенных валами и рвами, расположенных на труднодоступных отрогах высоких речных берегов или на островах среди болот. Их систематическое изучение впервые было предпринято в 20—30-х годах нашего века белорусским археологом-энтузиастом А. Н. Лявданским. Им и его сотрудниками обследовано в Верхнем Поднепровье более 400 городищ и в отдельных пунктах произведены небольшие раскопки, заложены основы хронологической классификации верхнеднепровских городищ. Обнаружилось, что остатки материальной культуры, происходящие из раскопок на городищах Смоленщины, несколько отличаются от находок, сделанных на городищах более западных областей Верхнего Поднепровья, принадлежавших, очевидно, к несколько иному варианту культуры местных племен «раннего железного века».

В поречье Десны и по ее притокам такого же рода обследования произведены в 30—40-х годах М. В. Воеводским, В. П. Левенком и другими лицами. На высоких речных берегах здесь было выявлено более 300 древних городищ. На городище Торфель в пределах г. Брянска Е. А. Калитиной были проведены раскопки, в результате чего удалось изучить остатки нескольких жилищ и сделать многочисленные находки. Оказалось, что деснинские городища «раннего железного века» образуют особую локальную группу, отличающуюся по некоторым признакам как от группы смоленских, так и от более западных белорусских городищ, обследованных А. Н. Лявданским. Деснинские городища получили наименование юхновских по городищу у дер. Юхново на Средней Десне около Новгорода-Северского.

Первая попытка обобщения археологических материалов, происходящих из области Верхнего Поднепровья и характеризующих население «раннего железного века», была предпринята автором

этих строк в работе 1941 г.¹⁰ Там были определены варианты культуры в разных областях Поднепровья, высказаны соображения о хронологии древностей и др. В настоящее время многие положения и выводы этой работы уже устарели. Ее следует рассматривать как одно из необходимых в то время научных мероприятий, подготовивших почву для последующих больших исследований.

Такие исследования были начаты в Верхнем Поднепровье в конце 40-х годов и продолжаются вплоть до настоящего времени. В поречье Припяти и Гомельском Поднепровье исследовались многочисленные городища середины и второй половины I тыс. до н. э., относящиеся к неизвестной ранее так называемой милоградской культуре, получившей свое наименование по городищу у дер. Милоград, расположенному на правом берегу Днепра несколько ниже устья р. Березины. Значительные работы по изучению городищ этого времени проведены на Смоленщине, в бассейне Западной Двины и на Верхней Оке. Стали хорошо известны древние городища в некоторых областях северо-западной Белоруссии. На Десне и Сейме исследовалось несколько городищ, принадлежавших к упомянутому выше юхновскому типу. На основании многочисленных новых данных, полученных в итоге раскопок, представления о древней культуре днепровских балтов значительно пополнились.

Поселения-городища, защищенные от вражеского нападения земляными укреплениями и расположенные на труднодоступных местах, представляют собой явление закономерное, свойственное не только днепровским балтам, но и другим древним племенам. Такие поселения, имеющие разные по форме оборонительные сооружения, стали распространяться у древнего населения вместе с ростом и укреплением скотоводческо-земледельческого хозяйства как необходимое средство защиты появившихся ценностей — стада домашних животных и запасов хлеба в период, когда войны ради грабежа «становятся постоянным промыслом».¹¹ В южных областях Европы подобные поселения сооружались еще на рубеже неолита и периода металла. На севере, в земле балтов и других племен, где скотоводческо-земледельческий быт сложился много позднее, поселения-городища появились в период бронзы (II тыс. до н. э.) и особенно широко распространились начиная с первой половины I тыс. до н. э. Во многих областях они стали характерной формой поселений «раннего железного века».

При раскопках городищ древних балтов обнаруживаются остатки жилых построек — преимущественно больших длинных домов столбовой конструкции, разделенных на однотипные секции, а также всякого рода хозяйственных сооружений. В большинстве

¹⁰ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 11—22.

¹¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинение, т. 21, стр. 164.

случаев поселения были невелики: численность их обитателей не превышала 30—50 человек. Они составляли общину, по-видимому патриархальную, ведущую нераздельное хозяйство. На каждом городище встречаются следы обработки металлов: железа, выплавляемого из местных болотных руд, и меди, привозимой с запада и юга, из которой изготовлялись разнообразные украшения женского костюма. Встречаются изделия из кости и рога. Обычны находки небольших железных серпов и каменных зернотерок, свидетельствующих о земледелии. Среди отбросов пищи — костей животных — преобладают остатки домашнего скота: коров, свиней, лошадей, коз, овец. Охота и рыболовство играли в тот период подсобную роль в хозяйстве.

Поселки-городища располагались чаще всего группами, по 2—3—4, объединявшими общины, относящиеся, вероятно, к одному роду. В южной части Верхнего Поднепровья, на пограничье с чужими племенами, в частности со скифами, известны городища значительных размеров. Их население составляло сотню и более человек. Многолюдность поселений диктовалась, очевидно, интересами обороны от сильных и опасных южных соседей.

Такой хозяйственный и общественный уклад сохранялся у восточных балтов почти без заметных изменений в течение многих столетий, вплоть до первых веков нашей эры.¹²

Локальные группы днепровских балтов «раннего железного века», впервые отмеченные в конце 20—30-х годов, в настоящее время определились более отчетливо (рис. 3).

Юго-восточную часть Верхнего Поднепровья, включавшую в свои пределы поречье Десны (за исключением ее верховьев) и правобережье Сейма, занимали племена с юхновской культурой «раннего железного века». От них почти не отличались обитатели Северо-Восточного Поднепровья — Смоленщины, верховьев Десны и смежной части поречья Западной Двины. В археологической литературе последнего времени их называют обычно днепро-двинскими племенами. Им же или очень близким к ним племенам принадлежал бассейн Верхней Оки и ее притока — р. Угры. Юхновские, днепро-двинские и верхнеокские племена отличались друг от друга лишь по незначительным особенностям, прежде всего в глиняной посуде и ее орнаментации. На юхновских городищах постоянно встречаются разнообразные по форме глиняные «грузики» или «блоки», отсутствующие как на днепро-двинских, так и на верхнеокских городищах.¹³ Такого рода малосущественные, так

¹² П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 113—124.

¹³ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КС, в. XXIV, 1949; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Полесья. МИА, № 113, 1962; В. П. Левенок. Юхновская культура. СА, 1963, № 3; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 18—21, 47—54, 71—92, 141—176; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 163—174.

сказать «диалектные», отличия в материальной культуре оказались тем не менее чрезвычайно важными; они позволили сделать интересные наблюдения относительно перемещений в среде этих племен, речь о чем пойдет ниже.

Несколько иной характер имела культура племен северо-западной части Поднепровья, бассейна Немана и поречья Западной

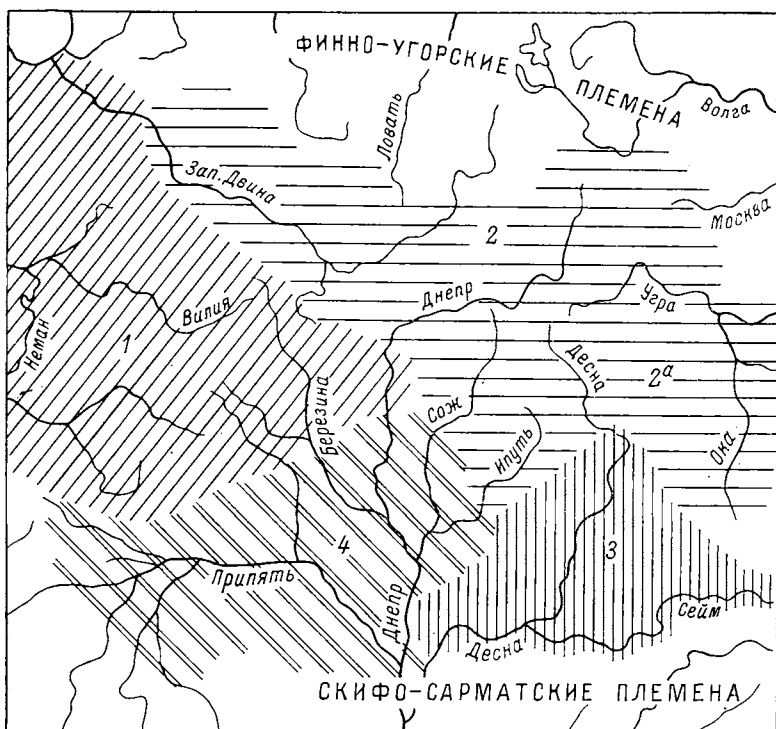

Рис. 3. Локальные группы племен Верхнего Поднепровья в I тыс. до н. э.

1 — балтийские племена со штрихованной керамикой; 2 — днепро-двинские; 2а — верхнеокские племена; 3 — южновские племена; 4 — милоградские племена.

Двины в нижнем ее течении. В пределах этой обширной области на городищах «раннего железного века» встречается глиняная посуда, покрытая грубой орнаментальной штриховкой, совсем непохожая на посуду городищ трех названных выше групп. Трудно сказать, насколько этот признак — своеобразие глиняной посуды — является в данном случае существенным, можно ли на его основании считать, что древние балты, жившие в Северо-Западном Поднепровье, заметно отличались от своих восточных соседей. При раскопках обломки глиняной посуды встречаются значительно

чаще, чем что-либо другое. Поэтому своеобразие посуды особенно бросается в глаза. Но другие элементы материальной культуры «штриховиков» — характер городищ, остатки жилищ, формы металлических изделий и др. — не обнаруживают особого своеобразия. Вероятно, и здесь следует говорить лишь о «диалектном» отличии «штриховиков» от их восточных соседей. Область, занятая городищами со штрихованной керамикой, является очень большой. В ее пределах они исследованы еще далеко не равномерно; во многих местностях совсем не изучены. Вероятно, в дальнейшем, после новых исследований, городища со штрихованной керамикой распадутся на несколько локальных подразделений, находящихся в таком же отношении друг к другу, как названные выше восточные группировки: днепро-двинская, верхнеокская и юхновская.¹⁴

Область городищ со штрихованной глиняной посудой, как уже указано, охватывает не только Северо-Западное Поднепровье, но и Юго-Восточную Прибалтику, т. е. исторические земли литовцев и латышей. На этом основании в археологической литературе эти городища уже давно рассматриваются в качестве бесспорных древностей балтийских племен «раннего железного века», тогда как этническая атрибуция других локальных групп верхнеднепровских городищ нередко подвергалась сомнениям. И только в последнее время, после новых исследований верхнеднепровской гидронимии, установивших восточную границу древних балтов, эти сомнения окончательно отпали. Оказалось, что племена Северо-Восточного Поднепровья — днепро-двинские, верхнеокские и юхновские — полностью входили в ареал древней балтийской гидронимии, их границы на севере, востоке и юге полностью совпадали с гидронимическими границами древних балтов.¹⁵

Наиболее своеобразной группой верхнеднепровских племен «раннего железного века» были обитатели милоградских городищ, расположенных в нижнем течении Припяти, Гомельском Поднепровье и низовьях Сожа. Если большие размеры значительной части милоградских городищ на южной окраине Верхнего Поднепровья вряд ли следует рассматривать в качестве особого этнокультурного признака (речь об этом шла выше относительно юхновских городищ), то своеобразные однокамерные жилища, несколько углубленные в землю, особые формы круглодонной глиняной посуды, примитивная глиняная скульптура, неизвестная другим племенам Верхнего Поднепровья, и некоторые другие специфические элементы в материальной культуре заметно отличали милоградские племена от населения «раннего железного века» из других областей Верхнего Поднепровья и Юго-Восточной Прибал-

¹⁴ А. Г. Митрофанов. Городище в Вязьинке. Матер. по археол. БССР, т. I, Минск, 1957; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 174—177.

¹⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 184—189.

тики. Можно еще добавить, что древняя балтийская гидронимия в пределах милоградской территории имеет относительно меньшую плотность и некоторые другие особенности. Вследствие всего этого вопрос об отношении «милоградцев» к древним балтам является пока что дискуссионным. Его решение особенно затрудняется тем обстоятельством, что милоградские племена и их культура, как мы увидим ниже, исчезли на рубеже нашей эры, тогда как потомки других верхнеднепровских группировок сохранились (с культурой уже нового облика) вплоть до раннего средневековья.¹⁶

Культура верхнеднепровских группировок «раннего железного века» и границы, отделяющие их друг от друга и от соседних финно-угров, а также племен Среднего Поднепровья, как уже говорилось, оказались чрезвычайно устойчивыми. Они просуществовали, заметно не изменяясь, без малого тысячу лет, а в отдельных местностях и более. Поколение за поколением люди жили на одних и тех же местах, на своих старых городищах, тщательно сохраняя дедовские традиции в области производства, быта и культуры. Находки, сделанные в нижних, ранних слоях верхнеднепровских городищ, не всегда можно отличить от находок, происходящих из верхних горизонтов слоя, — настолько медленно изменялись здесь жизнь и культура. И так продолжалось до тех пор, когда в Поднепровье, сначала Среднем, а вскоре и Верхнем, появилось новое население, определившее направление всей последующей истории этой области, ставшей впоследствии местом формирования древнерусской народности. Это были зарубинецкие, по всем данным — раннеславянские племена.

2

Если культура восточных балтов конца I тыс. до н. э. и первых веков нашей эры должна быть охарактеризована как архаичная, сохранявшая традиции тысячелетней давности, то культура зарубинецких племен этого же времени, напротив, являлась новообразованием. Она возникла, как упоминалось выше, в послекифское время и отразила все то новое, что принес в Европу «второй (средний) железный век», наиболее ярким выражением которого была среднеевропейская кельтская (латенская) культура.

С экономическим и общественным укладом, характерным для «периода поселений-городищ», предки зарубинецкого населения распространились еще к исходу третьей четверти I тыс. до н. э., на 3—4 столетия раньше, чем днепровские балты. В последние века до нашей эры зарубинецкие поселения, как и поселения пше-

¹⁶ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне. . . , стр. 177—184, 187.

ворских племен Повисленья, представляли собой, как правило, открытые поселки без оборонительных сооружений, широко раскинувшиеся на удобных для жизни речных берегах. Они состояли из значительного числа однокамерных жилищ столбовой конструкции, наземных или несколько углубленных в почву. По-видимому, у зарубинецких племен патриархальнообщинные отношения находились в состоянии значительного распада. На первое место выдвинулась отдельная семья, входившая вместе с другими такими же семьями в состав соседской (сельской) общины — социальной организации, появившейся на последнем этапе развития первобытного общества.

Изменения характера поселений — исчезновение поселений-городищ, укрепленных валами и рвами, свидетельствует еще и о том, что былая разобщенность отдельных поселений или групп поселений друг от друга сменилась теперь какими-то союзными связями. Появилась организация, в частности военная, избавившая обитателей каждого поселка от необходимости каждодневной самозащиты. Такой организацией в это время, на «высшей ступени варварства», было разросшееся племя или союз племен с «военнодемократическим» устройством.

В основе всех этих новых явлений в общественной и политической жизни лежали значительные перемены в области производства. Прежде всего здесь следует указать на прогресс в области металлургии железа, на появление более совершенных и разнообразных орудий труда. Значительные изменения произошли в сельском хозяйстве; оно стало приближаться к тому уровню, который был характерен для раннего европейского средневековья. Большую роль в экономике стали играть торговые связи.

Всему сказанному отнюдь не противоречит то, что у зарубинецких племен, которые во II в. до н. э. вышли на Днепр, поселения первоначально располагались на отрогах высоких речных берегов и, возможно, имели оборонительные сооружения. Здесь зарубинецкое население было пришлым, оказавшимся в опасном соседстве с сарматской степью. Зарубинецкие группировки, проникшие на Верхний Днепр, на милоградскую территорию, также первоначально поселялись на старых милоградских городищах под защитой их валов и рвов. Но вскоре и в Поднепровье зарубинецкие поселения переместились с высоких, неудобных для жизни берегов и старых городищ ближе к воде, на невысокие берега или на всхолмления среди поймы.

С первых веков нашей эры преобладающим типом жилищ на зарубинецких поселениях стали прямоугольные землянки площадью 10—15 кв. м, углубленные в землю на 0.5—1.0 м, с двускатной крышей, с очагом или печью в середине или чаще в одном из углов. Это был тот самый тип жилищ, который почти без изменений сохранялся у большинства славянских племен вплоть до средневековья. Рядом с жилищами располагались разного рода

хозяйственные постройки, чаще всего наземные, столбовой конструкции, а также ямы-погребка характерной колоколовидной формы. Как и жилища-землянки, такие погребка были широко распространены в славянской среде очень долгое время. Они являлись специфическим элементом славянской культуры не только в древности, но и в средневековье.

Рядом с остатками зарубинецких поселений, на соседних участках берега, обнаруживаются могильники без курганных насыпей, содержащие остатки трупосожжений, сопровождаемые глиняными сосудами и отдельными вещами, главным образом предметами убора и украшениями. Этот погребальный обряд в славянской среде также сохранялся до раннего средневековья. Таким образом, целый ряд элементов культуры, характерных для зарубинецких племен, связывает их с далекими средневековыми потомками.

Несмотря на то что количество зарубинецких поселений и могильников, исследованных путем археологических раскопок, еще очень невелико, культура того времени может быть обрисована со значительной полнотой. К раннему зарубинецкому времени, к последним двум векам до нашей эры, относится большое поселение на высотах правого берега Днепра в местности Пилипенкова Гора около Канева, исследованное В. А. Богусевичем и Е. В. Максимовым. К этому же и несколько более позднему времени принадлежит зарубинецкий слой Чаплинского городища, расположенного на отроге правого высокого берега Днепра в Гомельской области. На городище при раскопках были сделаны многочисленные находки орудий труда из железа, украшений и предметов убора, глиняной посуды и др. Рядом с городищем расположен огромный могильник. Небольшие раскопки позднезарубинецких поселений первых веков нашей эры проведены в ряде пунктов в пределах Киевского Поднепровья. Наиболее крупными исследованиями поселений этого времени являются раскопки В. И. Бидзили около с. Лютежа в устье р. Ирпень и раскопки Почепского селища на р. Судости, правом притоке Десны, произведенные Ф. М. Заверняевым.¹⁷ Первый из этих пунктов является не рядовым поселением, а местом, где в течение длительного времени проводилась выплавка железа из болотной руды. Там открыты несколько прямоугольных землянок, в которых жили, вероятно, временно, и большое количество разрушенных домниц, а также ямы, в которых выжигали уголь, необходимый для сыродутной плавки железа.

¹⁷ В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой Горе близ г. Канева. МИА, № 70, 1959; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959; В. И. Бидзиля и С. П. Пачкова. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, № 160, 1969; Ф. М. Заверняев. Почепское селище. МИА, № 160, 1969; Е. В. Максимов. Раскопки памятников зарубинецкой культуры в 1965—1966 гг. В сб.: Археологические исследования на Украине, Киев, 1967, стр. 156—158.

Почепское селище — одно из наиболее северных зарубинецких поселений первых веков нашей эры — погибло в свое время от пожара, благодаря чему при его исследовании были обнаружены сравнительно хорошо сохранившиеся основания жилищ и других сооружений и сделаны особенно богатые и разнообразные находки.

Зарубинецкие могильники исследованы во многих местах. Особенно большое значение имели раскопки И. М. Самойловского на Корчеватовском могильнике в черте г. Киева, раскопки Ю. В. Кухаренко и К. В. Каспаровой на могильниках Припятского Полесья и исследования упомянутого выше могильника у Чаплинского городища. В последние годы А. И. Кубышевым исследован большой могильник у с. Пирогова к югу от Киева.¹⁸

В свете данных, полученных при раскопках, материальная культура зарубинецких племен должна быть охарактеризована как культура, буквально насыщенная железом. Железо добывалось повсеместно из болотных руд; оно выплавлялось в небольших сыродутных горнах, остатки которых исследованы в Лютеже. Ассортимент зарубинецких железных изделий богат и разнообразен. Это были различные по форме и размерам ножи, топоры-кельты, разнообразные острия, долота, стамески и зубила, серпы нескольких типов, косы-горбуши, наконечники стрел, дротиков и копий, рыболовные крючки, остроги, удила и др. Зарубинецкие металлурги были вооружены железными клещами, о которых свидетельствуют их следы на крицах. Обломок железного молотка был найден на Почепском селище. Словом, железо господствовало в производстве и повседневной жизни зарубинецких племен. И это заметно отличало их культуру от культуры верхнеднепровских балтов, у которых, несмотря на давнее знакомство с железом, его было не очень много, а ассортимент изделий был беден. Многие вещи, необходимые в быту, делались из кости и рога.

Была хорошо известна и обработка цветных металлов — меди и бронзы, которые привозились в Поднепровье из Средней Европы и, возможно, с юга. Из меди и бронзы изготовлялись предметы убора: пряжки, застежки, булавки, фибулы. А так как цветные металлы были, по-видимому, очень дороги, эти предметы нередко делались и из железа, что еще более подчеркивает его первостепенную роль в культуре.

¹⁸ И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, № 70, 1959; Ю. В. Кухаренко. 1) Памятники железного века на территории Полесья; 2) Зарубинецкая культура; 3) Чаплинский могильник. МИА, № 70, 1950; Л. Д. Побаль. Пасялення і могильник зарубинецкай культуры ў Чаплине. Весці Акад. навук БССР, № 3, серія громадскіх навук, стр. 75—79; К. В. Каспарова. Могильник Отвержичи. МИА, № 160, 1969; Е. В. Максимов и А. И. Кубышев. Пироговский могильник. МИА, № 160, 1969.

Зарубинецкие племена занимались земледелием, скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Соотношение скотоводства и охоты может быть более или менее точно определено по кухонным отбросам — костям животных, происходящим из раскопок. Главным образом это кости домашних животных: крупного рогатого скота, свиней, лошадей, в меньшем количестве кости мелкого рогатого скота. Кости диких животных — оленя, лося, кабана, косули, медведя, зайца, лесных и водоплавающих птиц — составляют обычно незначительную часть кухонных отбросов — 15—20%. Главным источником мяса был, следовательно, домашний скот. О молочной пище говорят находки глиняных сосудов с отверстиями, служивших для изготовления творога и сыра.

Не вполне ясна роль земледелия в хозяйстве зарубинецких племен. Многочисленные серпы разных форм и каменные жернова-зернотерки говорят о зерновых культурах. Имеются некоторые данные, свидетельствующие о разведении корнеплодов и технических культур: льна и конопли. Но все эти материалы не позволяют определить, какое место занимало земледелие в зарубинецком хозяйстве по сравнению со скотоводством. Нет никаких данных и о системе земледелия. Можно лишь предполагать, что зарубинецкое земледелие было пашенным, приближавшимся к земледелию кельтов, фракийцев или древних германцев, и что, возможно, когда-либо на зарубинецком поселении будет найден железный наральник.

На Чаплинском городище были найдены ямы-погребка, на дне которых сохранились скопления рыбьей чешуи. Очевидно, в этих ямах хранилась сушеная рыба.

Выше уже шла речь о том, что зарубинецкая культура — одна из культур «второго (среднего) железного века» — относится ко времени, когда племена южных областей Средней и Восточной Европы — соседи рабовладельческих государств Средиземноморья — распространились с первобытным строем, когда развивалась торговля между племенами, не затихали войны и начались значительные передвижения населения — первые шаги того «великого переселения народов», с которым было связано падение Римской империи и начало европейского средневековья. В этой обстановке в Средней и Восточной Европе усилилась инфильтрация элементов культуры, особенно же влияние культуры передовых племен — кельтов и дако-фракийцев — на культуру соседей. Элементы культуры кельтов и даков отчетливо представлены в зарубинецких древностях: в форме железных изделий, особенно в женских украшениях, даже в характере глиняной посуды, хотя вся она изготовлялась на месте, домашним способом, без применения гончарного круга.

На зарубинецких поселениях в бассейне Верхней Припяти найдены отдельные обломки привозных кельтских глиняных сосудов. В Поднепровье на зарубинецких селищах неоднократно встречались

обломки античных амфор, привезенных с берегов Черного моря или из Нижнего Поднепровья, вероятно, с вином. В полесском могильнике Отвержичи оказался богатый пояс с бронзовыми бляхами, изготовленный скорее всего на Средней Эльбе. На упомянутом выше Почепском селище найдены обломки краснолакового римского сосуда и печатка из голубой пасты в виде фигурки льва, привезенная в Верхнее Поднепровье буквально «за тридевять земель» — из Александрии Египетской. И это далеко не полный перечень находок, свидетельствующих о торговых связях заруби-нецкого населения с соседними и отдаленными странами.

3

Зарубинецкие древности — остатки поселений и могильники — в разных частях зарубинецкой территории исследованы далеко не равномерно. Тем не менее уже сейчас можно говорить о некоторых локальных особенностях зарубинецкой культуры и о разнице ее хронологии в отдельных местностях, о передвижениях в зарубинецкой среде, об отношениях между этим населением и соседними племенами. Другими словами, возможно наметить некоторые вехи политической и этнической истории раннеславянского зарубинецкого населения.

Выше уже шла речь о том, что основные центры этого населения лежали, по-видимому, в западных частях его ареала: у верхний Днестра и Западного Буга и по правым притокам Верхней Припяти. Здесь местные племена смешивались с пришлым поморским населением, их культура приобрела некоторые черты латенского (кельтского) происхождения, они испытали на себе влияние дако-фракийского мира. К сожалению, более или менее значительные исследования проводились лишь на севере: в Полесье, на Верхней Припяти. Обнаруженные там зарубинецкие древности II в. до н. э. — II в. н. э., выделенные в полесскую группу, отличаются наличием хорошо выраженных поморских пережитков и некоторыми другими особенностями. Во II в. н. э. на Верхней Припяти появилось новое население — готы, пришедшие из Нижнего Повисленья. Под их давлением зарубинецкие племена должны были отойти на восток, вниз по Припяти.¹⁹

Исследователь полесской зарубинецкой группировки Ю. В. Кухаренко полагал, что она являлась древнейшей, положившей начало всем другим зарубинецким группам. Однако среднеднепровская группа зарубинецких поселений и могильников также восходит к II в. до н. э. (а по мнению некоторых украинских ар-

¹⁹ Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. КС, в. 100, 1965; J. V. Kuharenko. Le problème de la civilisation «gotho-gévide» en Polesie et en Volhynie. Akta Balto-Slavica, 5, Białystok, 1967.

хеологов, и к более раннему времени). Латенские (кельтские) и дако-фракийские элементы на Среднем Днепре представлены ярче, чем в Полесье. Очевидно, зарубинецкие племена, продвинувшиеся на Средний Днепр, пришли не из полесских лесов, а из южной, лесостепной части бассейна Верхней Припяти и из смежных с ней местностей (рис. 4). Об этом говорят архаичные «скифские» элементы в культуре среднеднепровских зарубинецких племен, которые сохранились у местных племен в глубинах Днепро-Днестровского междуречья, в его западной лесостепной части.²⁰ На Днепре и его притоках, на участке устье Припяти—устье Тясмина зарубинецкие племена прожили около 400 лет, до II, а может быть, и до начала III в. н. э.

Одна из зарубинецких группировок во II в. до н. э., вероятно во второй его половине, продвинулась на Верхний Днепр, на участок, лежащий между устьями Припяти и Березины, на территорию милоградских племен. Мы не знаем, как складывались отношения зарубинецких племен с местным населением. Скорее всего «милоградцы» были вынуждены покинуть свои поселения и городища в результате военных поражений. Выше уже указывалось, что зарубинецкие племена первоначально селились здесь на захваченных ими милоградских городищах. Продвижение зарубинецкого населения вверх по Днепру было медленным, постепенным. Чаплинское городище оказалось занятым им во II в. до н. э., а Милоградское городище, находящееся в 50 км к северу, — лишь через несколько десятков лет, почти через столетие. Таким образом, зарубинецкое продвижение в область Верхнего Поднепровья было не результатом массового переселения, не одновременным актом, а длительным процессом, участниками которого являлись люди нескольких поколений.

Судьба милоградского населения, жившего до прихода зарубинецких племен в Поднепровье между устьями Припяти и Березины, пока что далеко не выяснена.²¹ Можно лишь предполагать, что оно отступило к северу и востоку, в глубины Днепро-Деснинского междуречья. Возможно, что свидетельством этого являются некоторые материалы милоградского характера, в частности круглодонная глиняная посуда, найденная на древних городищах Могилевского Поднепровья, основной материал с которых принадлежит культуре охарактеризованных выше племен со штрихованной глиняной посудой. Насколько справедливо это предположение, покажут будущие исследования. Но во всяком случае «милоградцы» являлись первой верхнеднепровской группировкой, жизнь которой была основательно нарушена вторжением зарубинецких племен.

²⁰ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 213—220.

²¹ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке, стр. 185—188.

Также относительно в раннее время, еще до начала нашей эры, зарубинецкие племена проникли на Нижнюю Десну и в низовья Сейма, т. е. в пределы южных группировок юхновских балтов. А на рубеже и в начале нашей эры их многочисленные поселения появились далеко на севере — на берегах Средней и Верхней

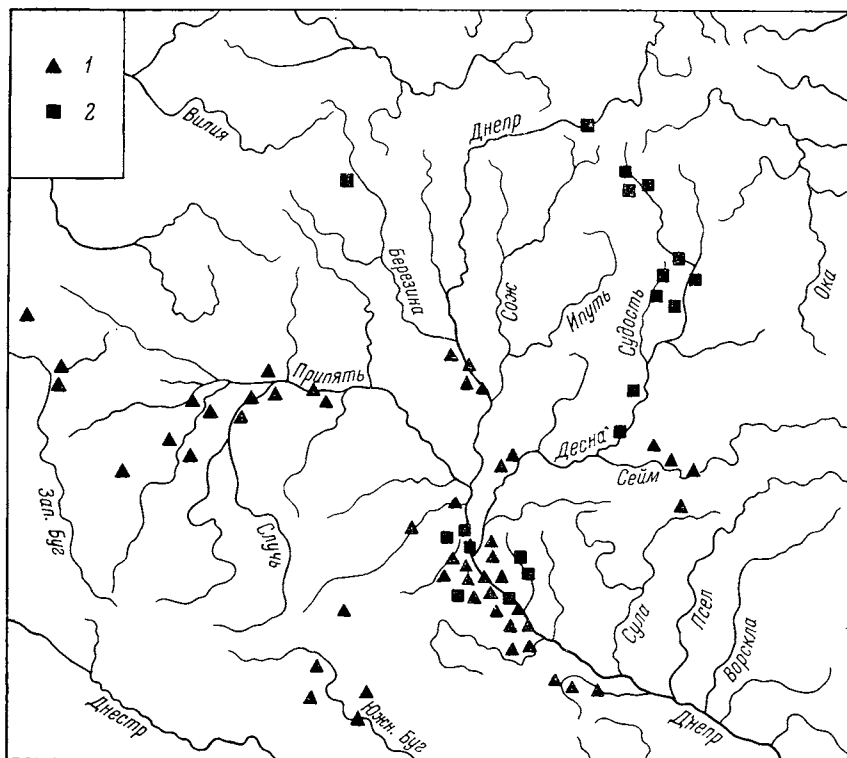

Рис. 4. Распространение древностей зарубинецкой культуры в последние века до нашей эры и в начале нашей эры.

1 — раннезарубинецкие поселения и могильники; 2 — позднезарубинецкие древности.

Десны, в глубинных областях балтов юхновской группы. Наиболее северными известными сейчас зарубинецкими древностями начала нашей эры являются остатки поселения у дер. Спартак на правом берегу Десны в Смоленской области и могильник с трупосожжениями около с. Казичины на Днепре выше Смоленска. Сюда, в верховья Днепра, зарубинецкое население проникло, как можно думать, не по Днепру, а с Десны, верховья которой близко подходят к верховьям Днепра. Имеются сведения, что аналогичные зарубинецкие поселения находятся и в поречье Сожа, в его нижнем

и среднем течении, а также на берегах Ипути. Словом, на рубеже и в первых веках нашей эры в руках раннеславянских зарубинецких племен оказались обширные области в Левобережье Верхнего Днепра.

Следует отметить, что эти наблюдения, сделанные археологами в последние два десятилетия, полностью совпадают с соображениями лингвистов, которые уже давно отметили, что освоение славянами Верхнего Поднепровья началось не с западных, а с восточных областей, что славяне, двигавшиеся на север из Среднего Поднепровья, заселили здесь сначала берега «правой реки» — Десны. Об этом свидетельствует относительно старая славянская гидронимия восточной части Верхнего Поднепровья, отсутствующая в его западных областях.²²

Первоначально, когда зарубинецкие древности рубежа и первых веков нашей эры на Средней и Верхней Десне были известны еще плохо, некоторые археологи пытались рассматривать их в качестве местных, позднеюхновских, и называли их почепскими по имени упомянутого выше древнего селища у г. Почепа на р. Судости. В настоящее время это предположение полностью отпало. Очень близкие деснинским позднезарубинецкие древности обнаружены в районе левого берега Среднего Днепра, в частности в поречье р. Трубежа. По-видимому, деснинская позднезарубинецкая группировка со всеми особенностями своей культуры сложилась еще здесь, на Среднем Днестре. И не случайно некоторые особенности культуры этой группировки говорят о ее связях с позднескифским населением Нижнего Поднепровья. К ним относятся реберчатые глиняные миски с вертикальной верхней частью, копирующие соответствующую керамику Причерноморья, обломки привезенной краснолаковой посуды и др. Эти особенности культуры были затем принесены на Среднюю и Верхнюю Десну. Никаких бесспорных юхновских элементов или пережитков в культуре деснинской позднезарубинецкой группировки не обнаруживается.²³

Имеется предположение, что продвижение зарубинецких племен из левобережной части Среднего Поднепровья в северном направлении было связано с активизацией кочевников-сарматов, появившихся в этот период не только на левом, но местами и на правом берегу Среднего Днепра. Случилось, следовательно, то, что неоднократно происходило и позднее — в I и начале II тыс. н. э., когда оседлое земледельческое население, спасаясь от разо-

²² В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 244, карта № 9.

²³ П. Н. Третьяков. 1) Финно-угры, балты и славяне..., стр. 228—230; 2) Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей. МИА, № 160, 1969, стр. 12, 13; А. П. Савчук. Поселения зарубинецкой культуры на берегах р. Трубеж. МИА, № 160, 1969, стр. 82—87.

рения, отходило на север, в менее благоприятные для сельского хозяйства, но зато несравненно более безопасные области.

Расселение зарубинецких племен в области Верхнего Поднепровья привело к серьезным изменениям в жизни и культуре населения на широких пространствах лесной зоны Восточной Европы. Оно сказалось на судьбах не только днепровских балтов, но и обитателей более северных областей, в том числе финно-угров западной части Волго-Окского междуречья, верховой Волги и Западной Двины. В истории Верхнего Поднепровья и его широкой периферии начался новый период.

Зарубинецкие раннеславянские племена шаг за шагом продвигались к северу, достигнув на Днестре устья Березины, заняв значительные пространства в бассейне Сожа и поречье Десны на всем его протяжении. С их появлением жизнь на старых милоградских и многих юхновских поселениях полностью прекратилась. Местное население оказывало, вероятно, сопротивление пришельцам, но было вынуждено отступить на мелкие реки в глубинах водораздела, а главным образом к северу — на земли других племен. В итоге в первые века нашей эры почти половина территории Верхнего Поднепровья, вся ее юго-восточная часть, стала принадлежать новым хозяевам, хотя остатки старого населения во многих местах, вероятно, сохранялись.

Юхновские племена, освободившие поречье Десны, отошли главным образом на северо-восток, в область Верхней Оки. При исследовании древних верхнеокских городищ в ряде случаев было отмечено, что сначала там жили племена «раннего железного века», близкие верхнеднепровским (днепро-двинским), а затем, в начале нашей эры, в этих местах появлялись «юхновцы», со всеми специфическими особенностями их культуры. Очевидно, они потеснили местное население к северу. Возникла своего рода цепная реакция, ход которой еще далеко не выяснен, но некоторые результаты уже понятны. В частности, на западе Волго-Окского междуречья, днепровскими балтами были заняты области некоторых финно-угорских группировок. Как будто бы изменения в составе населения произошли в это время и в среднем, а также в верхнем течении Западной Двины и даже к северу от этой реки. Исследователь древних городищ в верховьях Западной Двины Я. В. Станкевич установила, что сначала в этой местности жили финно-угры, а где-то в начале нашей эры появилось население со штрихованной керамикой, пришедшее, очевидно, с юго-запада. К северу от среднего течения Западной Двины было обследовано несколько городищ, материалы которых напоминают юхновские, деснинские. Так далеко на север отошли днепровские балты.

Но значительная часть Верхнего Поднепровья — поречье Днестра выше устья Березины, верховья Сожа, все Правобережье — в первой половине I тыс. н. э. оставалась в руках старого населения. В его жизни и культуре появилось, однако, много новых осо-

бенностей. Источником нового стали пришельцы — зарубинецкие племена, уровень культуры которых, как уже указывалось, был значительно выше, чем у днепровских балтов.

В течение нескольких лет в конце 50-х годов автор этих строк производил раскопки на древних городищах Смоленщины, главным образом в бассейне Верхнего Сожа. Зарубинецкие племена в эти местности не проникали. Граница их поселений лежала на 80—100 км восточнее, в верховьях Десны. Тем не менее в I—II вв. н. э. в развитии культуры населения Верхнего Посожья произошли существенные перемены, причем их характер и итоги не допускают сомнений в том, что причиной перемен было влияние более развитой зарубинецкой культуры. Речь идет о распространении в среде верхнеднепровских балтов железных орудий зарубинецких форм, более совершенных, чем местные, украшений и предметов убора, например фибул, незнакомых раньше местному населению, но являющихся неизменной принадлежностью зарубинецкого костюма. Даже глиняная посуда зарубинецкого характера, хотя и менее совершенная, появилась у населения Верхнего Посожья.

Интересно, что зарубинецкие элементы в культуре местного населения были представлены тем сильнее, чем ближе оно проживало к областям, занятым пришельцами. На берегах Верхнего Днепра следы зарубинецкого влияния ощущались уже значительно слабее, чем в Посожье, а по правую сторону Днепра, еще дальше от зарубинецких поселений, они почти не сказывались.

Хорошо заметно влияние зарубинецких племен на развитие культуры верхнеокских балтов, среди которых, как уже указывалось, было немало «юхновцев», переселившихся в бассейн Оки из поречья Десны.²⁴

Можно предположить, что зарубинецкое влияние коснулось не только форм орудий труда, предметов убора, украшений и глиняной посуды, но и экономики верхнеднепровских балтов, особенно их земледелия. У зарубинецких племен эта отрасль сельского хозяйства была несомненно более развитой, чем у балтов. Появление зарубинецких племен и все связанные с этим события — и военные, и мирные — не могли не ускорить развитие общественной жизни местного населения. Словом, зарубинецкие раннеславянские племена и их культура способствовали тому, чтобы балты Верхнего Поднепровья вышли, наконец, из «раннего железного века», с его замкнутостью, патриархальными и родовыми ограничениями и другими древними традициями. Таким образом, появление зарубинецких племен сыграло в жизни дне-

²⁴ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 12—24 и др.; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне. . . , стр. 230—239.

провских балтов очень серьезную, но при этом весьма противоречивую роль.

Трудно сказать, началась ли в это время в Верхнем Поднепровье ассимиляция местного населения пришельцами. Речь может идти в данном случае лишь о тех группировках балтов, которые оказались в ближайшем соседстве с зарубинецкими поселениями или в их окружении. Но во всяком случае предпосылки ассимиляции были во многих местностях уже налицо.

ПО СЛЕДАМ НЕСЛОЖИВШЕЙСЯ НАРОДНОСТИ

1

К исходу II в. н. э. в Северо-Западном Причерноморье сложилась новая историческая обстановка, сопровождаемая значительными передвижениями племен. Она сказалась на жизни и культуре населения обширных пространств, включавших в свои пределы не только Поднестровье и Нижнее Поднепровье, но и отдельные области Среднего Поднепровья, принадлежавшие зарубинецким раннеславянским племенам.

Если исходить из исторических данных, можно назвать две основные причины, определившие эту обстановку. Во-первых, в начале II в. римляне захватили Дакию и в последующие десятилетия колонизовали ее территорию, вытесняя местное дако-фракийское население. Граница римских провинций на Карпатах продвинулась далеко к северу. По их широкой периферии распространились новые экономические отношения и торговые связи. Во-вторых, в конце II—начале III в. в Северо-Западное Причерноморье вторглись готы — германские группировки, переселившиеся сюда с севера, из Нижнего Повисленья. Вскоре готы оказались во главе сильного «варварского государства», объединившего различные племена на значительных пространствах. Готское государство стремилось подчинить себе население и более отдаленных областей. Во второй четверти III в. готы начали борьбу с Римом, который вскоре был вынужден уступить им часть своих северо-восточных владений. Понятно, что все это сопровождалось неоднократными перемещениями населения, смешением различных этнических группировок, установлением новых экономических, политических и культурных связей. В частности, вторжение готов нанесло сильный удар по античным культурным традициям, издавна существовавшим в Северном Причерноморье.

Если же обратиться к археологическим данным, то историческая картина будет выглядеть, пожалуй, еще более сложной, при-

чем на первое место наряду с конкретными внешними факторами — римским завоеванием и вторжением готов — выдвинуты внутренние, а именно достигнутый к этому времени местным населением сравнительно высокий уровень социально-экономического развития, ведущий к коренным переменам в области культуры и жизни. Новые исторические условия, таким образом, нашли в среде местного населения подготовленную почву.

Археологические данные свидетельствуют, что с конца II—начала III в. н. э. в Нижнем и Среднем Поднепровье, в поречье Южного Буга и на Днестре распространилась новая культура. Ее археологическими памятниками являются остатки больших поселений открытого типа, напоминающих современные села, и могильники с трупосожжениями и обычными захоронениями. По могильнику у с. Черняхова, расположенному на правом берегу Днестра к югу от Киева и исследованному в конце XIX в. В. В. Хвойкой, эти древности получили наименование черняховских. Вот уже семьдесят лет вопросы о черняховской культуре, о роли различных племен в ее создании, об отношении их друг к другу в рамках черняховского ареала и многие другие не сходят со страниц археологической литературы.

Черняховская культура представляла собой весьма своеобразное явление, существенно отличавшееся от культур большинства местных племен предшествовавших столетий, тесно связанное с обрисованной выше исторической обстановкой. Убедительным доказательством этого являются хотя бы многочисленные находки римских монет, попавших в то время в Поднепровье и Поднепровье. Многие из них — это богатые клады. Римские монеты несомненно были важным элементом экономической жизни «черняховцев», что говорит о многом, в том числе о высоком для того времени уровне экономической и социальной жизни. Этому соответствовали и другие черты их культуры, отнюдь не укладывающиеся в представления о первобытном строе, свидетельствующие о возникновении классовых отношений. Сюда относятся развитое ремесло, интенсивные торговые связи, развитое пашенное земледелие. Глиняная лощеная посуда, сделанная на гончарном круге, римское стекло, украшения, распространенные в римских провинциях, процарапанные на сосудах знаки, буквы греческого алфавита, а иногда и целые слова — вот что находят археологи при раскопках черняховских поселений и могильников.

И еще одна характерная черта черняховской культуры должна быть здесь отмечена. На всей огромной территории распространения — от Черного моря до Припяти и Десны и от Прикарпатья до Северского Донца — древности этой культуры в основных чертах однородны, одинаковы. Именно данное обстоятельство долгое время являлось источником ошибочных суждений о «черняховцах». Обращаясь к их культуре с обычной меркой, археологи рассматривали «черняховцев» как одноэтничный массив. Но какой,

славянский, готский, скифо-сарматский? Этот вопрос оставался без убедительного ответа.²⁵

Первоначально, когда черняховские древности были известны лишь в ограниченных пределах Киевского Поднепровья, В. В. Хвойка предполагал, что черняховские племена являлись прямыми потомками зарубинецкого раннеславянского населения, отразившими в своей культуре все то новое, что появилось в Северо-Западном Причерноморье после завоевания Дакии Траяном. Это предположение поддержали и другие исследователи, в частности А. А. Спицын. В работах, опубликованных на рубеже и в начале нашего века, он рассматривал зарубинецкую и черняховскую культуры как две фазы в развитии одного и того же населения — предков восточных славян периода Киевской Руси.²⁶ Противниками этого предположения были некоторые немецкие археологи, утверждавшие тогда, что все бескурганые могильники с трупосожжениями рубежа и первых веков нашей эры, известные в Средней и Восточной Европе, в том числе зарубинецкие и черняховские, принадлежат древним германским племенам. «Черняховцы» рассматривались в качестве готов, что в какой-то мере соответствовало историческим сведениям об этих племенах.

Последующее накопление фактических данных показало, что оба этих предположения были ошибочными. Между зарубинецкой и черняховской культурами не только не обнаружилось никаких связующих звеньев, а, наоборот, выявились глубокие различия, которые нельзя объяснить ни переменной исторической обстановки, ни коренными сдвигами в развитии общественного строя и культуры. В 1930 г. А. А. Спицын решительно разделил зарубинецкие и черняховские племена. Первых он стал рассматривать в качестве потомков местных племен скифской поры и высказался за западное, средневропейское происхождение «черняховцев». Вместе с тем А. А. Спицын решительно отверг предположение, что «черняховцы» — это готы. Он указал, что их распространение на широких пространствах от Карпат до Северского Донца исключает мысль о «черняховцах» как о германцах. «Естественнее всего предполагать, — писал он, — что это были славяне».²⁷ Мнение А. А. Спицына о черняховской культуре имело в 30—40-х годах многочисленных последователей. С «черняховцами» связывали известия древних авторов о славянах-антах. Этого мнения до сих пор придерживаются некоторые украинские археологи, в част-

²⁵ Последние публикации: Древности эпохи сложения восточного славянства. МИА, № 116, 1964; История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА, № 139, 1967.

²⁶ В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913; А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Журн. Минист. народн. просв., 1899, кн. VIII.

²⁷ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 53—70.

ности М. Ю. Брайчевский.²⁸ И действительно, после того как черняховские древности — остатки поселений и могильники — были обнаружены в пределах обрисованной выше огромной территории, когда выяснилось, что «черняховцы» были чрезвычайно многочисленным населением, мысль о них как о готах как будто бы утратила какую-либо реальную почву. Ее защитники не могли опереться ни на исторические известия, отводящие готам более узкую территорию, ни на гидронимические данные. Как известно, германской гидронимии в пределах черняховского ареала не обнаруживается, если не считать единичных и при этом весьма сомнительных случаев. В то же время область черняховских древностей в основном совпадала с областью распространения антов, которая, по Иордану, простиралась «от Донастра до Донапра», а по Прокопию Кесарийскому, и восточнее Днепра, к северу от утургуров, живших на Азовском море.

Но «славянская точка зрения» на «черняховцев» также потерпела крушение. Когда выяснилось, что верхняя хронологическая граница их древностей не выходит за рубеж IV-V вв., стала очевидной несостоятельность попыток связать «черняховцев» с раннесредневековыми славянами-антами, известными в Северо-Западном Причерноморье по сообщениям авторов VI—VII вв. В течение 40—60-х годов украинские археологи потратили много сил и энергии, чтобы отыскать следы «черняховцев» среди древностей третьей четверти I тыс. н. э., синхроничных известиям древних авторов об антах. Но все поиски оказались тщетными, никаких бесспорных черняховских древностей позже IV—начала V в. выявить до сих пор не удалось. Вместе с тем обнаружилось, что в последующий период, в антское время, в Среднем Поднепровье и Днепро-Днестровском междуречье обитало население с другой культурой, совсем непохожей на черняховскую. И население это было бесспорно славянским, антским. Такие же точно древности имеются во всех старославянских землях. Они были найдены и на Дунае, куда в VI—VII вв. проникли славяне-анты, вступившие в войну с Византией. Славянская культура VI—VII вв. послужила непосредственным предшественником культуры Древней Руси. И это уже не гипотезы, которыми так богата археология, а бесспорные факты.

2

О славянских древностях VI—VII вв., выявление и изучение которых в Поднепровье и Среднем Поднепровье следует рассматривать как крупнейшее достижение восточнославянской археоло-

²⁸ М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964.

гии за последнюю четверть века, речь пойдет ниже. Там же будут рассмотрены отношения раннесредневековых славян и «черняховцев» (стр. 83 и сл.). А сейчас необходимо все же попытаться ответить на вопрос, кем были эти загадочные «черняховцы», какие этнические группы они представляли? В частности, следует осветить вопрос о готах, об их отношении к черняховской культуре.

За последнее время вопрос о древностях готов значительно разъяснился. Их бесспорные следы — могильники и остатки поселений — отысканы в Южной Прибалтике по обе стороны Вислы, а также вдоль Средней Вислы и Западного Буга, т. е. на всем пути готов из Прибалтики на юго-восток. Из поречья Западного Буга во второй половине II в. н. э. некоторые готские группировки проникли в область Верхней Припяти, откуда, как уже указывалось, они вытеснили местное зарубинецкое население.

Выходцы с далекого севера — готские племена — обладали специфической, самобытной культурой, не имевшей ничего общего с черняховской. Их культура отражала совсем иные традиции; ее возможно сравнивать с культурой других северных германцев или западных балтов — соседей германцев на Балтийском море. У готов имелись свои особые формы предметов убора и украшения, свое вооружение, своеобразная глиняная посуда. Подобно многим племенам Средней Европы, они сжигали своих мертвых, но их погребальная обрядность отличалась как от зарубинецкой, так и от соответствующей черняховской прежде всего тем, что в могилу помещались не только пережженные кости и вещи, но и остатки погребального костра — зола и уголь.²⁹ Словом, готские древности существенно отличаются от древностей племен Северо-Западного Причерноморья. И готы не могли быть создателями черняховской культуры.

Из поречья Западного Буга и верховий Припяти готы проникли дальше к югу. Их древности известны на Верхнем Днестре, на Волини и как будто бы на Днепре в Надпорожье. И интересно, что здесь, чем южнее они продвигались, тем в большей степени утрачивали свою самобытную культуру. Их культура теряла свои традиционные черты и как бы растворялась в черняховской среде. Когда уже в начале III в. готы вышли к Черному морю, о чем известно по многочисленным историческим свидетельствам, от их древней культуры не осталось и следа, они усвоили черняховскую

²⁹ Ю. В. Кухаренко. 1) Памятники железного века на территории Полесья, стр. 17—19; 2) Могильник Брест-Гришин; V. La Baume Urgeschichte der Ostgermanen. Danzig, 1934; J. Kmieciński. Wędrowka gotów na Południe w świetle najnowszych badań archeologicznych. Z otchłani wieków XXV, Wrocław—Poznań, 1959; J. Kostrzewski. Zagadnienie pobytu Germanów na ziemiach Polskich. Slavia Antiqua, t. XI, Warszawa—Poznań, 1964.

культуру. Никаких специфических готских древностей III—IV вв. в Причерноморье археологи не знают.³⁰

Археологические исследования в Верхнем Поднестровье и на Волыни показали и то, что во II—III вв., а может быть и несколько раньше, сюда проникли не только северяне-готы, но и выходцы из более южных областей Средней Европы, носители пшеворской культуры. Пришли ли они вместе с готами или двигались самостоятельно в общем потоке «великого переселения народов», пока неизвестно. Выше, в начале этого очерка, речь уже шла о том, что пшеворские древности еще предстоит дифференцировать на германские и славянские. Это относится и к древностям данного типа, обнаруженным в Верхнем Поднестровье и на Волыни, исследованным еще далеко не достаточно. Бесспорно лишь, что, подобно готам, «пшеворцы» усвоили черняховскую культуру. Но те из них, которые остались на Волыни, превратились в «черняховцев» не полностью, а лишь наполовину. Они послужили важной составной частью так называемой волынской группы черняховских племен, в культуре которых наряду с черняховскими элементами широко представлены и особенности пшеворского происхождения.³¹

Основным этническим фундаментом, на котором сложилась черняховская культура, было местное население Северо-Западного Причерноморья, составлявшее две обширные группы: позднескифскую и дако-фракийскую (гетскую).

На Нижнем Днепре и в смежных частях Причерноморья в начале нашей эры сохранялось значительное население скифского происхождения. Ему принадлежали большие, хорошо укрепленные поселения с каменной архитектурой, в свое время считавшиеся в Причерноморье городами. И это справедливо, так как их обитатели занимались не только сельским хозяйством, но и ремеслами, и торговлей. Они издавна были связаны с античными городами Причерноморья и служили посредниками между ними и северной периферией. В частности, с поселениями Нижнего Поднепровья были связаны и зарубинецкие племена, о чем говорят многочисленные зарубинецкие изделия на нижнеднепровских городищах и обломки амфор, краснолаковой посуды, а также некоторые другие находки, сделанные в Среднем Поднепровье на зарубинецких селищах. В материалах, происходящих из нижнеднепровских городищ, обнаруживаются свидетельства тесных сношений с дако-фракийским миром. Вероятно, состав населения нижнеднепровских поселений-городов был очень пестрым. Слои III—IV вв. пред-

³⁰ Э. А. Симонович. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА, № 139, 1967.

³¹ Ю. В. Кухаренко: 1) Волынская группа полей погребений. СА, 1958, № 4; 2) Могильник Брест-Тришин; Г. Ф. Никитина. Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. Автореф. дисс. М., 1965.

ставлены на этих поселениях черняховскими материалами. Немало вещей черняховского характера имеется в соответствующих слоях города Ольвии.³²

Западнее позднескифских поселений, в Поднепровье, в первые века нашей эры, судя по историческим данным, находились земли дако-фракийских (гетских) племен, рядом с которыми жили выходцы из Средней Европы — загадочные бастарны, по одним данным, германцы, по другим — неизвестные племена, лишь похожие на германцев. Археологическая атрибуция днестровского населения начала нашей эры еще недостаточно ясна. Некоторые исследователи усматривают бастарнов в племенах, оставивших могильники типа Поянешти-Лукашевка, а древности так называемого липицкого типа связывают с местным дако-фракийским (гетским) населением. Материальная культура типа Поянешти-Лукашевка близка зарубинецкой и в целом далека от черняховской. Липицкая культура, имеющая местное происхождение, напротив, по многим особенностям может быть охарактеризована как «предчерняховская». Она была таковой значительно в большей степени, чем материальная культура нижнеднепровских городищ. Связь истоков черняховской культуры прежде всего с дако-фракийским миром представляется весьма вероятной. Следует указать, что материальная культура, близкая черняховской, в первой половине I тыс. н. э. появилась и в Северном и Западном Прикарпатье, на территории Южной Польши, Румынии и Словакии.

Наконец, нужно добавить, что картина населения Северного Причерноморья того времени не будет полной без сарматского компонента. В начале нашей эры сарматы не раз доходили до Днестра и Дуная. Здесь известны их могильники этого периода. В исторических условиях того времени часть сарматского населения, по-видимому, порывала с кочевым образом жизни, оседала на земле и пополняла, таким образом, черняховский массив. В материалах, происходящих из нижнеднепровских городищ, сарматские элементы также представлены достаточно отчетливо.

Итак, с первых веков нашей эры на широких пространствах Северо-Западного Причерноморья шел энергичный процесс инфильтрации различных племен — местных и пришлых, особенно усилившийся во II—начале III в. Об этом хорошо знали современники, в частности Страбон, сообщивший в своей «Географии», написанной еще в начале I в. н. э., о местностях, где «бастарны, скифы и сарматы живут смешанно с фракийцами». Подобную же картину рисовали и более поздние авторы. И это было не просто механическое смешение разноплеменного и разноязычного населения. Помимо таких обстоятельств, как войны, подчинение одних

³² Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днестре. МИА, № 64, 1958; М. И. Вязьмитина. Золота Балка. Київ, 1962.

племен другими и многократные переселения, причиной этого процесса, как уже указывалось, послужил распад старых племенных и родовых связей и установление новых, уже не первобытных экономических и политических отношений. Все это означало, что в разноплеменной среде Северо-Западного Причерноморья и его периферии начался тогда процесс формирования народности и общая для всех культура, названная археологами черняховской, об этом именно и свидетельствует.

Нам неизвестно, насколько далеко продвинулся этот процесс. Вероятно, он не успел выйти из своей первичной стадии. Трудно сказать также, какой язык пробивал себе дорогу в качестве языка «черняховской» народности. Вряд ли это был готский язык. По-видимому, главными межплеменными языками служили здесь в то время провинциальный латинский, особенно широко распространенный в Дакии, и греческий, издавна в той или иной мере знакомый населению Северного Причерноморья. «Черняховской» народности не было суждено сложиться хотя бы вчерне. В конце IV в. н. э. области Северного Причерноморья испытывают на себе жестокие удары со стороны кочевников-гуннов, в результате которых рухнули и черняховская оседлость, и ее культура. Это был страшный разгром, по-видимому не уступающий по своей опустошительности татаро-монгольскому нашествию на русские земли в XIII в. В настоящее время так или иначе исследованы уже не одна сотня остатков черняховских поселений и десятки могильников. И все они говорят об одном и том же — что на рубеже IV—V вв. черняховские поселения были покинуты их обитателями. Конечно, нельзя допустить, будто все черняховское население поголовно было уничтожено гуннами или было вынуждено куда-то бежать. Часть готов обосновалась с этого времени в Крыму, часть ушла на запад. Судя по археологическим данным, наименование «готы», фигурирующее у древних авторов, следует понимать здесь не только в этническом, но и в политическом значении. Часть черняховского населения, вероятно, осталась на старых местах, и позднечерняховские древности когда-либо отыщутся. Но пока они неизвестны, и это позволяет судить о масштабах гуннского опустошения.

Наконец, еще один вопрос, связанный с черняховскими древностями. Если черняховская культура распространилась в свое время в разноплеменной среде, свидетельствуя о появлении условий для зарождения новой народности, то нельзя ли допустить, что в этом процессе участвовали и славянские элементы и что, следовательно, археологи, защищавшие славянство «черняховцев», в какой-то мере были правы. Речь может идти при этом о разных славянах — о зарубинецких группировках и о тех славянских племенах, которые могли появиться с шеворской культурой в Днестро-Днепровском междуречье в первых веках нашей эры из бассейна Вислы. Ответ на этот вопрос в настоящее время мо-

жет быть лишь гипотетичным, основанным не столько на фактах, сколько на априорных соображениях.

Как видно на прилагаемой карте (рис. 5), черняховская культура в III—IV вв. распространилась лишь на южную часть зарубинецкой территории. По-видимому, она была принесена сюда на-

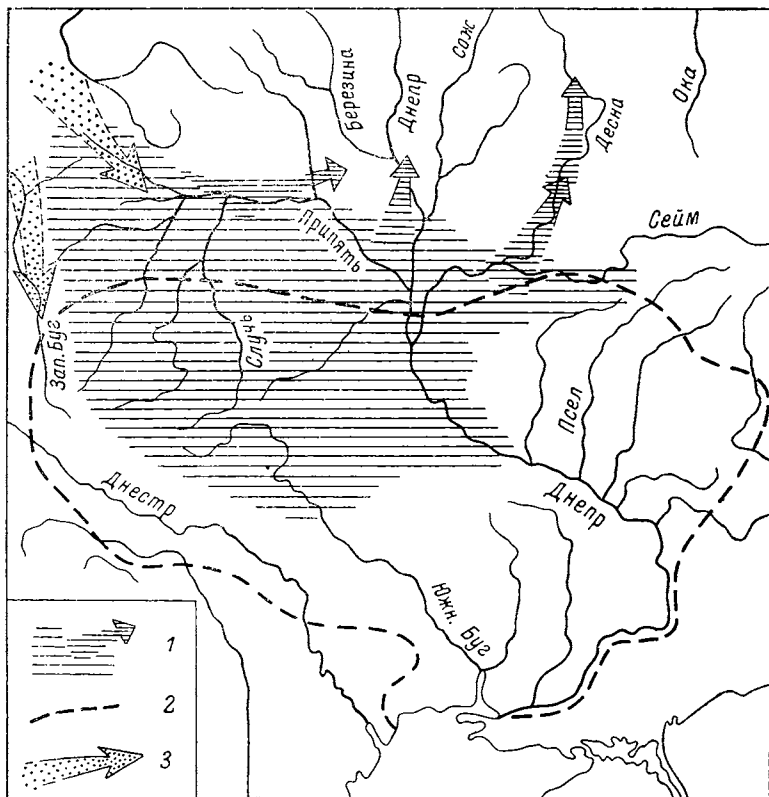

Рис. 5. Распространение древностей зарубинецкой (1) и черняховской (2) культур, движение готов (3).

селением, двигавшимся с юга. На Днестре и Волини «черняховцы» вошли в контакт с идущими им навстречу сильными готскими и пшеворскими группировками, потеснившими к этому времени на восток полесские зарубинецкие племена. Готские и пшеворские группировки, как уже указано, мало-помалу утратили при этом свою культуру, но в военном и политическом отношении взяли верх над разноплеменным населением Северо-Западного Причерноморья, которое, по словам современников, «прежде на-

зывалось скифами, а теперь стало именоваться готами». Таким образом, участие славян-«пшеворцев» в формировании черняховского населения очень вероятно, хотя доля их участия сейчас совсем еще не ясна.

Выше была упомянута так называемая волынская группа черняховских древностей III—IV вв., оставленная, судя по всему, пестрым населением — готами и «пшеворцами», в разной степени усвоившими черняховскую культуру. Можно предполагать, что германские элементы из этих мест отошли к югу, а оставшееся население принадлежало главным образом к потомкам славян — «пшеворцам».

В Среднем Поднепровье «черняховцы» встретились с зарубинецким населением, уже потревоженным на западе готами и «пшеворцами», а на востоке и юге сарматами. Очевидно, основная масса зарубинецкого населения на рубеже II—III вв. отошла к северу, за Припять и на Десну. Но какая-то часть зарубинецких славян могла остаться на старых местах, усвоив черняховскую культуру. Насколько справедливо такое предположение, покажут будущие исследования.

1

СЛАВЯНЕ И БАЛТЫ
В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ
В СЕРЕДИНЕ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ
I ТЫС. Н. Э.

1

Вплоть до недавнего времени вопрос о зарубинецких племенах как древних славянах, поставленный впервые семьдесят лет тому назад, оставался дискуссионным. Это объясняется тем, что между зарубинецкими древностями и бесспорными остатками культуры восточных славян конца I тыс. н. э. в археологии зиял хронологический разрыв протяженностью более чем в полтысячи лет. На него постоянно указывали противники «славянства» зарубинецких племен. Многие исследователи полагали, что эти древние, по их мнению, неизвестные племена бесследно исчезли в первые века нашей эры, были поглощены черняховским населением. Еще в 1964 г. Ю. В. Кухаренко в своей книге о зарубинецкой культуре писал, что «группа племен, которым принадлежала собственно зарубинецкая культура, исчезла еще в древности, как исчезали, например, многие древние языковые диалекты, и отождествлять ее с какими-либо конкретными из исторически известных нам на этой территории в более позднее время племенами и народами невозможно».³³

³³ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, стр. 5.

Но приблизительно в те же годы, когда писались эти «агностические» строки, были обнаружены многочисленные позднезарубинецкие древности в южных и восточных частях Верхнего Поднепровья, в частности на Десне. Выяснилось, что в первые века нашей эры основные центры зарубинецкой оседлости переместились в северо-восточном направлении, в местности, куда в последующие столетия черняховское население не проникало. Выше были указаны возможные причины подвижки зарубинецких племен: вторжение на Западную Волинь и в Полесье готов и «пшеворцев», а также, по-видимому, рост активности сарматов в Среднем Поднепровье.

Спустя некоторое время после открытия позднезарубинецких древностей в южных и восточных областях Верхнего Поднепровья было обнаружено и последнее, до сего времени неизвестное звено восточнославянской культуры — древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. Они заметно отличаются от синхроничных им памятников черняховской культуры и остатков культуры древних балтов, расположенных в более северных областях Поднепровья.

Новая группа древностей принадлежит прямым потомкам зарубинецкого населения — раннесредневековым днепровским славянским племенам. Теперь генетическая цепь между племенами зарубинецкой культуры и средневековыми восточными славянами как будто бы окончательно замкнулась. Мнение археологов о зарубинецких племенах — одной из раннеславянских группировок — получило, наконец, прочное основание. Пределы бесспорного в восточнославянской археологии значительно расширились; они отодвинулись вглубь почти на тысячу лет.

Новая группа древностей и ее отношение к предыдущей, зарубинецкой и последующей, средневековой восточнославянской культурам известны еще далеко не достаточно. Исследования новой группы древностей продолжаются, пока что обнародована лишь незначительная часть полученных материалов. Поэтому на всем этом следует остановиться относительно подробно, чтобы проследить преемственное изменение культуры зарубинецких племен и их потомков в течение I тыс. н. э.

Понятно, что продвинувшиеся на север зарубинецкие славяне оказались в совершенно новой для них исторической обстановке. Прервались их экономические и культурные связи с Западом, Прикарпатьем и Причерноморьем. Их соседом на юге стали черняховские племена, распространившиеся в конце II—начале III в. по всему Среднему Поднепровью, а через два века — на рубеже IV—V вв. — исчезнувшие с исторической арены. В это время, в середине I тыс. н. э., повсюду в Европе происходили особенно большие изменения в области культуры, связанные с нараставшим «великим переселением народов» и падением Римской империи. Вместе с тем у зарубинецких племен установились тесные

отношения — мирные и враждебные — с верхнеднепровскими балтами. И естественно, что в этой сложной и меняющейся обстановке культура зарубинецких племен претерпевала значительные изменения.

Они обитали, однако, сравнительно далеко от южной части Европы, где происходили крупнейшие события того времени. Поэтому изменение их культуры, к счастью для археологов, отнюдь не носило характера мутации, а протекало сравнительно медленно, преемственно. Многие элементы культуры, возникшие в зарубинецкое время, сохраняли свой традиционный облик вплоть до средневековья.

В настоящее время интересующие нас древности — места поселений и могильники потомков зарубинецких племен — найдены в количестве 50—60. Они исследованы уже более чем в двадцати пунктах, хотя в большинстве случаев масштабы раскопок были небольшими. Все эти памятники можно разделить на три хронологические группы, тесно связанные одна с другой.

К наиболее ранней группе принадлежат в Могилевской области поселение и могильник в урочище Обидня (Абидня) на р. Адамке, небольшом правом притоке Днепра. Судя по найденным там вещам, в частности фибулам, а также римской монете начала III в., поселение и могильник датируются второй четвертью I тыс. н. э. В это время зарубинецкие традиции в культуре были представлены еще весьма отчетливо. Недаром исследователь Обидни Л. Д. Побаль отнес свои древности к позднезарубинецким.³⁴

К несколько более позднему времени — середине I тыс. н. э. — принадлежат остатки нескольких поселений, обнаруженных в бассейне Десны. Небольшие исследования были произведены на селцах около Жуковки на р. Ветьме, в Белокаменке на окраине Брянска на правом берегу Десны и в Посудичах на р. Судости. В это время в материальной культуре появилось кое-что новое, но зарубинецкие традиции еще не забылись. Некоторые из этих поселений, в частности Жуковское, первоначально также были определены как позднезарубинецкие.³⁵

Наконец, наиболее многочисленными являются древности третьей четверти I тыс. н. э. Это поселения у Смольяни и Хотылево на Верхней Десне, группа селищ и два могильника на Десне в районе г. Трубчевска, несколько поселений на Средней Десне ниже Новгорода-Северского, Новобыховский могильник, Коло-

³⁴ Л. Д. Побаль. 1) Белорусское Поднепровье в I тыс. н. э. Доклад на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. Тез. докл. сов. делег., М., 1965, стр. 19—21; 2) Рымські манети на території БССР. Весці Акад. навук БССР, № 2, 1964, серия грамадскіх навук.

³⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 254—273.

чинское городище и другие памятники на Днестре в пределах Могилевской и Гомельской областей.³⁶

Судя по материалам, полученным в итоге раскопок, у потомков зарубинецкого населения наиболее прочными оказались специфические традиции, связанные с такими важными элементами культуры, как поселение, жилище и религиозные представления, в частности погребальная обрядность.

Выше уже шла речь о том, что зарубинецкие поселения располагались, как правило, невысоко, рядом с водой, иногда на небольших всхолмлениях в пределах речной поймы. Отклонения от этой нормы наблюдались лишь в тех случаях, когда население оказывалось на новых местах, на территории чуждых племен. Там поселки устраивались нередко в пунктах, удобных для обороны, на отрогах высоких речных берегов, часто на старых городищах. Но в последующий период, почувствовав себя хозяином края, зарубинецкое население и в этих местах спускалось вниз, к воде. Так было и в Среднем Поднепровье, и в более северных местностях, принадлежавших ранее милоградским и юхновским племенам.

В таких же точно топографических условиях — на низких местах, иногда в пределах поймы — было обнаружено большинство остатков поселений середины и третьей четверти I тыс. н. э. Например, селища Обидня, Жуковка, Посудичи, Кветунский могильник около Трубчевска. Поселения Смольянь и Вишенки находились на краю сниженных участков коренной террасы. В таких условиях эти древности никто раньше не искал. Археологи были уверены, что поселения ранних славян должны располагаться преимущественно высоко, подобно городищам времени Древней Руси. Это и послужило основной причиной того, что остатки позднезарубинецких поселений и поселений середины и третьей четверти I тыс. н. э. до самого последнего времени оставались не только не исследованными, но и неизвестными.

Укрепленные поселения типа городищ, расположенные на высоких, труднодоступных местах, стали появляться у днепровских славян, по-видимому, лишь к исходу третьей четверти I тыс. н. э. и то только в отдельных пунктах. Таковы уже упомянутое Колочинское городище на Днестре, Макча и Владимирское городище на Десне. Их появление скорее всего следует связывать с теми социальными процессами, которые назревали в это время в славянском обществе. Они были первыми поселениями-замками. Верхнедеснинское Владимирское городище (север Брянской области) возникло, быть может, и по другой причине — вследствие близости областей, принадлежавших балтийским племенам.

³⁶ Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье. КС, в. 53, 1954; Э. А. Сыманович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963.

Как и на поздnezарубинецких поселениях, на селищах середины и третьей четверти I тыс. н. э. при раскопках обнаруживаются остатки несколько углубленных в землю прямоугольных в плане жилых построек площадью 10—15 кв. м, с печами или очагами в одном из углов или (реже) в центре помещения. Жилища-полуземлянки открыты во многих пунктах: в южной части Верхнего Поднепровья в упомянутом выше селище Обидня, на селище около Щатково, в Нижней Тощице, около Колочинского городища и в других местах, на брянских поселениях — в Жуковке, Белокаменке и Смольяни, в Кудлаевке и Форостовичах около Новгорода-Северского. Такого рода жилища не были знакомы днепровским балтам. Не встречаются они, как правило, и на черняховских поселениях. В Поднепровье подобные жилища были характерны только для зарубинецких племен и их потомков — ближайших, речь о которых идет сейчас, и отдаленных — восточных славян периода Древней Руси. Прямоугольное жилище — полуземлянка с печью в одном из углов — характернейший элемент средневековой славянской культуры в южных и центральных областях Древней Руси и в других славянских землях (рис. 6).

Рядом с жилищами-полуземлянками на зарубинецких поселениях располагаются ямы-погребца, круглые в плане, глубиной 0.70—0.80 м, колоколовидно расширяющиеся к плоскому дну, диаметром около 1 м. Погребца такой формы некогда были широко распространены в южной части Европы, в частности в Северном Причерноморье. В Верхнем Поднепровье у балтийских племен такие погребца неизвестны. Как и жилища-полуземлянки, они являются характерным элементом материальной культуры и поздnezарубинецких племен и всех их потомков, ближних и отдаленных, в том числе и средневековых (рис. 6).

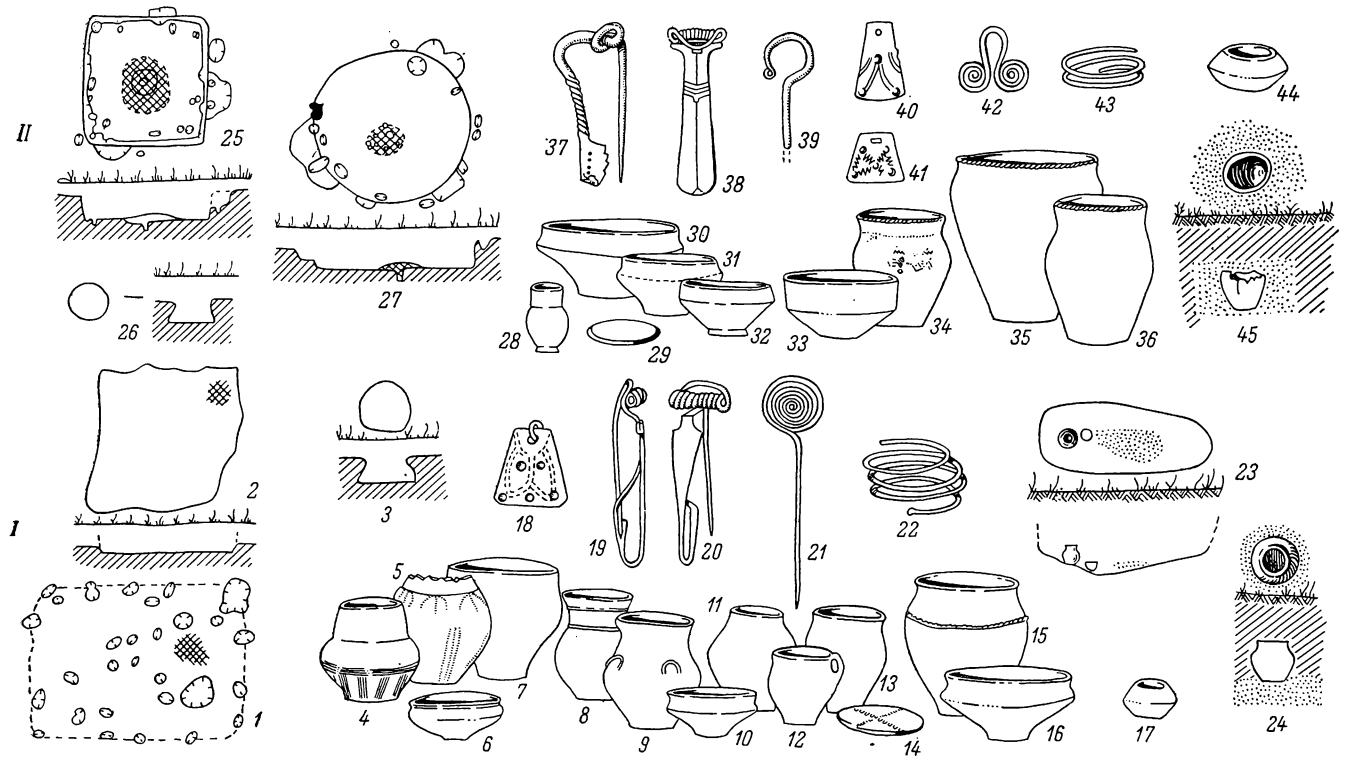
Обряд сожжения умерших с последующим захоронением результатов сожжения на могильнике, характерный для зарубинецких племен, продолжал существовать и в последующее время. Ко второй четверти I тыс. н. э. относится могильник у селища Обидня, к третьей четверти I тыс. н. э. — могильники у с. Усох и дер. Кветуни около Трубчевска. Новобыховский могильник на Днестре датируется V—VIII вв. В бассейне среднего и нижнего течения Десны этот погребальный обряд дожил до IX—X вв., о чем свидетельствуют могильники с трупосожжением так называемого волянцевского типа. В других местах в течение VI—VII вв. обряд захоронения остатков сожжения на могильнике сменился захоронением их под курганной насыпью; родовые могильники сменились курганами, представлявшими собой семейные усыпальницы. Это отражало, вероятно, изменения, совершившиеся в общественной структуре. На Кветунском могильнике, относящемся к середине и третьей четверти I тыс. н. э., древнейшая часть является бескурганной, а более поздняя занята курганами, заключавшими в себе остатки 2—3—4 трупосожжений. Такой пере-

ход от бескурганых могильников к курганам наблюдался в это время не только в Поднепровье, но и в других славянских землях.

Погребальной обрядностью почти исчерпываются археологические данные о религии и культуре древних поднепровских славян. Можно упомянуть еще обнаруженные при раскопках основания углубленных в землю круглых сооружений, по-видимому, языческих святилищ, несколько похожих на святилища днепровских балтов. Остатки одного такого святилища были открыты на позднезарубинецком Почепском селище первых веков нашей эры. Другое святилище открыто в Белокаменке. Судя по находкам, его время — начало I тыс. н. э. Имеются и более поздние, уже средневековые восточнославянские святилища такого же характера. Речь о них пойдет ниже (стр. 98).

Менее устойчивыми оказались формы и характер глиняной посуды, предметов убора, украшений и другого бытового инвентаря, хотя преемственность и здесь видна совершенно отчетливо (рис. 6). Относительно долго сохранялись традиции зарубинецкого гончарства, не знавшего гончарного круга. Вплоть до третьей четверти I тыс. н. э. посуда разделялась на грубую кухонную (горшки, миски) и столовую (миски, кружки, кувшины), тщательно сделанную и выточенную, хотя качество столовой посуды с течением времени все более и более падало. Формы позднезарубинецких реберчатых мисок с цилиндрической верхней частью бытовали как в середине, так и в третьей четверти I тыс. н. э. Их дериватом были высокие реберчатые сосуды, нередко приобретающие биконический профиль. Миски острореберных очертаний, характерные главным образом для позднего этапа зарубинецкой культуры, также исчезли в Поднепровье далеко не сразу. Очень интересна эволюция зарубинецких глиняных дисков-крышек. В середине I тыс. н. э. у них появились чуть заметные бортики, которые со временем становились все выше, пока глиняная посуда этой формы не приобрела облика «сковородок», обычных для славянских раннесредневековых поселений. Посуда баночной формы, нередко встречающаяся на деснинских и днепровских поселениях середины и третьей четверти I тыс. н. э., восходит, по-видимому, к местным восточнобалтийским традициям. К концу третьей четверти I тыс. н. э. господствующее место среди керамики мало-помалу занимают высокие горшки, по форме обычные для славянского средневековья.

Начиная с рубежа нашей эры и позднее на поселениях встречаются более или менее одинаковые глиняные пряслица биконической формы или плоские, выточенные из черепков. Для всех этапов, для всего I тыс. н. э., характерны фибулы, формы которых, естественно, изменялись во времени. Очень мало менялись формы и орнаментация бронзовых трапециевидных подвесок. Позднезарубинецкие двуспиральные (очковидные) подвески дожили в Поднепровье до третьей четверти I тыс. н. э.

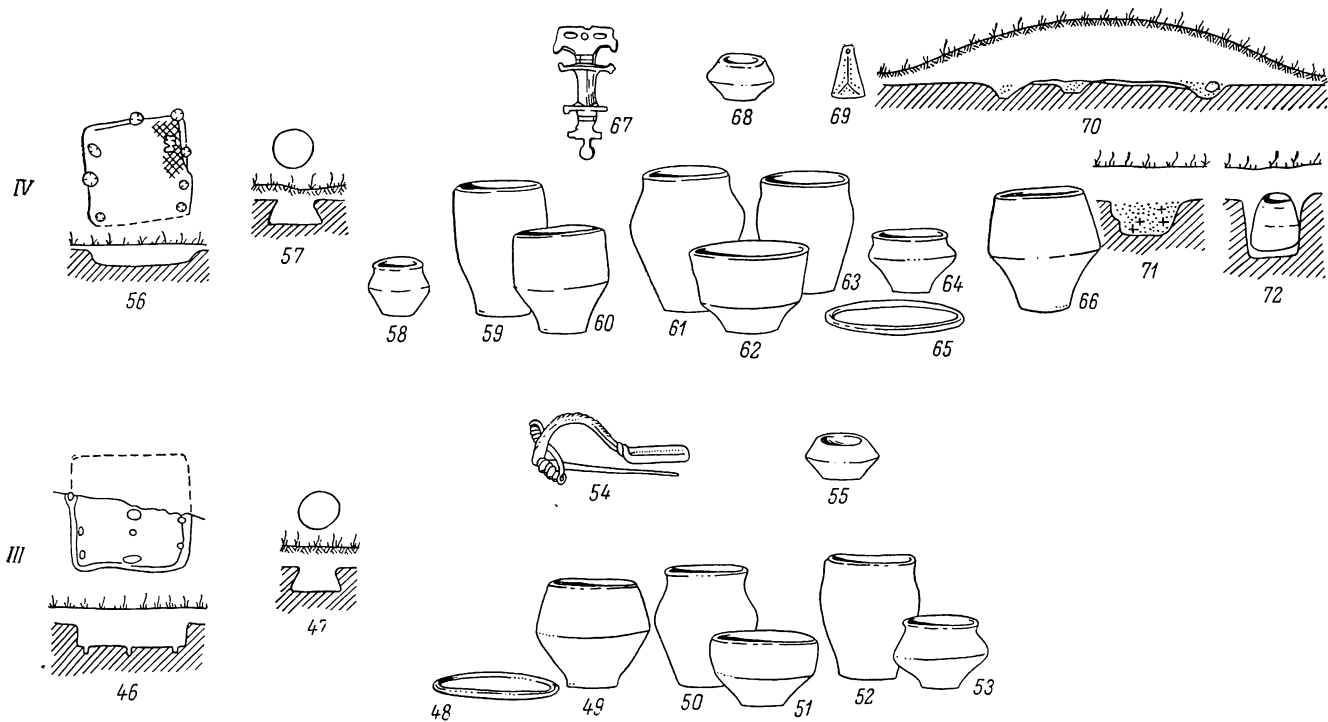

Рис. 6. Сравнительная таблица зарубинецких и раннесредневековых древностей Верхнего Поднепровья.

I. Зарубинецкие древности II—I вв. до н. э. и I в. н. э.: 1, 3, 13—16 — Чаплинское городище; 2, 12 — селище Великие Дмитровичи; 4, 18, 20 — мог. Велемичи; 5 — мог. Пуховка; 6, 7, 10 — Корчеватовский мог.; 8, 9 — мог. Зарубинцы; 11, 17, 22, 23 — Чаплинский мог.; 19, 24 — мог. Воронино; 21 — мог. Отвержици. II. Поздnezарубинецкие древности первой четверти I тыс. н. э.: 25—28, 30—32, 34—37, 41, 43 — Почепское селище; 29 — селище Смяч; 33, 42, 44 — селище у дер. Спартак; 38 — селище Синково; 39 — мог. Казичина; 40 — селище на Трубеже; 45 — могиальники Разлеты и Смяч. III. Деснинские древности середины I тыс. н. э.: 46 — селище Белокаменка; 47—53, 55 — селище Посудичи; 54 — селище Жуковка. IV. Деснинские и верхнеднепровские древности третьей четверти I тыс. н. э.: 56, 57, 61—65, 68 — селище Смолянь; 58, 67, 70, 71 — Кветунский мог.; 59, 60, 69 — Колочинское городище; 66 — городище Макча; 72 — Новобыховский мог.

Таким образом, преемственность зарубинецких и раннесредневековых славянских племен в Поднепровье прослеживается по целому ряду существенных элементов материальной и духовной культуры. Задачей дальнейших исследований является углубленное критическое рассмотрение и проверка высказанной здесь этногенетической концепции, касающейся важнейших вопросов далекого прошлого днепровского славянства (рис. 6).

В связи с выявлением позднезарубинецких древностей, свидетельствующих о движении зарубинецких племен из Среднего Поднепровья в северо-восточном направлении, в археологической литературе была сделана попытка рассматривать эти племена не в качестве ранних славян, а как особую балтийскую группировку. Речь идет о мнении В. В. Седова, который полагает, что эта группировка является по происхождению западнобалтийской, совершившей грандиозный поход от южных берегов Балтийского моря в междуречье Днестра и Среднего Днепра и далее на северо-восток, в бассейн Верхней Оки. По В. В. Седову, потомками зарубинецкого населения были не славянские раннесредневековые племена поднепровской группы, а так называемые мощинские племена, жившие в середине I тыс. н. э. по Верхней Оке и ее притокам. Эти племена действительно были балтами, наиболее восточной их группировкой. Об этом свидетельствуют их домостроительство, погребальная обрядность, украшения, в частности вещи, инкрустированные цветной эмалью. Но никаких прямых генетических связей между зарубинецкими племенами и верхнеокскими балтами в археологическом материале не выявляется. Эти были племена различные, хотя и оказавшиеся соседями.

Ошибка В. В. Седова проистекает из того, что он в своих заключениях опирался не на совокупность признаков, характеризующих культуру, а лишь на один из них — керамику. Действительно, лощеная мощинская посуда похожа на позднезарубинецкую, более того, именно от нее она и ведет свое начало. Это был один из элементов, заимствованных восточными балтами от зарубинецких племен. Но другие элементы культуры у мощинских племен совсем не похожи на зарубинецкие. И если бы, следуя мнению В. В. Седова, мы поместили на рассмотренной выше таблице (рис. 6) материалы, характеризующие мощинские племена, никакой преемственности между ними и зарубинецкой культурой обнаружить было бы нельзя. Публикуемая здесь таблица является ответом также и на критические замечания И. И. Ляпушкина — защитника представлений о позднем появлении славян в пределах нашей страны.³⁷

³⁷ В. В. Седов. 1) Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореф. дисс. М., 1966, стр. 12, 13; 2) [Рец.] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. СА, 1967, № 3, стр. 307—315; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древ-

В середине и третьей четверти I тыс. н. э. днепровские славяне — потомки зарубинецких племен — продолжали расширять свою территорию в северном направлении. Если в зарубинецкое время, в начале нашей эры, славяне распространились в южных и восточных частях Верхнего Поднепровья, то позднее они проникли не только в верховья Днепра, но и в более отдаленные области — в бассейн Западной Двины и к озерам Ильмень и Чудскому. Осваивались притоки Днепра и Десны, а также смежная с Поднепровьем часть Волго-Окской области. Славянские этнические элементы становились господствующими в Верхнем Поднепровье и на его широкой периферии.

Но вплоть до последней четверти I тыс. н. э. далеко не все местности в Верхнем Поднепровье, не говоря уже о смежных с ним северных и восточных областях, принадлежали славянам. Во многих местах, особенно на северо-западе Поднепровья, на Березине, в поречье Друти, а также в глубинах Днепровско-Деснинского междуречья, в частности в верхнем и среднем течении Сожа, наконец, в смежном с Поднепровьем бассейне Верхней Оки продолжали сохраняться компактные массы старого балтийского населения. Во многих местах славяне и балты жили чересполосно, в ближайшем соседстве друг с другом.

В 50-х и 60-х годах автором этих строк и Е. А. Шмидтом в области Смоленского Поднепровья были произведены раскопки остатков нескольких поселений и городищ балтийских племен I тыс. н. э., позволившие охарактеризовать их культуру и наметить некоторые вехи истории.

Выше уже шла речь о том, что вплоть до первых веков нашей эры у днепровских балтов сохранялись архаичные формы быта и хозяйства, возникшие еще в начале I тыс. до н. э., в «раннем железном веке» (стр. 27—32). Колонизационные успехи зарубинецких племен, продвигавшихся с юга в земли днепровских балтов, объяснялись тем, что их экономика, культура и общественные отношения находились на более высоком уровне, чем жизнь и культура днепровских балтов. По той же причине в культуре балтийских группировок, оказавшихся поблизости от пришельцев-славян, появились отдельные зарубинецкие черты — результат влияния более высокой славянской культуры на культуру соседних балтов.

В середине I тыс. н. э. у верхнеднепровских балтов повсюду произошли значительные изменения в области экономической и общественной жизни. Старая форма — поселения-городища — сменилась другой формой поселений. Люди стали селиться на не-

нерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 6—8; П. Н. Третьяков, Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1968, № 4.

высоких, удобных для жизни берегах рек и озер и уже не возводили вокруг своих жилищ ни валов, ни рвов. Тесная планировка старых городищ сменилась теперь свободным расположением построек. Находки, сделанные при раскопках, свидетельствуют о росте сельского хозяйства, земледельческого и скотоводческого, о широком распространении в быту железа.

Все эти изменения были, конечно, не только результатом влияния со стороны зарубинецких славянских племен. Они представляли собой явление закономерное, были итогом развития экономики и социальной жизни днепровских балтов, лишь ускоренным под зарубинецким воздействием. Такие же точно изменения в это же самое время наблюдались в среде балтийских племен в Юго-Восточной Прибалтике и у финно-угорских племен Волго-Окского междуречья, т. е. в областях, очень далеких от славянских поселений. Все эти племена, одни несколько раньше, другие позже, к исходу первой половины I тыс. н. э. распространились с родовым, патриархальнообщинным строем и поднялись на ту ступень экономического и общественного развития, на которую зарубинецкие племена вступили еще в последние века до нашей эры, — на ступень соседской (сельской) общины (стр. 32—37). Патриархальная большая семья в это время распадалась, на первое место выдвигалась отдельная, моногамная семья. Жизнь приобретала те черты, которые были характерны для сельского населения периода раннего средневековья.

Своими специфическими особенностями культура днепровских балтов середины и третьей четверти I тыс. н. э. заметно отличалась от славянской. Если традиционной формой жилища у славян являлась прямоугольная землянка, то балты сооружали наземные деревянные дома столбовой конструкции. У них не было ям-погребов, обычных для славянских поселений. Иными были формы глиняной посуды. Женский костюм изобиловал многочисленными и разнообразными украшениями из бронзы, в том числе вещами геометрического стиля с красной и зеленой эмалью. Балтийские типы украшений — фибулы, вещи с эмалью, браслеты и др. — нередко проникали в славянскую среду, в которой до этого металлические украшения не пользовались большим распространением.

Около своих поселений верхнеднепровские балты сооружали убежища: маленькие крепости, расположенные на труднодоступных местах и обнесенные рвами, земляными валами и деревянными оградами. Кажется, такие убежища, куда жители поселка должны были собираться в часы опасности, распространились главным образом в третьей четверти I тыс. н. э., вероятно, в связи с дальнейшим продвижением славян. Балты стремились оборонять свои владения. Но, судя по их маленьким убежищам, жители каждого селения защищали прежде всего самих себя, что приводило к их военным неудачам. На нескольких городищах-убежищах — Тушемле, Городке, Слободе Глушице, Вошкинском, Ко-

лычевском, расположенных в бассейне верхнего течения Сожа, были обнаружены следы больших пожаров, уничтоживших эти укрепления в конце третьей четверти I тыс. н. э. Вместе с тем во время раскопок здесь было встречено ничтожно мало бытового инвентаря и других вещей, которые неизбежно сохранились бы, если бы гибели укреплений от огня предшествовало большое скопление людей. Не было обнаружено и никаких следов вооруженной борьбы. Очевидно, в этой местности маленькие убежища не оправдали возлагавшихся на них надежд: при приближении сильного неприятеля население укрылось в окрестных лесах, а городища-убежища, на сооружение которых было потрачено так много сил, стали жертвой огня.

На некоторых городищах-убежищах были открыты остатки языческих святилищ в виде круглых площадок диаметром 6 м, по краю которых стояли деревянные столбы, вероятно фигуры божеств, а в центре находился большой столб, изображавший главное божество, в одном случае имевшее медвежью голову. Такие святилища — яркий штрих древней культуры днепровских балтов — обнаружены на городищах-убежищах Тушемля, Городок и Прудки.³⁸

Наряду с древностями славян и балтов в области Верхнего Поднепровья известно немало и таких археологических памятников — городищ, поселений и могильников середины и второй половины I тыс. н. э., этническое определение которых не представляется возможным. Они сочетают в себе славянские и балтийские элементы, являются убедительными свидетельствами процессов, приведших в конце концов к ассимиляции днепровских балтов более сильными и передовыми славянскими группировками. Исторический период, переживаемый днепровскими балтами, а именно распад у них родо-племенных порядков, речь о чем шла выше, способствовал процессу ассимиляции.

Древности такого типа — смешанные, славяно-балтийские — имеются в Поднепровье около Смоленска. Так, на Лахтевском и Демидовском городищах, по общему облику подобных памятникам культуры балтов и находящихся в близком соседстве с характерными древностями балтов, обнаружена глиняная посуда реберчатых форм, подобная происходящей из славянских поселений середины и третьей четверти I тыс. н. э. более южных областей Верхнего Поднепровья. На берегу Акатовского озера, расположенного севернее Смоленска, был исследован могильник с трупосожжением VIII—IX вв. Обряд захоронения оказался похожим на славянский; украшения, положенные в могильник с пережженными костями, принадлежали преимущественно к древностям бал-

³⁸ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 273—285.

тов; среди глиняной посуды, происходящей из захоронений, имеются и славянские и балтийские формы.³⁹ Смешанный, балто-славянский облик в середине и третьей четверти I тыс. н. э. имела культура населения бассейна Верхней Оки, названная археологами мощинской по известному Мощинскому городищу, на котором в 1888 г. Н. И. Булычевым был найден богатый клад бронзовых изделий, украшенных цветной эмалью. По-видимому, здесь обитали в это время балтийские племена, подвергающиеся ассимиляции. В их культуре распространились славянские элементы: глиняная посуда позднезарубинецкого облика, соответствующие формы железных орудий. К исходу I тыс. н. э. их культура приобрела уже вполне славянский облик, и лишь в погребальном обряде, быть может, следует видеть балтийскую традицию.

Здесь имеются в виду курганы, содержащие внутри деревянную постройку — «домовину», в которую ссыпались пережженные кости — остатки трупосожжений. Иногда кости помещались в «домовину» в глиняном сосуде-урне. Древнейшие курганы этого типа, относящиеся к середине и третьей четверти I тыс. н. э., содержат обычно остатки пережженных костей нескольких человек. Эти курганы были семейными усыпальницами. Вокруг деревянной «домовины» устраивалась круговая ограда из столбиков, напоминающая святилища днепровских балтов. Сверху насыпался курган.

Выше уже шла речь о том, что обычай сооружать курганы появился у днепровских славян в третьей четверти I тыс. н. э. Очень возможно, что он был заимствован ими от балтов, но не днепровских, не имевших курганов, а более западных, у которых курганы были древней традицией, деревянная же «домовина», куда помещались остатки сожжений, являлась местной балтийской традицией.⁴⁰

Этот вопрос требует, однако, дальнейшего изучения. В разных областях восточнославянской территории древние курганы имели различный характер и, возможно, разное происхождение. В бассейне Верхней Оки и в смежных частях бассейна Днепра, в частности на Десне, древнейшие курганы, как только что указывалось, имели нередко деревянные «домовины» и ограды. В Смоленском Поднепровье и севернее, в областях, примыкающих к оз. Ильмень, в третьей четверти I тыс. н. э. распространились высокие курганы, называемые сопками. Они также являлись коллективными, семейными усыпальницами, т. е. содержали внутри остатки нескольких сожжений. Нередко в сопках встречаются развалины

³⁹ Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. МИА, № 108, 1963; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 117—122.

⁴⁰ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 278—279.

каких-то деревянных и каменных сооружений. В Северо-Западном Поднепровье, в верховьях Западной Двины и Волги и вокруг южной части Чудского озера имеются погребальные сооружения в виде длинных курганов — валообразных насыпей, внутри которых находятся остатки сожжений. Это также коллективные, семейные усыпальницы. Наконец, в некоторых местах и в Верхнем Поднепровье, и севернее, в бассейне оз. Ильмень, известны традиционные славянские бескурганые могильники с сожжениями второй половины I тыс. н. э. Они принадлежали, очевидно, славянским группировкам, сумевшим сохранить по какой-то причине древнюю дедовскую погребальную обрядность.

Различные формы погребальных памятников второй половины I тыс. н. э., имеющиеся в области Верхнего Поднепровья и по ее широкой периферии, давно привлекали к себе внимание археологов. Величественные курганы-сопки — настоящие земляные пирамиды — некогда приписывались археологами норманнам; считалось, что они расположены вдоль речных торговых путей из Балтийского моря на Волгу и Днепр. Но позднее выяснилось, что сопки на 2—3 столетия старше того времени, когда норманны появились на Русской равнине. Большинство исследованных сопок относится к третьей четверти I тыс. н. э. И расположены они не только вдоль рек, служивших торговыми путями, но и на других реках и ручьях, нередко в глубинах водоразделов. Не обнаружены сопки на берегах Невы, в нижнем течении р. Луги, нет их в Юго-Восточной Прибалтике, т. е. в тех областях, которые несомненно посещались норманнами, но где местным населением были финно-угорские племена: эсты, воль и ижора. В настоящее время большинство исследователей рассматривает курганы-сопки как славянские памятники, принадлежащие наиболее северной восточнославянской группировке: словенам новгородским и их ближайшим предкам, продвигавшимся в Приильменье из Верхнего Поднепровья. Очевидно, это были славяне, уже несущие в себе балтийский субстрат той или иной плотности.

Территория длинных курганов совпадает с летописной областью кривичей: «Иже седять на верх Волги и на верх Двины, и на верх Днепра». То, что эти погребальные памятники имеются вокруг южной части Чудского озера, также не противоречит летописным данным о расселении кривичей — есть сведения, что кривичским городом, расположенным здесь, был Изборск. Но находки, сделанные в длинных курганах, особенно в области Верхнего Поднепровья, говорят не только о славянах, но и о балтах. Здесь имеются в виду многочисленно бронзовые украшения балтийских (латгальских) типов, особенно характерные для длинных курганов на Смоленщине. В результате вопрос о том, кому принадлежали длинные курганы — славянам или балтам, считается в археологии спорным. В этом споре А. А. Спицын несколько раз склонялся то в ту, то в другую сторону. И ныне одни

археологи полагают, что длинные курганы насыпаны балтами, другие считают их славянскими древностями.

Автор этих строк, а затем и В. В. Седов, в конце 50-х годов заново исследовавшие материалы длинных курганов, рассматривают их как древности летописных кривичей. Понятно, что в землях этой восточнославянской группы, пограничной с литовскими племенами, балтийский субстрат был особенно сильным. Судя по материалам длинных курганов Смоленщины, балтийские элементы сохранялись там вплоть до IX в. Очевидно, правы были те историки XIX в., которые считали кривичей «наполовину литовцами». И недаром наименование этой группировки — кривичи — имеет балтийское происхождение. Криве — это имя одного из персонажей литовской языческой мифологии.

В конце 40-х годов мной было высказано предположение, что длинные курганы имеют местное происхождение, что их появление отражает перемены, совершившиеся в общественных отношениях. Раньше результаты сожжения умерших погребались славянским населением на общем родовом могильнике, а потом, когда родовые связи разрушились и на первое место выдвинулась отдельная семья, появились семейные усыпальницы — курганы.

Позднее длинные курганы были обнаружены в бассейне Немана и в верхнем течении Западного Буга. На этом основании В. В. Седовым была высказана мысль, что «люди длинных курганов» — кривичи — пришли на свою летописную территорию с Немана и Буга, из Восточной Польши. Однако известные сейчас в бассейне Немана и Буга длинные курганы не являются ранними, по времени предшествующими курганам территории летописных кривичей. Они позднее многих курганов, известных на Западной Двине и в Псковской области. И, может быть, высказанное В. В. Седовым предположение о западном происхождении кривичей является ошибочным.⁴¹

Курганы с деревянными «домовинами» и оградами первоначально были определены мной как вятичские. Они были известны в бассейне Верхней Оки и на Верхнем Дону. Но такие курганы, в частности очень ранние — V—VI вв. (Кветунский мог.), были обнаружены кое-где и на Десне, в земле северян. Одним из важнейших компонентов вятичей, судя по археологическим данным, является верхнеокское население середины I тыс. н. э., известное по так называемым мощинским древностям. Выше оно было определено как местное, восточнобалтийское, подвергшееся сильному культурному воздействию со стороны позднезарубинецких племен, занимавших смежные с бассейном Верхней Оки области Подесенья. На севере Верхнеокского бассейна, судя по данным

⁴¹ П. Н. Третьяков. Археологические памятники древнерусских племен. Уч. зап. Ленингр. ун-в., серия ист. наук, в. 13, 1949, стр. 272; В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 56.

летописи, балтийская группировка — голядь — дожила до XI—XII в. В среде вятичей балтийские элементы были представлены несомненно столь же весомо, как и в среде кривичей. Недаром «руководящая форма» вятичской сельской средневековой культуры — семилопастное височное кольцо — в качестве своего прототипа имеет височное украшение с трапециевидными подвесками, распространенное во второй половине I тыс. н. э. среди верхнеднепровских балтов.

Судя по данным летописи, близкой вятичам восточнославянской группировкой были радимичи, жившие между Днестром и Десной по рр. Сожу и Ипути. В пределах земли радимичей древности второй половины I тыс. н. э. почти не исследованы. Поэтому вопрос об этой группировке, об ее отношении к позднерубинецким и местным балтийским племенам остается пока открытым.

Последней восточнославянской группировкой, расположенной в Верхнем Поднепровье, являются дреговичи, занимающие, по словам летописи, Правобережье Днестра «межи Припетью и Двиной». Судя по древностям VI—VIII вв., известным на дреговичской территории, дреговичи не были потомками зарубинецких племен, а являлись группировкой, близкой древлянам и волянянам, имевшим, по-видимому, западное происхождение. Недавно вопрос о дреговичах и их связях с «культурой Корчак», принадлежавшей древлянам и волянянам, был обстоятельно освещен В. В. Седовым.⁴² В этой же работе приведены данные, указывающие на то, что вплоть до последних веков I тыс. н. э. в пределах летописной дреговичской территории продолжало сохраняться и местное балтийское население.

3

Итак, в свете археологических данных становится очевидным, что в течение I тыс. н. э. область Верхнего Поднепровья являлась ареной длительного этнического состязания между местным населением — восточными балтами — и постепенно двигавшимися из Среднего Поднепровья славянами. Победу одержали славянские группировки, достигшие более высокого уровня экономики, культуры и общественных отношений. К исходу I тыс. н. э. процесс ассимиляции верхнеднепровских балтов в основном завершился; они смешались со славянами, утратили свой язык и особенности культуры. Летописцы уже ничего не знали о том, что «первыми насельниками» Верхнего Поднепровья были балтийские племена. Лишь одна только голядь получила отражение в ле-

⁴² В. В. С е д о в. Дреговичи. СА, 1963, № 3.

тописи. Голядь обитала до XII в. в западной части Волго-Окского междуречья, на северных рубежах земли вятичей.

В русской историографии и в археологических исследованиях не раз поднимался вопрос о том, что представляли собой перечисленные в «Повести временных лет» восточнославянские объединения: словени, кривичи, радимичи, вятичи и др. Обычно их называют племенами, хотя контекст летописи не содержит для этого никаких оснований. Неизвестно, были ли эти объединения древними этническими подразделениями или в них следует видеть новообразования, возникшие незадолго до сложения Древнерусского государства.

В исследованиях А. А. Шахматова, А. А. Спицына и некоторых других филологов и археологов конца XIX—начала XX в. летописные «племена» рассматривались в качестве особых этнических подразделений. А. А. Шахматов полагал, что между современными русскими, украинскими и белорусскими диалектами и летописными восточнославянскими группировками имелась генетическая преемственность, что вятичи, словени, кривичи и другие группы отличались друг от друга в диалектном отношении. А. А. Спицын, рассматривая древнерусские курганные древности XI—XII вв., пришел к мысли, что в этих древностях «намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древнерусских племен» и что «дальнейшее расширение исследований соответствующих курганов даст вполне точную карту расселения древнерусских племен времени Начальной летописи».⁴³

Другую точку зрения на летописные группировки обосновали историки, исходившие из того, что этногеографическая картина «Повести временных лет» является результатом расселения славян по Русской равнине, в условиях которого древние племена разрушались и возникали новые объединения. Так думал В. О. Ключевский. Наиболее определенно высказывался по этому поводу автор «Исторической географии» С. М. Середонин. «Из местных названий XI века летопись сделала „племена“ восточного славянства», — писал он. «Сравнительно небольшими группами, часто отдельными семьями, славянские племена расплодись по великой Восточно-Европейской равнине. Вследствие этого постоянно изменялись границы Русской земли, распадалась прежние союзы, на их месте образовывались новые, которые уже нельзя считать союзами лиц, связанных единством происхождения».⁴⁴

⁴³ А. А. Шахматов. 1) К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. Журн. Минист. народн. просв., 1899, кн. IV; 2) Введение в курс русского языка; А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.

⁴⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I. М., 1937, стр. 109; С. М. Середонин. Историческая география. Пгр., 1916, стр. 134, 152.

Дальнейшие розыскания показали, что оба приведенных выше мнения о летописных группировках нуждаются в значительных коррективах. Исследования в области исторической диалектологии подтвердили мысль о лексической пестроте древнерусской речи, но не выявили таких материалов, которые позволили бы утверждать, что древнерусские группировки — кривичи, вятичи, радимичи и др. — имели свои исконные различные диалекты. «Дальнейшее расширение исследований» древнерусских курганных древностей, на которое возлагал свои надежды А. А. Спицын, так и не привело к составлению «вполне точной карты расселения древнерусских племен». Было обращено внимание на то, что определенные А. А. Спицыным археологические признаки, отличающие одно «племя» от другого, не были древними, а появились лишь в начале II тыс. н. э., когда «племена» уже сходили с исторической сцены.

Речь идет здесь о важном в древности признаке — предметах убора женского костюма, прежде всего о височных кольцах. Ромбоцитковые кольца словен новгородских, семилопастные — вятичей, семилучевые — радимичей и т. д., как и сопутствующие им другие специфические украшения, были новообразованием. Они появились лишь на рубеже I и II тыс. н. э. Славяно-русские древности предшествующих IX—X вв. не содержат таких предметов убора, по которым можно было бы бесспорно определять различные древнерусские «племена».

Привлечение материалов третьей четверти I тыс. н. э. — перечисленных выше вариантов погребальных сооружений (сопки, длинные курганы, курганы и деревянные «домовины»), относящихся ко времени, когда «племена» должны были составлять еще суверенные образования, обещало как будто бы очень многое. Но стало выясняться, что эти варианты погребальных сооружений возникли, по-видимому, не без участия балтийского субстрата. Вятическое височное кольцо, как указано выше, также имело балтийский прототип. То же самое можно сказать и о некоторых других предметах убора, обычных для древнерусских курганных древностей. Изучение верхнеднепровской гидронимии выявило мощный пласт балтийских наименований, как и археологические данные, свидетельствующий о том, что восточные балты «вросли» в восточнославянское население, что вплоть до последних веков I тыс. н. э. они были в некоторых частях Верхнего Поднепровья вполне реальной величиной.

Как же следует согласовать между собой все эти данные, какую картину они рисуют? На их основании и в свете всего сказанного ранее становится, во-первых, очевидным, что восточнославянские группировки — словени, вятичи, кривичи и др. — не были древними, исконными образованиями, славянскими племенами или племенными группами, связанными единством происхождения. Они сложились в Верхнем Поднепровье где-то в сере-

дине I тыс. н. э. Во-вторых, группировки эти образовались не из одних только славянских элементов, но и из местных балтов, подвергшихся ассимиляции. Это были территориальные, политические союзы, возникшие уже на исходе первобытной истории. Летопись указывает, что до включения этих группировок в состав Киевской державы, у них были свои «княжения». Известны имена князей: легендарных Вятко и Радима у вятичей и радимичей; вполне достоверных Ходоты с сыном и Мала у вятичей и древлян и др. Развитие этих союзов шло по пути превращения их в государства.

Но не противоречат ли этому факты, указывающие, что вятичи, кривичи, радимичи и другие группировки имели некоторые свои отличительные признаки в культуре? Археологические признаки «племен», как уже указано, особенно отчетливо проявились в начале II тыс. н. э., когда суверенному существованию древнерусских группировок уже пришел конец. Эти признаки складывались на основе как славянских, так и балтийских элементов. Одновременно завершался процесс ассимиляции славянской средой днепровских балтов. Иными словами, внутри летописных группировок шел исторический процесс консолидации различных этнических элементов, представлявший собой в ту эпоху не что иное, как процесс формирования народностей. Словене новгородские, кривичи, вятичи, радимичи и другие были не только племенными объединениями, но и примитивными народностями, или «народцами», находящимися на разных уровнях консолидации и мало-помалу поглощаемыми складывающейся древнерусской народностью. Эту мысль автор высказал еще в начале 50-х годов.⁴⁵ Но тогда славянские древности I тыс. н. э. были известны еще очень плохо, оставались неисследованными древности верхнеднепровских балтов, была неясной роль балтов в образовании восточнославянских группировок. Теперь, после новых археологических, гидронимических и других исследований, все это значительно разъяснилось.

В этой связи необходимо отметить еще одно ошибочное положение в работах В. В. Седова. Он полагает, что днепровские балты послужили компонентом не древнерусских летописных группировок и древнерусской народности, а лишь той ее части, на основе которой впоследствии, через несколько веков, сложилась белорусская средневековая народность. По его мнению, балтийский компонент является специфической особенностью этой народности. В свете всего сказанного выше ошибочность точки зрения В. В. Седова представляется бесспорной.⁴⁶

⁴⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 217—228.

⁴⁶ В. В. Седов. 1) К происхождению белоруссов. СЭ, 1967, № 2; 2) О происхождении белоруссов. В сб.: Древности Белоруссии, Минск, 1966, стр. 301—309; П. Н. Третьяков. Восточные славяне и балтийский субстрат. СЭ, 1967, № 4.

Совсем неверной представляется мне попытка И. И. Ляпушкина изобразить картину жизни и культуры восточных славянских группировок накануне образования Древнерусского государства по сути дела вне какой-либо связи с историей культуры балтов и других этнических группировок, послуживших для славян субстратом на огромных пространствах Восточной Европы. В своей последней книге, посвященной славянским племенам конца I тыс. н. э., И. И. Ляпушкин уклонился от рассмотрения многих групп раннесредневековых древностей Верхнего Поднепровья и его периферии (длинных курганов, сопок и др.), указав, что их отношение к славянам является далеко не определенным, а во многих случаях спорным.⁴⁷ Но эта неопределенность, то что черты культуры славян выступают в ряде случаев не в чистом виде, а в сочетании с элементами культуры других этнических группировок, отражает вполне реальную картину исторического процесса.

⁴⁷ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, стр. 89--97.

О ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

«РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» И «ДРЕВНОСТИ РУСОВ»

1

Многочисленные открытия в области славяно-русских древностей VI—VIII вв., сделанные в Поднепровье за последние два десятилетия, настойчиво призывают еще раз возвратиться к одному из наиболее темных и запутанных вопросов истории древнерусской народности и ее государства — к вопросу о том, кем были в последние века I тыс. н. э. древние русы и что представляла собой первоначально Русская земля?

Вопрос этот интересовал всех историков Руси, а еще раньше — ее летописцев; можно сказать, он столь же стар, как и сама Древняя Русь. Началам Руси посвящена обширная литература, отечественная и зарубежная. Множество научных сочинений, авторы которых занимались данным вопросом, относится к концу XVIII—началу XX в., когда между двумя непримиримыми лагерями русской дворянско-буржуазной историографии — норманистами и антинорманистами — не прекращалась ожесточенная полемика. Немало внимания этому сюжету уделили и советские исследователи, стремящиеся осветить ход образования древнерусской народности и ее государственности с принципиально новых позиций. Они достигли несомненно значительных успехов. Еще в начале 30-х годов в пылу горячих дискуссий окончательную победу одержал взгляд на Древнюю Русь как на государство с развивающимися феодальными порядками, главным защитником которого являлся тогда академик Б. Д. Греков. Были выяснены многие другие вопросы исторической жизни Древней Руси, в том числе некоторые вопросы ее генезиса.

Советские историки, в частности археологи, убедительно показали, что древнерусская народность и ее государство были закономерным итогом распада у восточных славян первобытных форм производства и общегития. Процесс этот более интенсивно протекал на юге восточнославянских земель — в области Сред-

него Поднепровья, где обитало более передовое население, а историческая обстановка стимулировала процесс классообразования. Восточнославянское государство стало складываться здесь за долго (за одно-два столетия) до появления Рюриковичей в Киеве. Оно возникло в той части Среднего Поднепровья, которая называлась Русью. И еще долгие годы, вплоть до XII—XIII вв., только эта область носила наименование Русь или Русская земля. Лишь после того как важнейшие центры Древнерусского государства переместились из Поднепровья в далекое Залесье, в Галицко-Волынские земли и на Северо-Запад, особенно же начиная с времени татаро-монгольского нашествия, Русью стали называть всю территорию государства, а русским народом — все население, говорившее на русском языке.

Таковы общие черты исторической картины возникновения восточнославянской Руси, обоснованные письменными свидетельствами и археологическими данными. Вместе с тем неоднократные попытки конкретизировать эту картину, раскрыть все детали и обстоятельства процесса из-за недостатка фактических данных не выходят пока за рамки весьма туманных и противоречивых гипотез. Остается далеко не выясненным, кем являлись древнейшие русы и где находилась их исконная земля, какое место следует предоставить им на этногеографической карте «Повести временных лет», где их археологические памятники?

В работе «Происхождение названий „Русь“ и „Русская земля“», опубликованной в 1947 г., М. Н. Тихомиров суммировал и тщательно разобрал летописные и иные сведения, свидетельствующие о несостоятельности норманской теории происхождения Руси. Он высказался против популярной одно время компромиссной теории В. А. Брима о двойственном, южном и северном, происхождении Руси, а также против взглядов Л. С. Тивериадского, пытавшегося рассматривать русь не в качестве этнической или территориальной группировки, а в качестве господствующего класса в Древнерусском государстве. По мнению М. Н. Тихомирова, на страницах древнейших летописей, предшествующих составлению первого «норманистского» исторического произведения — «Повести временных лет», отчетливо видна старая традиция, решительно отделяющая Русь от варягов и помещающая ее в области Среднего Поднепровья, на Киевщине. Русь — это южное «племя»; «Русская земля» находилась у западных рубежей Хазарского каганата. Многочисленные свидетельства летописи доказывают, что вплоть до XII—XIII вв. ни Новгородские, ни Смоленские, ни Ростово-Суздальские, ни Галицко-Волынские земли Русью не назывались. За границами древнейшей Русской земли лежали области древлян, дулебов, радимичей, дреговичей и всех северных восточнославянских группировок. В представлениях людей того времени Русью являлась только Киевская земля, где обитали «поляне, яже ныне завомяя Русь». «Название

„Русь“ — древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в., задолго до завоевания Киева северными князьями». ¹ Свою точку зрения М. Н. Тихомиров не считал оригинальной. Он отметил, что еще в середине XIX в. так мыслил А. Федотов. Д. И. Иловайский, С. А. Гедеонов и некоторые другие старые историки-«антинорманисты» также полагали, что Русь — это прежде всего страна полян.

Подобные же соображения были высказаны по данному поводу М. Д. Приселковым и А. Н. Насоновым. ² Они пришли к выводу, что первоначальное ядро Древнерусского государства — «Русская земля» — это область, лежащая вокруг трех городов — Киева, Чернигова и Переяславля-Русского. Раннефеодальная знать этой области, организовавшая государственный союз, властвовала не только у себя дома — в пределах древнейшей Русской земли, но путем завоеваний распространяла свое господство на другие земли: древлянские, северянские, вятичские, далекие новгородские и др., в том числе и на земли «иних языщей». Население покоренных Русью земель облагалось при этом данью, которая собиралась во время полюдья. Социальные верхи всех покоренных земель, не входивших первоначально в границы «Русской земли», ставились в вассальную зависимость, а в случае сопротивления уничтожались. Так, при Ольге были погублены «лучшие мужи, иже держашу Деревьску землю».

А. Н. Насонов разделял отрицательное мнение М. Н. Тихомирова по поводу предположения, что русы — это господствующий слой древнерусского общества. Он указывал, что в источниках имеются упоминания как об «имовитых», так и о «неимовитых» русах. «Людьми русскими» называли все население, жившее в пределах «Русской земли». Что же касается вопроса об отношении этого населения к «племенам» «Повести временных лет», то его А. Н. Насонов был склонен решать несколько иначе, чем М. Н. Тихомиров. По мнению А. Н. Насонова, в пределах древнейшей Русской земли кроме полян обитали северяне или часть их, часть радимичей и, может быть, какая-то часть уличей на юге и вятичей на севере. Все это были «племена», оказавшиеся в конце I тыс. н. э. под властью Хазарского каганата, платящие хазарам дань. Этому обстоятельству А. Н. Насонов придавал большое значение. Когда силы хазар стали ослабевать, полагал он, в Среднем Поднепровье на основе связей, сложившихся в условиях борьбы с хазарами, возникло местное восточнославян-

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». СЭ, в. VI—VII, 1947, стр. 60—80.

² М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. УЗЛГУ, в. 8, 1941; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 28—46.

ское государство — «Русская земля» — со славянским каганом в главе. В ходе сложения этого государства борьба с Хазарским каганатом послужила, таким образом, как бы катализатором.

Наиболее полное освещение вопроса о русах и их древнейшей земле было дано в 1953 г. Б. А. Рыбаковым.³ Его выводы о границах области, называемой вплоть до XII—XIII вв. «Русской землей», сделанные на основании данных летописи, в основных чертах совпадают с границами, предложенными А. Н. Насоновым. Древнейшая Русская земля — это лесостепная часть Среднего Поднепровья, его сравнительно небольшой правобережный участок с городом Киевом и значительная область в Левобережье с Черниговым и Переяславем. На основании всестороннего анализа летописных сведений Б. А. Рыбаков внес в эту картину ряд существенных уточнений, несколько расширяющих границы древнейшей Русской земли в «узком смысле». По его мнению, ее пределы, в представлении людей XI—XIII вв., достигали на севере Стародуба и Трубчевска, на северо-востоке — Курска, на западе — Белгорода и Юрьева. Кроме этих городов в границах «Русской земли» находились Вышгород, Василев, Треполь, города Поросья, Новгород-Северский, Остерский Городец и некоторые другие. Южные границы определить трудно. Киев, Чернигов и Переяславль-Русский являлись главными центрами древнейшей Руси. Ее «волостью», отношение которой к метрополии остается далеко не ясным, были, возможно, земли по Верхней Горыни (рис. 7). В XI—XII вв. очерченную область называли Русью или «Русской землей» лишь по традиции, бывшей, однако, очень прочной, свидетельствующей о том, что «Русская земля» в «узком смысле» в свое время была понятием устойчивым и общеупотребительным. Реальная «Русская земля» существовала в течение последних столетий I тыс. н. э.

Б. А. Рыбаков полагал также, что свидетельства летописи позволяют выделить в составе «Русской земли» ее основную часть — «Русь внутри Руси». Это были, по его мнению, Киевщина и примыкающие к ней с юга земли по р. Роси — Поросье.

Выясняя вопрос о руси и пределах ее древнейшей земли, Б. А. Рыбаков обратился к среднеднепровским материалам третьей четверти I тыс. н. э., известным в литературе как «древности антов». Такое имя было присвоено им в 20-х годах А. А. Спицыным.⁴ «Древности антов» — это предметы убора и украшения из бронзы и серебра: пальчатые, антропоморфные и зооморфные фибулы, височные кольца, браслеты, подвески, поясные наборы и др., встречающиеся на территории лесостепного

³ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА. XVII, 1953.

⁴ А. А. Спицын. Древности антов. Сб. статей в честь А. В. Соболевского, Л., 1928.

Среднего Поднепровья. Нередко они составляют клады, происходят из погребений; имеются находки отдельных вещей. Это предметы повторяющихся, вполне определенных типов, в том числе и таких, какие в других местах не встречаются. Их время А. А. Спицын определял VI—VII вв. Он справедливо отметил, что в комплексе эти древности заметно отличаются от того, чем характеризовалась в это время культура кочевников (аваров, аланов, болгар, хазар), и приближаются в некоторых отношениях

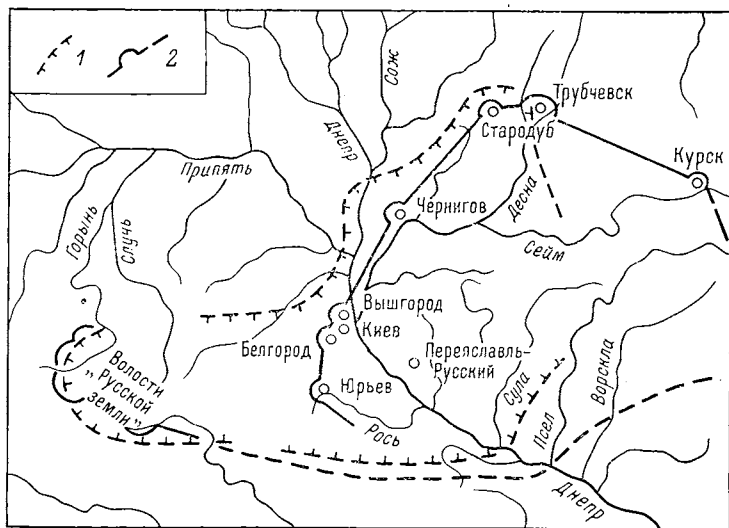

Рис. 7. Границы древнейшей Русской земли.

1 — по А. Н. Насонову; 2 — по Б. А. Рыбакову.

к соответствующим древностям славянского средневековья. Отсюда, а также из локализации данных вещей в Среднем Поднепровье последовало предположение, что это древности славянские, антские.

За четверть века, отделяющую работу Б. А. Рыбакова от исследования А. А. Спицына, состав «древностей антов» пополнился новыми находками, в том числе несколькими богатыми кладами. Они еще определеннее обрисовали пределы бытования этого вида древностей. На правом берегу Днепра «древности антов», в частности ряд кладов, происходят главным образом из области бассейна двух днепровских притоков — Роси и Тясмина. В Левобережье они рассеяны по всей лесостепной полосе: по притокам Днепра южнее поречья Десны и Сейма, доходя на востоке до верховьев Северского Донца. Если сравнить область распростране-

ния этих древностей с картиной расселения антов, нарисованной древними авторами, то они далеко не совпадают. Древние авторы сообщают, что анты обитали на широких пространствах от Днестра до Днепра и далее к востоку. Область спицынских «древностей антов» могла быть не более чем северо-восточной окраиной античных земель. Совсем к другому результату приводит сопоставление археологической карты «древностей антов» с очерченными выше границами древнейшей Русской земли. Они в основных чертах совпадают. Особенно убедительным является их соответствие в Правобережье. Здесь, недалеко от Днестра и Роси, начиналась земля древлян, лежащая за пределами «Русской земли». На древлянской территории «древности антов» не были обнаружены. Можно указать лишь одно существенное отклонение археологической карты и карты «Русской земли»: «древности антов» почти не распространяются к северу от линии Нижняя Десна—Сейм, за пределами которой лежала значительная, но несомненно окраинная часть древнейшей Руси.

На основании сопоставления карт — археологической и исторической — Б. А. Рыбаковым был сделан вывод, что обрисованным выше вещам имя «древности антов» было присвоено ошибочно. Их владельцами были не анты, бушевавшие на Дунае и объединявшие восточные славянские племена на огромных пространствах, а лишь одна из групп восточного славянства — древние русы, и вещи эти следует называть не «древностями антов», а «древностями русов». В предварительной форме эта мысль была высказана Б. А. Рыбаковым еще в 1949 г. в статье, посвященной публикации Нового Суджанского клада.⁵

Такому выводу вполне соответствуют соображения хронологического порядка. По имеющимся сейчас данным, древности, о которых здесь идет речь, относятся к значительному отрезку времени. Б. А. Рыбаков определяет его как V—VII вв., указывая, что большинство находок относится ко второй половине этого периода. Следовательно, только ранняя, сравнительно малочисленная группа древностей синхронична антскому времени (имя антов в последний раз упоминается под 602 г.), большинство же вещей принадлежит к последующему периоду — тем столетиям, к которым можно отнести древних русов — создателей первого восточнославянского государства на Днестре.

Со всем этим нельзя не согласиться. Более того, несомненно, что наиболее поздние категории «древностей русов» (бывших «древностей антов») относятся к началу VIII в., смыкаясь с древнерусскими средневековыми древностями, что еще теснее связывает их с русами и их древней землей.

⁵ Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КС, в. XXVII, 1949, стр. 86.

Рассматривая «древности русов», Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что в их составе можно выделить четыре группы предметов. Первую составляют вещи нехарактерные, распространенные в это время повсюду на юге Восточной Европы, в частности и у кочевников. Это главным образом разнообразные бляшки, служившие украшением пояса, а также бусы из разноцветной пасты, изготовлявшиеся где-то на юге и распространявшиеся на широком пространстве путем торговли. Далее, среди «древностей русов» имеются вещи, находимые преимущественно в границах «Русской земли»: таковы прежде всего пальчатые фибулы, которых совсем нет в степи. Они свидетельствуют об определенном типе одежды, распространенном в то время среди оседлых племен, но неизвестном кочевникам. Третью группу составляют предметы, характерные в основном для западных частей «Русской земли — Правобережья. Это зооморфные и антропоморфные фибулы и проволочные височные подвески, один конец которых образует плоскую спираль. Наконец, имеются вещи, встречающиеся только в восточных частях «Русской земли» — двухспиральные (очковидные) височные подвески и круглые медальоны.

На основании всего этого Б. А. Рыбаковым была высказана интересная гипотеза о племенном составе древнейшей Руси. Русы, предполагает он, жили тогда на Днестре между полянами и уличами. Их основная территория находилась в поречье двух правобережных днепровских притоков — Роси и Тясмина, там, где сосредоточена топонимика с корнями «рос» и «рус» (Рось, Росава, Ростовица, Русская Поляна между Днестром и Тясминим, Переяславль-Русский на левом берегу Днестра). Это и была «Русь внутри Руси».

Русам принадлежали древности с зооморфными и антропоморфными фибулами и односпиральными височными кольцами. Ими были зарыты в землю знаменитый Мартыновский клад, найденный на Роси, клад из с. Хацки, клад из с. Малый Ржавец и др. На вещах Мартыновского и Хацковского кладов имеются изображения тамги той же схемы, как известные «знаки Рюриковичей». Поселением русов было Пастырское городище в бассейне Тясмина, где найдено большое количество фибул, височных колец и других характерных предметов убора и украшений VII—VIII вв. Возможно, что древним центром русов был город Родня, находящийся около устья р. Роси, где также были сделаны соответствующие находки.

Восточнее русов, в глубинах лесостепного Левобережья, лежала область еще одного «племени», оставившегоклады и другие находки, особенностью которых было наличие двухспиральных височных подвесок. По мнению Б. А. Рыбакова, эти украшения являются непосредственным генетическим предшественником северянских спиральных височных колец XI—XII вв. Здесь, на востоке Среднего Поднепровья, жили древние северяне — север.

Им принадлежали Новый Суджанский клад, клад из Новой Одессы, Колосковский клад и др.

Северными соседями древнейших русов были поляне. Граница между ними и русами, как предполагает Б. А. Рыбаков, проходила по водоразделу Роси и более северного правого притока Днепра — р. Красной. В земле полян, в частности на территории Киева, также известны находки вещей третьей четверти I тыс. н. э. типа «древностей русов». Но особенно характерными для древнейших полян в ранний период являлись, по Б. А. Рыбакову, вещи с эмалью северных типов. Такое предположение было высказано им впервые в 1947 г.⁶ Территория полян определялась тогда несколько иначе, чем в работе «Древние русы». Она включала в свои границы и Поросье, и бассейн Тясмина. Русы и поляне выступали в работе 1947 г. недифференцированно («полянерусь»). Теперь, в работе 1953 г., те и другие определелись. Поляне и русы отличались друг от друга по предметам убора и украшениям, указывающим на различные связи. «Жители Киевщины, носители эмалевых фибул (поляне, — П. Т.), были связаны с землями радимичей, вятичей, кривичей и литовцев». Вещи из земли русов «свидетельствуют о постоянных связях со степью, с лежащими по ту сторону степи городами Причерноморья».⁷

Итак, русы, по Б. А. Рыбакову, — это первоначально одна из восточнославянских группировок, входивших, возможно, в антский союз племен. «Борьба с гуннами и аварами на всей южной границе славянства, а также начавшиеся в VI в. походы и передвижения славян в глубь Византии перекроили группировки славянских племен. В VI в. юго-западные антские племена были объединены в союз волянян, а на юго-востоке, там, где приходилось прежде всего встречать идущие из степей опасности, сложился союз племен, получивший имя Руси ... В состав русского племенного союза несомненно входили сами русы (росы) и северяне (сѣвер) ... возможно, что несколько позднее в русский союз вошли и киевские поляне ... и днепровские уличи».⁸ В недрах русского племенного союза мало-помалу складывались элементы государства — предшественника Киевской Руси. Вместе с тем этот союз послужил ядром, вокруг которого стала формироваться древнерусская народность.

Истоки всех этих племен — полян, северян, русов, уличей — Б. А. Рыбаков искал тогда в среднеднепровском населении первой половины I тыс. н. э., известном по древностям черняховской культуры, что не подтвердилось в ходе дальнейших исследований.

⁶ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, в. VI—VII, 1947, стр. 95—106.

⁷ Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 94—95.

⁸ Там же, стр. 101.

ПО СЛЕДАМ ОБИТАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

1

Выводы археологического раздела работы Б. А. Рыбакова «Древние русы», как уже указывалось, представляли собой, конечно, не более чем гипотезу. Убедительность ее отдельных частей была далеко не равноценной. Наиболее близким к истине можно было считать основное положение — то, что «древности русов» являются остатками культуры славянских среднеднепровских племен третьей четверти I тыс. н. э. Это более убедительно, чем мысль А. А. Спицына, назвавшего их «древностями антов». Лишь предположительными являются попытки Б. А. Рыбакова охарактеризовать по археологическим данным отдельные племена и их взаимоотношения друг с другом. И уже совсем гипотетичной представляется мысль об особом славянском племени русь и его археологической атрибуции. Летопись нигде не говорит о таком племени, равнозначном полянам, древлянам, северянам, кривичам и др. Русь — своеобразное явление. Но и этой части гипотезы Б. А. Рыбакова нельзя отказать в праве на существование и в то время ей трудно противопоставить какие-либо другие соображения. Если древнейшая русь была племенем, то, по всем данным, она должна была находиться где-то здесь, на юго-восточных рубежах славянства, по соседству с миром степей.

Основной причиной значительной гипотетичности археологического раздела работы Б. А. Рыбакова являлась крайняя неполноценность источников. «Древности русов» — это, как уже указывалось, в лучшем случае комплексы кладов или инвентарь отдельных захоронений разного типа, чаще же случайно найденные вещи. Подавляющее большинство этих древностей происходит не из археологических раскопок. Они найдены местными жителями, и условия находок почти во всех случаях остаются далеко не ясными. Не было известно ни мест поселения, соответствующих «древностям русов», ни могильников, которые дали бы массовый материал, позволяющий составить всестороннюю характеристику культуры. Лишь одно Пастырское городище на р. Сухой Ташлык, притоке Тясмина, раскопанное В. В. Хвойкой на рубеже XIX—XX вв., можно было связать с русами. Но эти раскопки проведены крайне неудовлетворительно. В 1946 г. во время осмотра этого городища мне повстречался пожилой крестьянин — участник раскопок В. В. Хвойки. Он рассказал о том, что, впрочем, было известно и раньше: площадь древнего поселения при В. В. Хвойке была вспахана тяжелым плугом, влекомым волами, а группа «хлопцев», в числе которых находился рассказчик, бежала за плугом, разбивала комья земли палками и собирала вещи.

Так была создана знаменитая коллекция предметов убора и украшений VII—VIII вв. — одно из наиболее крупных собраний «древностей русов». Почему в слое Пастырского поселения было так много вещей, каковы условия их залегания, образовывали ли они компактные скопления или были рассеяны в земле в беспорядке, не связаны ли они с остатками каких-либо сооружений — все эти вопросы остались без ответа. Известно лишь, что В. В. Хвойкой были обнаружены скопления «печины» — остатки глинобитных печей. Следовательно, здесь имелись постройки. Но отношение к ним бронзовых и серебряных изделий VII—VIII вв. не было выяснено. Ведь на городище кроме древностей третьей четверти I тыс. н. э. были найдены остатки культуры и скифского времени, которые тоже должны были сопровождаться остатками построек. Вещи из Пастырского городища, добытые при В. В. Хвойке, по сути дела рассматривались как «случайные находки».

Вследствие всего этого «древности русов», не имевшие «эквивалента» среди остатков поселений, рассматривались некоторыми исследователями как памятники неславянские, более того, не принадлежавшие оседлому населению. Предполагалось, что в «дороменское» время, в третьей четверти I тыс. н. э., в лесостепном Поднепровье не было постоянного населения. Указывалось также, что «древности антов-русов» не имеют ничего общего с остатками культуры славянского роменско-боршевского населения VIII—X вв., которое рассматривалось в качестве древнейшего славянского населения Среднего Поднепровья.⁹ Против этого утверждения, исключавшего «древности антов-русов» из рамок культуры оседлого населения, выступила Г. Ф. Корзухина, много лет занимающаяся древностями I тыс. н. э. — начала II тыс. н. э. и в особенности кладами. Она справедливо указала, что «вопрос о неоседлом, кочевом населении ... должен быть решительно отброшен ... Как показывают многочисленные факты, кочевники никогда не зарывают кладов». По мнению Г. Ф. Корзухиной, «зарытие кладов производится, как правило, не в открытом поле, а подле жилья или близости от поселения. Находка клада, как правило, является признаком близкого обитания людей. Поэтому можно сказать, что топография кладов VI—VII вв. является топографией поселений VI—VII вв.». Далее Г. Ф. Корзухиной была высказана мысль, оказавшаяся, как мы увидим ниже, пророческой, что поселения, соответствующие «древностям антов-русов», еще будут найдены. То, что они пока не обнаружены, говорит лишь о том, что их обитатели «использовали условия местности как-то по-иному, чем население других периодов».¹⁰

⁹ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 134.

¹⁰ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 68.

Рассматривая состав кладов и других вещей третьей четверти I тыс. н. э., найденных в лесостепном Поднепровье, Г. Ф. Корзухина совершенно справедливо отметила, что их ассортимент отнюдь не был свойствен в то время кочевническому населению: «В степных погребениях ни разу не было найдено ни одной фибулы — ни пальчатой, ни антропоморфной, в то время как в лесостепных кладах эта деталь костюма встречается наиболее часто. В степи нет также типичных для кладов Среднего Поднепровья сережек (височных колец, — П. Т.), полых браслетов и многих других предметов личного убора оседлого лесостепного населения».

Клады зарывались обычно в минуту опасности. На границе со степью в третьей четверти I тыс. н. э. таких минут было более чем достаточно. Уточняя датировку ряда кладов, Г. Ф. Корзухина полагает, что многие из них были зарыты в землю в самом начале VIII в., когда хазары стали проявлять «активность в отношении славянских племен». Ближе всего к хазарам были племена восточнославянского юго-востока; значительная часть кладов — это «результат» хазарского нашествия. Впрочем, вопрос об этнической принадлежности владельцев кладов с пальчатыми фибулами Г. Ф. Корзухина в этой работе не считала до конца решенным.¹¹

Таким образом, гипотеза Б. А. Рыбакова, ее центральная часть, получила весьма квалифицированную поддержку. Лишь по одному вопросу Г. Ф. Корзухина решительно и правильно не согласилась с Б. А. Рыбаковым. Она отметила, что люди, оставившие после себя «древности антов-русов», и предшествующее им население черняховской культуры были чуждыми друг другу. Эта точка зрения, согласно которой жизнь «черняховцев» в Среднем Поднепровье прекратилась в IV—V вв. и последующее население не было с ними связано, тогда, в 50-х годах, стала завоевывать все больше и больше последователей. Теперь она господствует в нашей археологической литературе. Против этих взглядов последовательно и упорно выступает, пожалуй, лишь один М. Ю. Брайчевский.¹²

Здесь нет необходимости упоминать других участников дискуссии о среднеднепровских древностях третьей четверти I тыс. н. э., которая к тому же имеет сейчас лишь историографический интерес. В течение 50—60-х годов «археологическая обстановка» в Среднем Поднепровье коренным образом изменилась к лучшему. При этом выяснилось, что «древности русов» отнюдь не случайны и не безродны. Повсюду, и в Левобережье, и в Правобережье, им соответствуют остатки многочисленных поселений, а также мо-

¹¹ Там же, стр. 71—72, 79 и 81.

¹² М. Ю. Брайчевский. О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян. КСИАНУ, в. 6, 1956; М. Ю. Брайчевський. 1) Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964; 2) Походження русі. Київ, 1968.

гильники с трупосожжением, известные пока что лишь в нескольких пунктах. По всем основным признакам эти древности являются славянскими. Они принадлежали, очевидно, летописным полянам — первоначальным обитателям «поля» на левом берегу Днепра. Ниже речь пойдет о том, что северяне, возможно, появились в лесостепном Левобережье несколько позже, в VIII в. Южнее полян хозяевами «древностей русов» являлись уличи, жившие тогда ниже по Днепру вплоть до Надпорожья, а также бужане — обитатели верховьев Южного Буга, примыкавших к правому берегу Днепра.

2

Вопрос о владельцах «древностей русов» начал мало-помалу разъясняться после раскопок М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище. В 1949 г. местными жителями при сельскохозяйственных работах там был найден богатый клад серебряных украшений, состоящий из пластинчатых фибул, разнообразных височных колец, браслетов с полыми гранеными расширяющимися концами и круглых медальонов. Кроме того, в составе клада имелось несколько десятков разнообразных бусин. Вещи Пастырского клада, если говорить об их времени, составляют целостный комплекс, относящийся к VIII в., скорее всего к первой его половине.¹³

Находка клада, сделанная при полевых работах в северо-западной части городища, послужила поводом для проведения на Пастырском городище новых археологических исследований. До этого времени в течение многих лет судьбу городища лишь оплакивали, считая, что оно безнадежно испорчено как охарактеризованными выше раскопками В. В. Хвойки, так и особенно в последующее время, когда на городище возник большой поселок.

Такое ставшее традиционным представление о Пастырском городище оказалось к счастью ошибочным. Раскопки, произведенные М. Ю. Брайчевским в разных частях городища, показали, что культурный слой VII—VIII вв. уничтожен лишь сверху. Его нижние горизонты во многих местах хорошо сохранились. Они прикрывают основания построек: очень пострадавших наземных и полностью сохранившихся полуземлянок. Места наземных построек угадываются по скоплениям обожженной глины от разрушившихся печей и по концентрации культурных остатков: обломков керамики, костей и др. Основания полуземлянок представляют собой прямоугольные ямы размером в среднем 3×3 м, глубиной ниже древней поверхности приблизительно на 0.5 м. По углам землянок обнаружены ямы от столбов; такие ямы нахо-

¹³ М. Ю. Брайчевський. Пастырський скарб 1949 р. Археологія, т. VII, 1952.

дились и посередине у боковых стен. У задней стены в правом углу располагались остатки печи. В землянках найдена глиняная посуда: грубая лепная, а также сделанная на гончарном круге, напоминающая салтово-маяцкую. Были и другие находки вещей VII—VIII вв. Два характерных височных кольца пастырского типа найдены в развале печи, что надежно связывает исследованное жилище с «древностями антов-русов». Многие жилища погибли от пожара. Вероятно, он сопутствовал военному разгрому, после которого жизнь на поселении никогда уже не возобновлялась.

По форме, размерам, расположению печи и другим признакам полуземлянки Пастырского городища не отличаются от жилищ, хорошо известных по раннесредневековым славянским поселениям в нашей стране и за рубежом. Грубая лепная керамика из Пастырского городища также может считаться славянской. Но посуда с лощеной поверхностью, сделанная на гончарном круге, славянской не является. Мнение М. Ю. Брайчевского, считавшего ее позднечерняховской, не имеет под собой серьезных оснований. Она напоминает салтово-маяцкую, распространенную в третьей четверти I тыс. н. э. в среде кочевого населения восточноевропейских степей, прежде всего северокавказских сармато-аланских племен.¹⁴

Таким образом, новые исследования на Пастырском городище дали дополнительные и очень яркие материалы, свидетельствующие о том, что на городище в VII—VIII вв. жили славяне. Но окончательного вопроса о составе населения раскопки не решили, оставив некоторую лазейку для всякого рода сомнений. Здесь имеется в виду наличие на городище не только славянской, но и чуждой славянам керамики.

Вместе с тем раскопки подтвердили высказывавшуюся неоднократно мысль о Пастырском городище как поселении специфического характера, жители которого занимались не только сельским хозяйством, но и ремеслом: гончарным, кузнечным и ювелирным. Об этом убедительно свидетельствовали материалы В. В. Хвойки — не только разнообразные металлические изделия, но и инструменты для их изготовления. В своих предыдущих работах я не раз называл Пастырское городище «эмбрионом ремесленного города», и это, очевидно, справедливо. Ю. М. Брайчевским также были найдены многочисленные доказательства существования на городище металлургического и гончарного ремесла. Особый интерес представляют открытые в 1955 г. остатки сгоревшей кузницы со всем ее инвентарем, занимавшей одну из наземных построек.

¹⁴ М. Ю. Брайчевський. 1) Пастырський скарб 1949 р.; 2) Нові розкопки на Пастырському городищі. АП, т. V, 1957; М. Ю. Брайчевський. 1) Работы на Пастырском городище в 1949 г. КС, в. XXXVI, 1951; 2) Исследования Пастырского городища в 1955 г. КСИАНУ, в. 7, 1957.

Рядом с ней найдены развалины горна, служившего, по-видимому, для выплавки железа сыродутным способом.¹⁵

Такой специфический поселок, расположенный на границе со степным миром и ведущий, вероятно, широкую торговлю своими изделиями, вполне естественно мог состоять из смешанного, разноплеменного населения, а также изготавливать вещи, отвечающие вкусам разных потребителей. Для определения основного этнического лица городища было важно установить, что представляло собой массовое окрестное население — обитатели окружавших Пастырское городище сельских поселений. И этот вопрос вскоре нашел свое разрешение. В бассейне Тясмина, на берегах Днепра и Роси, а также в прилегающем к этой части Среднего Поднепровья поречье Южного Буга было обнаружено множество остатков поселений VI—VIII вв., расположенных в низких местах, нередко на незначительных возвышениях в пойме или речных островах. Раскопки показали, что поселения состояли из жилищ-полуземлянок с печами в одном из углов. Их жители в более раннее время (VI—VII вв.) пользовались грубой лепной глиняной посудой; позже стала появляться керамика, изготовленная на гончарном круге. Остаткам поселений сопутствуют могильники с трупосожжениями. Форма жилищ, характер могильников, глиняная посуда и другие находки — все это не оставляет никаких сомнений в том, что здесь жили славяне, непосредственные деды и прадеды населения Среднего Поднепровья периода Киевской Руси.

Материалы раскопок этих поселений в значительной части опубликованы и уже получили широкую известность. Они являются наиболее существенным результатом исследований в области славяно-русской археологии, произведенных за последнюю половину века, большим вкладом в решение вопроса о началах Руси (рис. 8).

В районе Пастырского городища — на берегах Днепра, в низовьях Роси, в нижнем течении Тясмина, и в частности в пределах так называемой Русской Поляны, — сейчас известно около 30 поселений третьей четверти I тыс. н. э. Большинство из них было открыто во второй половине 50-х годов во время исследований в зоне затопления Кременчугской гидроэлектростанции. Тогда же в нескольких пунктах были произведены раскопки. Д. Т. Березовец исследовал остатки пяти поселений у с. Пеньковки, расположенных на возвышенностях в пойме Тясмина, в 7—8 км от его впадения в Днепр. В. П. Петров произвел раскопки в том же районе на древнем поселении у с. Стецовки, труднодоступном останце в заболоченной пойме Тясмина. От Пастырского городища эти поселения отстоят не более чем на 75 км;

¹⁵ А. Т. Браичевская. Кузница на Пастырском городище. КСИАНУ, в. 9, 1959.

еще ближе к нему находятся такие же поселения, известные на Тясмине в районе г. Смелы.¹⁶

На всех поселениях были открыты основания углубленных в землю прямоугольных в плане жилищ-полуземлянок и сделаны многочисленные и разнообразные находки остатков бытового инвентаря. Более ранняя группа поселений, датируемая VI—VII вв.,

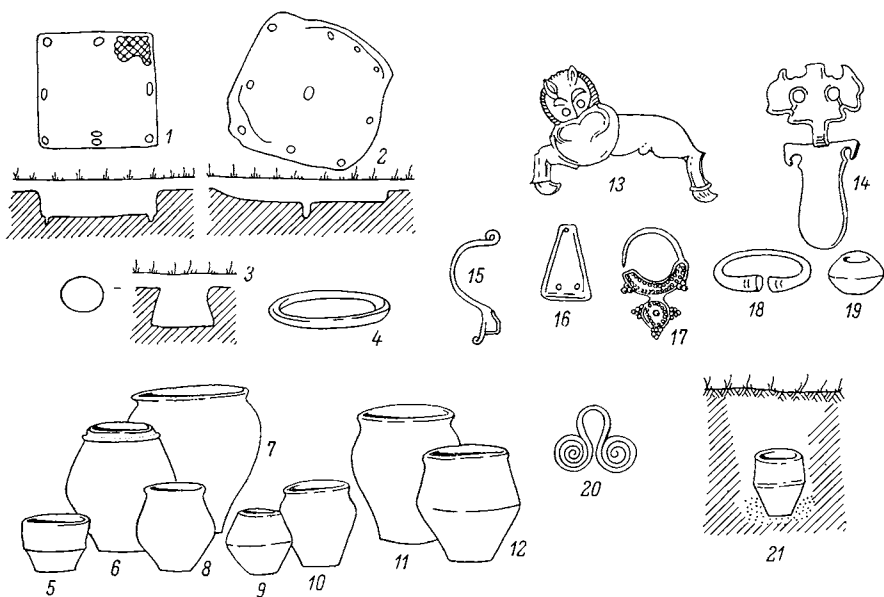

Рис. 8. Среднеднепровские и побужские древности VI—IX вв. н. э.

1, 2, 5—8, 16, 19—с. Пеньковка-Луг I; 3, 9—12, 17—с. Семенки; 4, 15—с. Пеньковка-Луг II; 13—с. Мытковский; 14—с. Пеньковка-Модочаря; 18—с. Большие Будки; 20—Суджанский клад; 21—Артоховский мог.

дала глиняную посуду, сделанную от руки. Особенно характерными являются сосуды реберчатой биконической формы, иногда снабженные валиком под венчиком. Среди находок металлических изделий ранней группы имеются серебряная зооморфная фибула и трапециевидная подвеска, известные по «древностям антов-русов». Поселения более поздние могут быть датированы VII—VIII вв. и, возможно, началом IX в. Посуда, сделанная от руки, утратила в это время свою былую реберчатость; ее формы—обычные горшковидные.

¹⁶ Д. Т. Березовец. Поселения улицей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963; В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. МИА, № 108, 1963; Н. В. Линка и А. М. Шовкопляс. Раннеславянские поселения на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963.

Среди керамики встречается некоторое количество обломков сосудов, сделанных на гончарном круге. Они близки салтово-маяцким. Такая керамика, как указано, имеется на Пастырском городище.

В 1961 г. в районе нижнего течения Тясмина был обнаружен могильник с трупосожжениями в глиняных урнах, сделанных преимущественно вручную.¹⁷

В низовьях р. Роси и по берегам Днепра около устья этой реки также известно несколько остатков поселений, более ранних — VI—VII вв. — и более поздних, непосредственно сменяемых древнерусскими поселениями киевского периода. Такие же поселения имеются выше по Днепру, в частности на территории Киева и в его окрестностях. Их реберчатую керамику украинские археологи называют «керамикой киевского типа» (В. Н. Даниленко). В Киеве неоднократно были найдены и «древности русов»: антропоморфные и зооморфные фибулы, браслеты с расширенными концами и другие вещи VI—VIII вв.¹⁸

Большая группа мест поселений и могильников с трупосожжениями была обнаружена А. В. Бодянским, В. Н. Даниленко и другими исследователями на берегах порожистой части Днепра. Во всех случаях на поселениях были открыты такие же, как в других местах, основания жилищ-полуземлянок. Найдены несколько пальчатых фибул, браслет с расширяющимися концами, трапециевидная подвеска, поясные бляшки и пряжки, обычные для «древностей русов». Очень интересна треугольная ажурная фибула с эмалью, относящаяся, по-видимому, к тому же или несколько более раннему времени. Среди глиняной посуды, сделанной без помощи гончарного круга, бросается в глаза серия биконических реберчатых сосудов, иногда с валиком, опоясывающим сосуд чуть ниже венчика. Сосуды такой формы, как уже отмечено, характерны и для ранней группы тясминских поселений.¹⁹

Остатки славянских поселений с прямоугольными землянками и лепной керамикой, в том числе реберчатых форм, встречены и на Южном Буге, в его верхнем и среднем течении, т. е. к западу от Пастырского городища. Наряду с поселениями ранней группы (VI—VII вв.) там, как и в Поднепровье, имеются и более позд-

¹⁷ Д. Т. Березовец. Могильники уличів у долині р. Тясмину. В сб.: Слов'яно-руські старожитності, Київ, 1969.

¹⁸ Ю. В. Кухаренко. Раскопки у с. Сахновки. МИА, № 108, 1963; Г. Г. Мезенцева. Канівське поселення полян. Київ, 1965; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 92 и сл.

¹⁹ Сведения о находках А. В. Бодянского и В. Н. Даниленко приведены в кн.: Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине, стр. 192—199; Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции. КСИАНУ, в. 12, 1962; М. П. Кучера, В. С. Драчук. Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС. КСИАНУ, в. 12, 1962; А. Т. Брайчевская. Поселение у балки Яцвовой в Надпорожье. МИА, № 108, 1963.

ние — VII—VIII вв., на которых часть посуды сделана на круге. Все поселения расположены очень низко, на берегах, иногда на речных островах. В 1963 г. такие поселения были известны в 14 пунктах; сейчас, как сообщил П. И. Хавлюк, их число достигло полсотни.

На поселении, находящемся на о. Мытковском, при раскопках землянок были обнаружены бронзовые браслет с гранеными расширенными концами и бляха в виде фигурки льва, такого же точно типа, как вещи из известного Мартыновского клада VII в. — одной из наиболее ярких находок «древностей русов», сделанной в области нижнего течения р. Роси. На поселении у дер. Семенки найдены два характерных височных кольца. Одно из них является идентичным (может быть, изготовленным в той же литейной форме) височному кольцу из Пастырского городища. Как и на тясминских поселениях, в Побужье найдено некоторое количество керамики, сделанной на круге, с орнаментацией из прямых и волнистых линий, нанесенных по сырой глине чаще путем лощения.²⁰ Это та самая керамика, которая была найдена и на Пастырском городище. М. Ю. Брайчевский, а за ним и П. И. Хавлюк охарактеризовали ее как позднечерняховскую. Но это неправильно. Выше уже сказано, что такая посуда относится к кругу салтово-маяцкой культуры. Встречается она в Среднем Поднепровье и Побужье отнюдь не в самых ранних комплексах с биконической посудой, а в более поздних — конца VII—VIII в.

Славянская раннесредневековая культура с реберчатой биконической керамикой была распространена в Правобережье далеко не повсеместно, а лишь вдоль Днепра и на Южном Буге, левые притоки которого близко подходят к Днепру в пределах бассейнов Роси и Тясмина. К западу от поречья Среднего Днепра в третьей четверти I тыс. н. э. обитали другие славянские племена, отличавшиеся от днепровских по некоторым особенностям своей материальной культуры.

На правом притоке Днепра, р. Тетерева, в его верхнем течении, за последние годы велись раскопки нескольких славянских поселений, относящихся к третьей четверти I тыс. н. э. Большая их группа расположена в окрестностях с. Корчака, где еще в 20-х годах производил исследования С. С. Гамченко. Культура «типа Корчак», которой в настоящее время с большим успехом занимается И. П. Русанова, заметно отличается от синхроничных ей тясминской, надпорожской и побужской. Прежде всего бросается в глаза отсутствие на берегах Тетерева керамики биконических форм; здесь в VI—VIII вв. была распространена слабо профилированная посуда горшковидных профилей. Несмотря на то что

²⁰ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963.

в бассейне Тетерева произведены сравнительно большие раскопки — в нескольких пунктах были исследованы остатки многих десятков жилищ-землянок, там не было найдено ни вещей с эмалью, ни «древностей русов».²¹ Бесспорно, что культура земли древлян («культура Корчак») в третьей четверти I тыс. н. э. несколько отличалась от культуры среднеднепровских полян, уличей и северян — племенных групп, входивших в пределы древнейшей Русской земли. Древяне жили за границами этой земли. Как известно, их отношения с Русью были отнюдь не дружескими. Это были различные славянские группировки, и в свое время потребовалось пролить много крови, прежде чем древлянское население подчинилось власти русского Киева.

Если же мы сравним древлянские поселения третьей четверти I тыс. н. э. («культура Корчак») с синхроничными славянскими древностями западной части Полесья и бассейна Верхнего Днестра, то существенной разницы между ними не обнаружится. Поселения земли воляний (дулебов) по деталям своей материальной культуры, доступным для археологического исследования, составляют с «культурой Корчак» если не единую, то во всяком случае более или менее однородную группу. Об этом говорят материалы раскопок таких поселений, как Зимно на Западной Волинии, Рипнев I—III в верховьях Западного Буга, Незвиско на Верхнем Днестре и др.

Одно время казалось, что различие между приднепровскими древностями и древностями, находимыми в более западных областях, является хронологическим. Представлялось, что поселения VI—VII вв. с реберчатой керамикой еще будут найдены в земле древлян и воляний, что известные нам поселения с лепной керамикой относятся к VII—VIII вв. и их следует сравнивать не с ранней группой тясминских, надпорожских и южнобужских поселений, а с более поздней группой поднепровских поселений, уже не знающей реберчатых форм глиняной посуды.

Но в настоящее время, особенно после раскопок В. В. Аулиха в Зимно и В. Д. Барана в Рипневе, такое сомнение полностью отпало. В обоих пунктах имеются бесспорные славянские комплексы VI—VII вв., синхроничные ранней группе поднепровских поселений. Они смыкаются с синхроничными славянскими древностями «пражского типа», известными еще западнее, уже вне пределов Советского Союза. Реберчатой посуды в Зимно и Рипневе не встречено; ассортимент бронзовых изделий также отличается от поднепровского.²²

²¹ И. П. Русанова. 1) Поселение у с. Корчака на Тетереве. МИА, № 108, 1963; 2) Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4.

²² В. В. Аулих. 1) Материалы з верхнього горизонту городища біля с. Зимне. МДАПВ, в. 3, 1961; 2) Металеві пряжки і прикраси з верхнього горизонту городища в с. Зимне. МДАПВ, в. 4, 1962; 3) Славянское посе-

Таким образом, славянское население третьей четверти I тыс. н. э., расселившееся в пределах древнейшей Русской земли, по-видимому, составляло особую локальную группу. И не только потому, что для его культуры был характерен особый набор украшений — «древности русов»; она отличалась от более западной славянской раннесредневековой культуры и по такому, так сказать, «интимному», «домашнему» элементу, как лепная от руки керамика, имеющая реберчатые биконические формы, которую можно рассматривать в качестве надежного этнического признака. Такое различие в облике культуры было не особенно существенным и может быть названо «диалектным», так как не нарушало основных черт, характеризующих облик славянской раннесредневековой культуры в целом. Но для освещения вопросов «внутренней» истории и этногенеза славянства это различие является очень показательным. Оно свидетельствует о неодинаковом происхождении славянских группировок, заселивших некогда восточные и западные части украинской правобережной лесостепи.

3

После того как в области правого берега Среднего Днепра были найдены и исследованы места многочисленных славянских поселений третьей четверти I тыс. н. э. и когда выяснилось, что их обитатели представляли собой своеобразную группу, с которой, по-видимому, связываются «древности русов», а сама эта группа укладывается в границы правобережной части древнейшей Русской земли, на очередь встал вопрос о поисках таких же древностей в лесостепной части Левобережья. Если они обнаружатся и здесь, если и в Левобережье они впишутся в границы «Русской земли», если и здесь эти древности удастся связать с «древностями русов», вопрос о населении «Русской земли» можно будет считать решенным.

В работе «Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге», опубликованной весной 1966 г., мной была высказана уверенность, что в лесостепном Левобережье будут отысканы остатки славянских поселений третьей четверти I тыс. н. э., таких же, как правобережные, с реберчатой биконической керамикой, прямоугольными землянками и колоколовидными ямами-погребями. В связи с этим упоминалась, в частности, одна старая левобережная находка — погребение с сожжением и реберчатым сосудом, обнаруженное Н. Е. Макаренко в 1909 г. у с. Артюховки в верхнем течении р. Сулы. И уже через несколько месяцев после этого, летом

ление у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области. МИА, № 108, 1963; В. Д. Баран. Раннеславянские памятники на Западном Буге. SIA, XIII-2, 1965.

того же 1966 г., в разных частях лесостепного Левобережья были найдены остатки поселений с реберчатой биконической керамикой, относящиеся к третьей четверти I тыс. н. э., такие же точно, как правобережные.²³

Несколько таких поселений, как уже указано, было обнаружено в северной части древнейшей Русской земли, в бассейне среднего течения р. Десны ниже Новгорода-Северского. Поселения расположены на невысоких, смежных с поймой местах. На одном из них — на селище Левкин Бугор у с. Кудлаевки — в 1966 г. Э. А. Сымановичем были произведены небольшие раскопки, открывшие основания прямоугольных землянок. На другом поселении — около с. Форостовичи — такие же землянки были открыты Э. А. Сымановичем и автором этих строк в 1967 г. В этих местах вдоль правого берега Десны обнаружены остатки не менее 30 других таких же поселений, по времени «дороменских», относящихся к третьей четверти I тыс. н. э.

Ниже по течению Десны, недалеко от устья Сейма, остатки поселений третьей четверти I тыс. н. э. были найдены около с. Вишенки на правом берегу реки (на сниженных участках коренного берега). В 1967 г. здесь были обнаружены многочисленные характерные ямы-погребка колоколовидной формы, на дне которых находились обломки глиняных биконических сосудов.

Подобные же остатки поселений были найдены в 1966 г. В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным в низовьях Сейма и в верхнем течении Псла и Сулы. На одном из них, расположенном у с. Большие Будки в низовьях р. Терна, притока Сулы, помимо биконической керамики были найдены массивный бронзовый браслет VI—VII вв. и железное перекрестье меча. Пункт этот интересен тем, что он представляет собой городище, т. е. укрепленное поселение, расположенное на мысу высокого берега. В другом месте, на урочище Вишневое у с. Курган-Азак на берегу Псла, в 1967 г. О. В. Сухобоковым были произведены небольшие раскопки на селище с цилиндрико-коническими сосудами, такими же, как сосуд из с. Артюховки. По сообщению Ю. А. Липкина, селища и могильники середины и третьей четверти I тыс. н. э. найдены и исследованы им около г. Суджи (бассейн Псла) и вблизи Курска на Сейме. Более ранние из них характеризуются находками цилиндрико-конических сосудов. Одно из селищ обнаружено на месте находки известного Суджанскогоклада.

²³ П. Н. Третьяков. 1) Археологические обследования в Черниговской области. АО, 1966, 1967, стр. 238; 2) Исследования в Среднем Подесенье. АО, 1967, 1968, стр. 236; Э. А. Сыманович. Два раннесредневековых поселения на Чернигівщині. В сб.: Слов'яно-руські старожитності, Київ, 1969; В. А. Ильинская. 1) Разведка в Днепро-Левобережье. В сб.: Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг., Киев, 1967, стр. 197—200; 2) Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в днепровской левобережной лесостепи. В сб.: Славяне и Русь, М., 1968, стр. 55,

Таким образом, в области лесостепного Левобережья Днепра имеются многочисленные остатки поселений третьей четверти I тыс. н. э., принадлежащие славянскому населению, хозяевам «древностей русов». Их культура характеризуется теми же самыми особенностями, что и культура правобережного населения этого времени. То и другое население составляло единый массив обитателей древнейшей Русской земли, непосредственных предков среднеднепровского населения времени Киевской Руси.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

1

Славянская культура третьей четверти I тыс. н. э., памятники которой найдены в лесостепном Приднепровье в пределах древнейшей Русской земли, не имела ничего общего с местной культурой предыдущих столетий, известной по остаткам многочисленных поселений и могильникам черняховского типа. Как уже указывалось, в течение многих лет в советской археологии существовало мнение, восходящее к взглядам В. В. Хвойки и А. А. Спицына, что черняховская культура принадлежала предкам населения Киевской Руси. Предполагалось, что между этой культурой (III—IV, а может быть, и начала V в. н. э.) и древнерусской культурой IX—X и последующих веков имеется непосредственная генетическая связь, лишь отчасти нарушенная в период «великого переселения народов»: нашествия гуннов, движения славян на Балканы, нашествия тюркских племен. Некоторые археологи долго и упорно разыскивали позднечерняховские древности, которые могли бы заполнить лакуну между верхней хронологической границей известных черняховских древностей и нижней границей культуры Киевской Руси. Но поиски эти не порадили ничего, кроме ожесточенных споров.

По мнению других исследователей (и таких теперь явное большинство), между черняховскими племенами и древнерусским населением времени Киевской Руси не было генетических связей. Но кем являлись многочисленные черняховские племена, остается невыясненным. Говорят о скифском и фракийском их происхождении; существует мнение, что это были западнославянские группировки и германцы-готы.

Мне представляется (стр. 43—52), что черняховская культура — явление особого порядка, которое нельзя связывать с каким-либо одним определенным этносом. Она не была результатом творчества одной этнической группировки, а явилась прежде всего

порождением той сложной исторической обстановки, которая объединила в III—IV вв. разноязычное население Северо-Западного и Северного Причерноморья. Сложение черняховской культуры представляло собой не что иное, как первый шаг на пути консолидации обитавших здесь различных племен в народность. Но дальше первых шагов этот процесс не пошел, так как черняховская оседлость в результате гуннского вторжения была жестоко разгромлена. Процесс образования народности был прерван здесь в самом его зародыше.

Когда в области правого берега Днепра, а затем и левого были исследованы охарактеризованные выше славянские поселения VI—VIII вв., ошибочность мнения о черняховско-древнерусских генетических связях стала совершенно очевидной. Между культурой населения Среднего Поднепровья VI—VIII вв. и культурой Киевской Руси наблюдается непосредственная связь, иллюстрируемая многими элементами материальной культуры: тип жилища, категории украшений и др. И напротив, если сравнить черняховскую культуру с культурой VI—VIII вв., то ни один элемент не будет у них общим или хотя бы в какой-то мере близким.

Поселения черняховского времени были обычно весьма значительными: состояли из многих десятков, а нередко и сотен жилищ, располагались на открытых местах, по краю надпойменных террас или по берегам ручьев в глубине водоразделов, приблизительно так же, как располагаются современные села. Совсем в иных условиях обнаруживаются остатки поселений третьей четверти I тыс. н. э. Обычно люди этого времени селились на незначительных всхолмлениях в пределах речных пойм, нередко среди заболоченных местностей, реже по краю невысоких участков надпойменной террасы. В древности такие места были заняты непроходимыми чащами чернолесья. И, по-видимому, отнюдь не потребности хозяйства заставляли среднеднепровских славян в третьей четверти I тыс. н. э. жить в таких, казалось бы, необычных для земледельцев условиях. Причина была в другом — в необходимости обезопасить поселения от внезапных набегов кочевников. Традиция скрывать свои поселения среди лесов и болот была свойственна в VI—VIII вв. не только среднеднепровским, но и южным славянам. О ней хорошо знали современники — Иордан, Маврикий Стратег, Иоанн Эфесский. Но эта традиция, как мне представляется, могла зародиться лишь на севере, в лесной полосе.

В пределах территории распространения черняховской культуры на поселениях встречаются остатки жилищ разной формы и конструкции. Наиболее обычными, в частности для Среднего Поднепровья, были прямоугольные наземные постройки площадью 25—35 кв. м. Каркас таких домов возводился из дерева, а стены — из плетня или нетолстых бревен, обмазанных глиной. Иногда встречались двухкамерные постройки. Жилища славян

в третьей четверти I тыс. н. э. имели совсем другой характер. Это были, как уже указывалось, квадратные полуземлянки.

Существенные особенности отличают черняховскую и славянскую погребальную обрядность. Для первой был характерен ритуализм: наличие двух погребальных обрядов — трупосожжения и обычного захоронения, причем последний обряд занимал явно преобладающее положение. У среднеднепровских славян третьей четверти I тыс. н. э. практиковалось лишь сожжение умерших. Остатки сожжения — сгоревшие кости и пепел — помещались обычно в глиняную урну, которая закапывалась в землю на «погребальном поле».

Находки, сделанные при раскопках черняховских поселений и славянских поселений VI—VIII вв., тоже совсем не похожи друг на друга. Черняховская керамика выработывалась на гончарном круге; она отличалась разнообразием и богатством форм, а также нарядной орнаментацией. Отличное качество посуды, устойчивость основных форм и неоднократно найденные большие печи для обжига свидетельствуют о ремесленной организации черняховского керамического производства. Лишь незначительное количество сосудов лепилось от руки в домашних условиях. Что же касается глиняной посуды славянских поселений VI—VIII вв., то первоначально вся она лепилась вручную. Ее ассортимент и формы были совсем иными, чем у черняховской керамики. В более позднее время, где-то в VIII в., на славянских поселениях появилась в небольшом количестве посуда, изготовленная на круге. Но и она в массе была совсем другой, чем черняховская, напоминая салтовскую.

Различными были и другие черняховские и славянские изделия. И это объясняется не только их неодинаковым возрастом и различной исторической обстановкой, но прежде всего совсем иными культурно-историческими традициями.

Недавно В. П. Петровым была высказана мысль, что смена черняховской культуры славянской культурой третьей четверти I тыс. н. э. представляла собой не что иное, как частный случай той общей «варваризации», которая охватила большие пространства в Европе в период кризиса и падения Римской империи и связанного с этим «великого переселения народов». Приводя известное место из «Происхождения семьи, частной собственности и государства», где Ф. Энгельс характеризует плачевный конечный результат римского мирового владычества, В. П. Петров пишет, что «кризис, имевший место на рубеже позднеантичного времени и раннего средневековья, охватил не только территории, входившие в состав Римского государства, но и сказался на всех смежных областях за линией римского лимеса».²⁴ Правда,

²⁴ В. П. Петров. Про зміну археологічних культур на території УРСР у V ст. н. э. Археологія, т. XVIII, 1965, стр. 11—12.

В. П. Петров нигде прямо не утверждает, что раннесредневековые среднеднепровские славяне были прямыми предками «черняховцев». Середина I тыс. н. э., пишет он, была временем больших перемещений племен и глубоких перемен в этногенетическом процессе. Но вместе с тем он ничего не говорит и о смене населения в Среднем Поднепровье в середине I тыс. н. э., оставляя читателя в недоумении.

Мне представляется, что соображения, высказанные В. П. Петровым относительно изменения культуры в V в. н. э., нуждаются в серьезных коррективах. Прежде всего нельзя полностью согласиться с тем, что кризис, охвативший рабовладельческую империю, сказался и на соседних странах. Напротив, «варварские» племена — северные соседи римских провинций — в этот период заметно мужали, порывали со своим «варварством», готовились вступить в средневековье. Прекращение или ослабление экономических связей со странами империи лишило их многих эффективных импортных изделий. Но место последних в культуре было весьма незначительным. Они были наносным явлением, не затрагивающим основ производства, экономики и быта. Значительно большую роль в жизни племен, живших по периферии римских провинций, сыграло «великое переселение народов» — общее движение европейских племен с севера на юг и идущее поперек его с востока на запад движение кочевников, возглавленное сначала гуннами, затем аvaraми. Движения эти привели к большим этническим переменам в среде племен, живших по периферии римских провинций. Именно это и послужило основной причиной смены культуры в Среднем Поднепровье в середине I тыс. н. э.

Культуру населения Среднего Поднепровья третьей четверти I тыс. н. э. ни в какой мере нельзя рассматривать как результат «варваризации» черняховской культуры. Если бы такое явление действительно имело место, в новой культуре в той или иной форме неизбежно сказывались бы пережитки прошлого. Культура VI—VIII вв. в Среднем Поднепровье не имела никаких черняховских пережитков. Все ее слагаемые — расположение и облик селений, такой важный элемент культуры, как жилище, характер и формы керамики, погребальная обрядность — это отнюдь не результат «варваризации» черняховской культуры, а совершенно чуждые ей особенности. В отличие от черняховской культуры новой культуре была свойственна значительная самобытность, свидетельствующая о том, что она сложилась далеко за пределами влияния римского мира, вне контактов с ним. В Среднее Поднепровье эта культура несомненно была принесена извне. Сюда пришли новые племена.

Здесь может возникнуть, однако, законный вопрос: можно ли допустить, что черняховское население, занимавшее в III—IV вв. н. э. огромную область и оставившее после себя многие сотни археологических памятников, главным образом мест поселе-

ний, в короткий срок бесследно исчезло. Я думаю, что такая картина вряд ли отвечает реальной исторической действительности. Как бы не было опустошительным нашествие гуннов, оно не могло привести к тому, чтобы область, достигающая размеров современной Украины, полностью обезлюдела. Прежде всего это относится к окраинной северной лесостепной части черняховского ареала, а также к его западной прикарпатской периферии. Здесь неизбежно должны были сохраниться какие-то остатки черняховского населения. Поэтому, по моему мнению, в этих местах следует продолжать поиски позднечерняховских древностей, не смущаясь тем, что пока они не дали убедительных положительных результатов. Следы их несомненно будут найдены, и только тогда можно будет всесторонне охарактеризовать историческую обстановку, сложившуюся в Среднем Поднепровье в середине и третьей четверти I тыс. н. э., и связанные с ней этногенетические процессы. Черняховское население (его остатки) нельзя полностью и безоговорочно исключать из состава того субстрата, который получили славяне, расселившиеся в Среднем Поднепровье в третьей четверти I тыс. н. э.

2

Археологические исследования последних лет, произведенные в Верхнем Поднепровье, позволили, как мне представляется, определить ту область, откуда в середине I тыс. н. э. пришли в Среднее Поднепровье славянские племена — поляне, северяне, уличи, те племена, которые заселили в Среднем Поднепровье область, ставшую вскоре древнейшей Русской землей.

Выше уже шла речь о том, что специфической особенностью славянской культуры VI—VII вв. в Среднем Поднепровье, выявленной по археологическим данным, была глиняная посуда реберчатых биконических форм. Она лепилась от руки, являлась продуктом домашнего производства и поэтому может рассматриваться в качестве надежного этнического признака. Раннесредневековые славянские древности Волыни и Полесья, т. е. земли древлян и волянян, живших за рубежами древнейшей Русской земли, керамики такого типа не знали. Нет ее и западнее, в области бассейна Днестра. На территории Польши и Чехословакии славянская культура середины и третьей четверти I тыс. н. э. характеризуется преимущественно посудой так называемого пражского типа, совсем непохожей на среднеднепровскую. Некоторые другие формы раннесредневековой славянской керамики на территории Польши также не могут быть сближены с биконической среднеднепровской посудой.

Единственной областью, где возможно искать истоки реберчатых биконических форм среднеднепровской керамики VI—

VII вв., являются южные и восточные части Верхнего Поднепровья. Там на берегах Днепра, Десны и их притоков известно несколько десятков мест поселений второй и третьей четверти I тыс. н. э., речь о которых шла в предыдущем очерке. Они близки среднеднепровским поселениям VI—VII вв. не только формами своей глиняной посуды, но и всеми другими признаками, отмеченными при археологических исследованиях. Поселения эти были сравнительно небольшими; как правило, они располагались низко — на незначительных всхолмлениях в пределах поймы или на краю сниженных участков надпойменной террасы. Единственной формой жилищ, отмеченной во многих пунктах, были прямоугольные полуземлянки, точно такие же, как охарактеризованные выше тясминские, надпорожские или исследованные на Южном Буге. Уже в ряде случаев вблизи селений были найдены могильники с трупосожжениями. Эти древности, их более поздняя группа (VII—VIII вв.), по сути дела ничем не отличаются от синхроничных им тясминских, надпорожских, побужских и только что ставших известными лесостепных левобережных поселений.

Но если в Среднем Поднепровье наиболее ранние из интересующих нас древностей относятся к VI—VII вв., если можно лишь предполагать, что будут найдены древности V в., синхроничные наиболее ранним «древностям русов», то в Верхнем Поднепровье древности этого рода относятся не только к третьей четверти, но и к середине и второй четверти I тыс. Последние генетически связываются с поздnezарубинецкими (стр. 54—60). Очевидно, после того как на Среднем Днестре рухнула черняховская оседлость, славянское население, обитавшее в Верхнем Поднепровье, стало расширять свою территорию в южном направлении, продвинувшись в область, которую занимали некогда его далекие зарубинецкие предки.

Недавно И. П. Русанова, говоря о поднепровской раннесредневековой керамике, отделила верхнеднепровские материалы от среднеднепровских, представила их как две самостоятельные, не связанные между собой группы и, следовательно, не согласилась с высказанной мной мыслью о приходе среднеднепровского населения VI—VIII вв. с севера. Ее аргументацию принять нельзя. Дело в том, что И. П. Русанова сравнивала разновременный материал: взятую суммарно верхнеднепровскую керамику середины и третьей четверти I тыс. н. э. (IV—VIII вв.) и среднеднепровскую керамику VII—VIII (VI—VIII?) вв. Естественно, обнаружилось различие: на Среднем Днестре не оказалось ранних реберчатых форм, восходящих к верхнеднепровским поздnezарубинецким прототипам. Если бы И. П. Русанова сравнивала материалы синхроничные, то было бы ясно, что они очень близки друг другу, что на Верхнем и Среднем Днестре в VII—VIII вв. преобладали в основных чертах одинаковые округло-биконические

формы сосудов. Ошибкой И. П. Русановой является стремление делать выводы на основании одного элемента культуры — керамики, оставляя без внимания другие культурные элементы, нередко более существенные. В результате в рамки верхнеднепровской группы древностей у И. П. Русановой вошла керамика как славянских поселений, так и поселений восточных балтов, заимствовавших у соседей-славян некоторые элементы культуры, в частности формы их сосудов.²⁵

Мне уже приходилось указывать, что доказательства северного происхождения обитателей среднеднепровских (тясминских, надпорожских, верхнебужских, киевских, лесостепных левобережных) поселений VI—VIII вв. не ограничиваются сходством форм их поселений, жилищ, керамики и погребальной обрядности с соответствующими особенностями культуры населения южных частей Верхнего Поднепровья и бассейна Десны. Продвинувшись на юг, это население принесло с собой в Среднее Поднепровье такой северный, по происхождению балтийский, элемент культуры, как украшения геометрического стиля, инкрустированные цветной эмалью.

Таковыми же северными элементами, идущими от тех же верхнеднепровских балтов, являются, по-видимому, круглые святилища, обнаруженные при раскопках в низовьях р. Тясмина: в Пеньковке и Стецовке. Можно думать, что поляне, северяне и уличи, занявшие после середины I тыс. н. э. Среднее Поднепровье, имели в своем составе не только «исконных» славян — потомков зарубинецкого населения, но и смешавшихся с ними уже ассимилированных к тому времени верхнеднепровских балтов.²⁶

Выше было приведено мнение Б. А. Рыбакова, считавшего, что вещи с эмалью, найденные в Киевском Поднепровье, принадлежали полянам, тесно связанным «с землями радимичей, вятичей, кривичей и литвы». В свете всего сказанного я полагаю, что ареал вещей с эмалью в Среднем Поднепровье охватывает не столько земли полян, сколько область, занятую славянскими племенами из Верхнего Поднепровья и Подесенья на первом этапе их движения на Средний Днепр. Это было в середине I тыс. н. э., еще до того времени, когда новые поселенцы Среднего Поднепровья установили контакты с Югом и когда в их среде распространились новые формы предметов убора и украшений — «древности русов». Территории отдельных «племен» — полян, северян, уличей — также установились, по-видимому, лишь в последующее время: в рамках третьей четверти I тыс. н. э.

²⁵ И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. В сб.: Славяне и Русь, М., 1968, стр. 143 и сл.

²⁶ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 271—272.

Но почему же на территории полян, на Киевщине, «древности антов-русов» найдены сравнительно в небольшом количестве? Их значительно больше на восточной и южной окраинах славянского расселения. Отсюда Б. А. Рыбаковым был сделан вывод, что «древности русов» не имели широкого распространения в полянской среде.

Сравнительно небольшое количество этих находок в земле полян и вообще на севере древнейшей Русской земли является, однако, вполне понятным. Дело в том, что поляне обитали в глубине новых славянских земель в Среднем Поднепровье, а не на южных и восточных окраинах, которые первыми принимали на себя удары кочевников. Здесь, на окраинах, население зарывало свои ценности в землю и теряло их. Если бы Пастырское поселение не подверглось в начале VIII в. сокрушительному разгрому, на его месте не сохранились бы те многочисленные предметы, которые составляют ныне наиболее значительное собрание «древностей русов». Поляне с их «градом» Киевом жили в более спокойной обстановке, за спиной у северян и уличей, а также предполагаемых русов. Вероятно, именно поэтому город полян — Киев стал центром среднеднепровских славян и их древнейшей Русской земли. Он находился в более безопасном месте, чем «эмбрион города» — Пастырское городище или Родня, Пересечень и другие окраинные пункты, игравшие большую роль в третьей четверти I тыс. н. э., но утратившие ее где-то в начале VIII в., вероятно, в связи с хазарской экспансией.

Мои оппоненты считают, что в обрисованной выше концепции имеется одно слабое место, а именно то, что поселения третьей четверти I тыс. н. э. с прямоугольными землянками и реберчатой глиняной посудой находятся не только в границах древнейшей Русской земли, но и севернее их, а также кое-где южнее и юго-западнее.

Но это обстоятельство ни в какой мере не противоречит всему сказанному выше. «Русская земля» — древнейшее государство днепровских славян — отнюдь не объединяло всех потомков зарубинецких племен, употреблявших реберчатую керамику. Это было не этническое, а политическое образование, включавшее в свои границы то население, которое пришло в Среднее Поднепровье, а также его родичей, живших в южных частях левого берега Верхнего Днепра.

Северные группы потомков зарубинецких племен в состав «Русской земли» не входили.

Некоторые группировки днепровского населения двинулись и дальше на юг, за пределы «Русской земли», где они стали известны под именем антов. Но, кажется, основные группировки антов создавались не столько за счет подднепровского, сколько за счет более западного — волинского и поднепровского славянского населения. Этот вопрос еще предстоит исследовать.

Следующим вопросом, который необходимо осветить, говоря о славянских группировках, обитавших в пределах древнейшей Русской земли, является вопрос о происхождении населения конца VIII—X в., оставившего в Левобережье городища роменско-боршевского типа.

Если в третьей четверти I тыс. н. э. в границах древнейшей Русской земли на Правобережье и Левобережье культура была однородной, характеризующейся одними и теми же особенностями, принесенными сюда из Верхнего Поднепровья, то позднее — в конце VIII—X в. — в культуре славянского населения противоположных берегов Днепра возникли некоторые различия. Они были совсем незначительными и затрагивали отнюдь не основные черты культуры. Тем не менее их нельзя обойти молчанием.

Наиболее отчетливо эти различия выразились в керамике — в формах и характере глиняной посуды, которая изготовлялась от руки в домашних условиях и может рассматриваться поэтому в качестве надежного «этнографического» признака. На Правобережье — в низовьях Роси и Тясмина, в Надпорожье, в поречье Южного Буга — древние реберчатые формы сосудов к исходу третьей четверти I тыс. н. э. мало-помалу сменились обычными горшковидными, которые вскоре были вытеснены сделанной на гончарном круге посудой ремесленной выработки. На Левобережье реберчатые формы сосудов в это время также исчезли. Для славянских древностей конца VIII—X в. здесь характерна лепная посуда особых форм, нередко орнаментированная по плечикам несложными геометрическими узорами из отпечатков гребенчатого штампа или «перевитой веревки». Эта глиняная посуда, заметно отличающаяся как от более древней — реберчатой, так и от сихроничной ей правобережной, называется археологами роменской по имени Роменского городища, где в начале нашего века она впервые была найдена Н. Е. Макаренко, или роменско-боршевской. Боршевское городище на Верхнем Дону исследовано в 1928—1929 гг. П. П. Ефименко.

Глиняная посуда — это не единственная особенность, отличающая роменско-боршевские поселения от более ранних. Если поселения третьей четверти I тыс. н. э. в пределах древнейшей Русской земли были преимущественно неукрепленными, расположенными на низких местах, то роменско-боршевские поселения обычно располагались на отрогах высоких и крутых речных берегов и обносились валами и рвами.

Создается впечатление, что на правом берегу Днепра в последние века I тыс. н. э. славянская культура преемственно эволюционировала, тогда как на Левобережье в это время появились

новые элементы — роменско-боршевские, нарушившие плавный ход эволюции.

Выше речь уже шла о том, что до недавнего времени роменско-боршевские городища обычно рассматривались как древнейшие остатки славянской культуры в лесостепном Левобережье. Предполагалось, что население, соорудившее эти городища, пришло сюда в конце VIII в. н. э. с правого берега Днепра. Но это предположение являлось чисто априорным; оно ничем не было аргументировано. Особенности культуры роменско-боршевских городищ, отличающие их от правобережных древностей того же времени, не были объяснены.

Между тем специфические особенности культуры роменско-боршевских городищ, неизвестные ни в Правобережье, ни в каких-либо других областях славянского раннесредневекового мира, очень характерны. Они говорят отнюдь не о правобережном происхождении их обитателей. Эти особенности сложились в славянской среде на северо-восточных рубежах Верхнего Поднепровья в обстановке тесных контактов с культурными традициями восточных балтийских группировок.

Известно, что область поселений роменско-боршевского типа охватывала не только лесостепное Левобережье, доходя на востоке до Северского Донца, но и более северные области — бассейн Десны, поречье Верхней Оки и верховья Дона. Согласно традиционным представлениям, роменско-боршевские поселения в этих местностях должны были появиться позднее, чем в лесостепной полосе, а движение славян в области Поднепровья в указанные века шло с юга на север. Однако это не так: движение восточных славян в Левобережье Среднего Днепра шло тогда с севера на юг. Именно на севере находились истоки всех специфических особенностей роменско-боршевской культуры: отсюда они были принесены в VIII—IX вв. в лесостепное Левобережье, на Донец, Дон и Тамань.

Еще в 30-х годах, после раскопок Боршевского и других городищ Верхнего Подонья, можно было предполагать, что жившие на них люди пришли в VIII—IX вв. с севера, из области Верхней Оки, от вятичей. На это указывали погребальные сооружения, обнаруженные в курганах около Боршевского и других городищ, варианты которых были представлены в области Верхнеокского бассейна начиная со второй четверти I тыс. н. э. в древностях мощинского типа. Речь идет о курганах с деревянными оградями и ящиками-домовинами, куда помещались остатки трупопожжений, уже упомянутых при описании древностей вятичей и северян (стр. 66). Позднее, в начале 50-х годов, когда подобные же погребальные сооружения были обнаружены в роменско-боршевских курганах на Десне и кое-где южнее, автору этих строк стало очевидно, что в VIII—IX вв. население из Верхнего

Поочья и смежных местностей двигалось не только на Дон, но и в лесостепное Левобережье Днепра.²⁷

В последнее время в руках археологов сосредоточился значительный материал, доказывающий, что роменско-боршевская керамика с ее специфической орнаментацией — этот наиболее характерный элемент роменско-боршевской культуры — имела на севере не менее длительную историю, чем упомянутые выше погребальные сооружения. Истоки роменско-боршевской орнаментации следует искать в тех же древностях мощинского типа и синхронных им древностях западной части Волго-Окского междуречья.

Еще в конце XIX—начале XX в. такая ранняя керамика была встречена Н. И. Булычевым и другими исследователями в мощинских слоях на городищах Верхней Оки. Но она не была отделена тогда от раннесредневековой. В 30-х годах керамика с аналогичной орнаментацией была встречена в небольшом количестве на городищах и селищах Верхнего Поволжья в слоях второй четверти и середины I тыс. н. э. — на селище Красный Холм, на Пекуновском и других городищах. Наконец, в последние десятилетия глиняная посуда, орнаментированная в верхней части геометрическими узорами из отпечатков гребенчатого штампа или «перевитой веревки», была найдена в большом количестве на десятках городищ в области верхнего течения Москвы-реки, таких, как Троицкое и Барвихинское. Она датируется второй четвертью и серединой I тыс. н. э. И. Г. Розенфельд, исследовавшая керамику Троицкого городища, отметила «наличие узоров, известных по посуде роменского типа». Такая же глиняная посуда, но теперь уже датированная ранним временем, происходит из последних исследований на мощинских городищах бассейна Верхней Оки.²⁸

Древности, о керамике которых идет речь, оставлены наиболее восточными группировками днепровских балтов. Выше было указано, что в начале нашей эры в результате продвижения в Верхнее Поднепровье раннеславянских зарубинецких племен часть балтов отошла на северо-восток. Днепровские и деснинские балтийские племена появились в пределах Верхнеокского бассейна, вышли на Верхнюю Волгу и в верховья Москвы-реки

²⁷ П. Н. Третьяков. 1) Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 40, 47—53; 2) Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 256—260 и др.

²⁸ П. Н. Третьяков. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг. ИГАИМК, в. 109, 1935, стр. 118—119; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 131; И. Г. Розенфельд. Посуда Троицкого городища. СА, 1965, № 1, стр. 191; Г. П. Латышева и И. Г. Розенфельд. Раскопки Барвихинского городища. КС, в. 102, 1964. Следует напомнить, что в 30-х годах В. П. Левенок пытался «выводить» роменско-боршевскую керамику из позднеюхановской. Тогда его соображения были отвергнуты, так как между теми и другими древностями зиял большой хронологический разрыв. Теперь промежуточное звено найдено.

(стр. 41). В их среде зародилась и распространилась орнаментация, унаследованная впоследствии славяно-русским населением Северо-Восточного Поднепровья. Как уже указывалось, это население имело мощный балтийский субстрат.

Керамика с указанной орнаментацией распространилась в конце I тыс. н. э. также и у некоторых группировок населения Северо-Западного Поднепровья, о чем свидетельствуют ее находки в длинных курганах Смоленщины, которые в массе несомненно старше роменско-боршевских древностей.²⁹ Эта керамика соответствует роменско-боршевской не только по орнаментации, но и по форме. К населению, оставившему длинные курганы, она попала не от роменцев, наоборот, предки роменцев — северная группа потомков зарубинецкого населения — заимствовали эту керамику от своих местных соседей и лишь затем, в конце VIII—IX в., принесли ее в лесостепное Левобережье Днепра. Это и были северяне (если только этот этноним связан с названием страны света).

Таким образом, выясняется, что движение славянского населения из Верхнего Поднепровья на Средний Днепр в область плодородных земель, начавшееся после середины I тыс. н. э., в области Левобережья продолжалось и в конце I тыс. — в VIII—IX вв. В это время на юг устремились выходцы из отдаленных северо-восточных местностей Поднепровья и из бассейна Верхней Оки. Они смешались со славянским населением, пришедшим в лесостепное Левобережье в третьей четверти I тыс. н. э., продвинулись еще дальше к югу, опоясывая юго-восточную периферию славянских поселений своими городищами.

Именно этим объясняется известная неоднородность населения лесостепного Левобережья в роменско-боршевское время и в последующие XI—XII вв. Так, вариант роменско-боршевских древностей, известный под наименованием вольтынецкого, принадлежал, вероятно, потомкам ранних поселенцев. Они долго сохраняли свою древнюю погребальную обрядность — после кремации хоронили останки своих умерших на погребальную «поле», тогда как выходцы с севера в VIII—IX вв. принесли с собой курганный обряд. В XI—XII вв. древности северян разделялись не менее чем на три локальные группы, на что уже давно обращал внимание Б. А. Рыбаков.³⁰ И это объяснялось не только перемещениями населения при Владимире и Ярославе Мудром, но и более ранними обстоятельствами, относящимися к истории древнейшей Русской земли и самым началом Киевского государства.

²⁹ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 184—187; П. Н. Третьяков. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки. СА, 1969, № 3.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Радзімчы. Працы Археалягічнай камісіі Беларускай Акад. навук, III, Менск, 1931, стр. 139.

В конце предыдущего очерка речь шла о том, что в области Верхнего Поднепровья потомки славянского зарубинецкого населения и местных балтов образovali известные по летописи группировки: кривичей, словен новгородских, вятичей и, вероятно, радимичей. Это были не первобытные племена, как нередко считают, не древние образования, связанные общностью происхождения, а политические территориальные объединения, по словам летописца, имевшие свои «княженья». Эти группировки возникли на рубеже первобытного и классового обществ. Их иногда называют «полугосударствами», и с этим можно согласиться.

В этническом отношении, особенно в первое время, они были пестрыми, так как кроме господствующего славянского компонента, возможно неодинакового, — потомков зарубинецкого населения и более западных славянских групп — включали в свой состав ассимилируемое восточнобалтийское население, также неодинаковое, принадлежавшее к различным локальным группировкам. Кривичей, вятичей, радимичей и других правильнее было бы называть не восточнославянскими, а древнерусскими группировками, складывающимися небольшими народностями. Это подтверждается тем, что в третьей четверти I тыс. н. э. и позднее они приобрели свои этнографические особенности, свидетельствующие о консолидации входящих в их состав элементов. Сюда относятся особенности убора одежды, различие в погребальной обрядности и т. д., позволяющие археологам отличать эти группировки одна от другой. Были у них, конечно, и другие особенности, не получившие отражения в археологических данных, прежде всего особенности в области языка.

Такие же точно группировки составило славянское население, продвинувшееся некогда из Верхнего Поднепровья на Средний Днепр. Это были поляне, северяне, уличи и, может быть, бужане. Их политическая история в третьей четверти I тыс. н. э. сделала шаг вперед по сравнению с историей северных группировок: они были объединены в единый союз в границах «Русской земли», земли русов.

Кем же были древние русы, давшие свое имя «Русской земле» — главному ядру государственности днепровских славян? Следует ли принять мнение Б. А. Рыбакова, рассматривающего русов в качестве одной из группировок днепровских славян, якобы обитавшей в третьей четверти I тыс. н. э. по р. Роси между полянами и уличами, или есть основание присоединиться к какому-либо иному решению вопроса?

Первое, на что необходимо обратить внимание, — это существенное лексическое отличие наименования «рос»-«рус» от древней этнонимии славянского мира — западной, южной и восточной — и то, что русская летопись ни разу не поставила росов-русов

в один ряд с восточнославянскими группировками — древлянами, полянами, вятичами, радимичами и др.

Во-вторых, представляется бесспорным, что этот этноним был известен в Среднем Поднепровье или на его периферии еще задолго до прихода туда из Верхнего Поднепровья полян, северян и уличей. Данное обстоятельство ограничивает вопрос о росах-русах территориальными рамками южных областей Поднепровья и еще более отделяет росов-русов от летописных славянских группировок.

Исследователи Древней Руси, стоящие на позициях южного происхождения росов-русов, неоднократно указывали, что данный этноним, так непохожий на славянские наименования, напоминает этнонимы сарматского мира. Еще М. В. Ломоносов связывал росов-русов с сарматскими племенами первой половины I тыс. н. э. — роксоланами (рокосами, аорсами). Так поступали и некоторые историки XIX в., например Д. И. Иловайский.

В IV в. среди восточноевропейских племен, подвластных готской «державе» Гермонариха, были какие-то росомоны, возможно связанные с роксоланами. В конце IV в., когда на готов обрушились гунны, «вероломные» росомоны, по данным Иордана, выступили против Гермонариха. Вероятно, росомоны жили где-то на востоке готских владений, т. е. в Нижнем или Среднем Поднепровье. Как и другие северопричерноморские племена этого времени, они были, очевидно, носителями черняховской культуры. С этой же областью, скорее всего с Левобережьем Днепра, связывается известие сирийского автора псевдо-Захария о могучих людях рос (hros), относящееся к середине VI в. Росомоны и рос, по мнению исследователей, — племена, связанные друг с другом и с раннесредневековыми русами, давшими свое имя древнейшей Русской земле.

Говоря о возможной связи древних русов с сарматским миром, историки уже не раз отмечали, что сарматским по происхождению является известный «знак Рюриковичей» — тамга киевских князей, который представлен и на «древностях русов» третьей четверти I тыс. н. э. Этот знак имеет длительную историю в Северном Причерноморье, и что особенно интересно, не в западной, а в восточной, сарматской его части. Можно указать, например, знаки этой схемы, принадлежавшие аспургианам — сарматским правителям Боспорского царства, в частности знаки Совромата II. Знаки этой же схемы имелись в I тыс. н. э. в Средней Азии, где они точно так же связываются с иранцами-сарматами.

Но нет ли в Среднем Поднепровье или вблизи него каких-либо археологических памятников — остатков поселений и могильников, синхроничных древностям полян, северян и уличей третьей четверти I тыс. н. э., которые можно было связать с загадочными русами? Как будто бы такая группа памятников имеется. Кроме

охарактеризованных выше славянских древностей она является здесь единственной, что заставляет обратить на нее особое внимание. Эти древности, очень немногочисленные, как своеобразная группа еще очень мало исследованы. Во многом они, как и вопрос о гробах-росах, представляют загадку.

Речь идет о нескольких погребениях с трупосожжениями третьей четверти I тыс. н. э., по деталям обряда и по составу погребального инвентаря отличающихся от обычных славянских. Они принадлежат воинам-всадникам и делятся на две группы — рядовые и «княжеские», сопровождаемые богатейшим инвентарем, что несомненно свидетельствует о классовом обществе. Люди эти жили в непосредственной близости от среднеднепровских славянских поселений, отчасти на той же самой территории. Между ними и славянскими группировками — полянами, северянами, уличами, также достигшими рубежа классового общества, неизбежно должны были установиться тесные политические связи.

Прежде всего здесь должны быть названы два могильника третьей четверти I тыс. н. э., находящихся в бассейне Северского Донца: один, раскопанный местными жителями в конце XIX в. около с. Тополи, другой, с подобными же находками, исследованный в 30-х и 40-х годах нашего века И. Ф. Левицким и Ю. В. Кухаренко около с. Ново-Покровки недалеко от Харькова.

Во втором из названных пунктов выявлено 20 погребений с остатками трупосожжений. Это были неглубокие ямы, где пережженные человеческие кости оказались перемешанными с углем и золой. В женских могилах найдены побывавшие в огне сердоликовые и стеклянные бусы, бронзовые браслеты, фибулы, пряжки, почему-то обрывки кольчуги. Мужские погребения могут быть охарактеризованы как погребения «дружинников»; они сопровождались предметами вооружения и конской сбруей. Эти вещи также клались на погребальный костер, но затем помещались отдельно от остатков сожжения, в особых ямах. Здесь были прямые сабли, ножи, удила, стремена, наконечники стрел и копий, обломки котлов, пряжки и небольшие серпы, составляющие у некоторых древних племен обязательную принадлежность снаряжения всадников. Интересно, что отдельные предметы вооружения, в частности сабли, были испорчены — согнуты пополам.

В некоторых погребениях находились глиняные сосуды: грубые, лепленые от руки, и гончарные, очень похожие на черняховскую керамику. Ю. В. Кухаренко указывает, что эти погребения, датированные фибулами, являются наиболее ранними (V—VI вв.). Возможно, что они составляли особую группу. Погребения с вооружением и другими вещами VII—начала VIII в. сопровождались посудой салтово-маяцкого облика, принадлежащей тюрским и сармато-аланским племенам третьей четверти I тыс. н. э. Это та самая глиняная посуда, которая наряду с грубой лепной посудой была обнаружена при раскопках Пастырского поселения, а в не-

большом количестве встречалась и на других славянских селищах по Тясмину и Южному Бугу (стр. 84, 87, 88).

Около Ново-Покровского могильника Ю. В. Кухаренко распал остатки поселения, по его мнению, принадлежавшего населению VII—начала VIII в. Здесь сохранились остатки наземного прямоугольного дома, по-видимому, с глинобитными стенами на легком деревянном каркасе, с остатками глинобитной печи.³¹ Жилище это неславянское; Ю. В. Кухаренко сравнивает его с постройками черняховского типа.

Из богатых, «княжеских» погребений можно назвать два: у сел Вознесенки и Глѳодосы. Первое было открыто в 30-х годах на левом берегу порожистой части Днѳпра, второе — в 1961 г. на Правобережье, на берегу р. Сухой Ташлык, несущей свои воды в р. Синюху, приток Южного Буга. Этот второй пункт находится совсем недалеко от Пастырского поселения, в 60—65 км к юго-западу. Оба они — Вознесенка и Глѳодосы — расположены в пределах, занятых в это время славянскими поселениями.

Около с. Вознесенки был обнаружен невысокий вал из земли и камней, окружавший прямоугольную площадку размером 50×80 м. На площадке в почвенном слое были найдены обломки конских костей и глиняной посуды; особенно много их оказалось у выложенного из камней круга, находящегося в средней части. Здесь же обнаружилась яма, заполненная побывавшими в огне предметами вооружения, убора и конского снаряжения, в том числе дорогими — из золота и серебра. Лежащие здесь сабли, удила, стремена, наконечники стрел однотипны с находками, сделанными в могильниках Тополи и Ново-Покровском. Среди дорогих вещей — богатых золотых и серебряных украшений пояса, узды, рукояток сабель и др. — выделяются большое серебряное изображение орла византийской работы (по-видимому, навершие знака воинской части) и также серебряное изображение льва, сильно попорченное огнем. Рядом, в другом углублении, были пережженные человеческие кости. Следовательно, здесь и детали погребального обряда напоминали Ново-Покровский могильник: предметы вооружения хоронились отдельно от останков умершего.³²

Погребение, открытое у с. Глѳодосы, оказалось еще более богатым. Оно было расположено на краю высокого берега реки, на месте, окруженном в древности двумя рвами, которым соответствовали, вероятно, валы до настоящего времени не сохранившиеся. Следовательно, погребальное сооружение здесь было таким же, как в Вознесенке. На площадке, окруженной рвами и

³¹ Ю. В. Кухаренко. 1) О некоторых находках на Харьковщине. КС, в. XVI, 1951; 2) Новопокровський могильник і поселення. Археологія, т. VI, 1952.

³² В. А. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. Археологія, т. III, 1950.

валами, в небольшой яме были обнаружены два скопления пережженных человеческих костей и отдельно две «кучки» вещей, побывавших в огне, т. е. на погребальном костре. Здесь находились прямая сабля в драгоценных ножнах, кинжал, стрелена, удила, наконечники стрел и копья, обломки пострадавших от огня серебряных сосудов, в том числе сасанидского кувшина, и большое количество замечательных золотых украшений с зернью, сканью и тиснением, со вставками из стекла, жемчуга и драгоценных камней. Некоторые из украшений имеют ближайшие аналогии среди находок из Вознесенки.³³

Я не буду описывать сокровища, происходящие из Вознесенки и Глодосского погребения. Это особая тема, и она заняла бы очень много места. Следует указать, что в Среднем Поднепровье известны и другие находки драгоценностей третьей четверти I тыс. н. э., представляющие собой, быть может, такие же захоронения. Они были сделаны случайно, во время разного рода земляных работ, и фигурируют в литературе в качестве кладов. Имеются отдельные случайные находки и рядовых вещей, подобных предметам из Тополей и Ново-Покровского могильника. Бесспорно, что здесь обитало какое-то особое население, неизвестно — кочевое или оседлое, с отчетливо выраженной социальной дифференциацией, с вооруженными «дружинами». Население это участвовало в походах на византийские владения в годы славяно-византийских войн на Балканах, о чем говорят найденные в Вознесенке серебряный орел и другие вещи.

Что же это было за население, к какой этнической группе оно принадлежало?

Оно не могло относиться к аварам. Их древности известны: они имеют совсем другой характер. Кроме того, авары находились в восточнославянских пределах несколько раньше, чем были совершены некоторые описанные захоронения.

Из сказанного выше читатель, возможно, сделал преждевременный вывод, что я присоединяюсь к тем историкам, которые стремятся связать происхождение росов-русов с сарматским миром. Такого мнения, как уже указывалось, придерживались некоторые исследователи прошлого века. Его разделяют и сейчас многие исследователи, в частности Г. Вернадский, Т. Сулимирский, некоторые советские археологи. Действительно, сармато-аланские племена в третьей четверти I тыс. н. э. жили бок о бок с днепровскими славянами; они составляли значительную часть населения запада Хазарии. Не только на Северном Кавказе, но и на Дону известны их могильники с характерными погребениями в катакомбах. Сарматы могли иметь отношение к господствующей прослойке древнейшей Русской земли, могли считать себя владете-

³³ А. Т. Сміленко. Глодоські скарби. Київ, 1965.

лями той земли в Среднем Поднепровье, которую заселили в начале третьей четверти I тыс. н. э. поляне, северяне и уличи.

Исследователи перечисленных выше древностей — топольских, ново-покровских, вознесенских, глѣдосских — тоже не раз вспоминали о сарматах, но склонялись больше к «славянской точке зрения». В материалах из Тополей и Ново-Покровского могильника Ю. В. Кухаренко усматривал сочетание славянских и сармато-аланских элементов, а также указывал на какие-то связи с более ранним черняховским миром. Исследователь сокровищ из Вознесенки относил их либо к славянам, либо к хазарам, в составе которых имелись славянские элементы. Кто был захоронен на берегу р. Сухой Ташлык около Глѣдосов, А. Т. Смиленко определенно сказать не может, но подозревает, что это был славянский военный вождь.

Недавно была опубликована монография С. А. Плетневой, посвященная древностям Западной Хазарии. По ее мнению, обрисованные выше погребения с трупосожжениями принадлежали одной из группировок, тесно связанной с Хазарией, а именно группировке тюркского происхождения. В качестве доказательства у С. А. Плетневой фигурирует описание погребального обряда у хакасов; аналогии днепровским трупосожжениям указываются в чаатасах Южной Сибири и в могильнике, обнаруженном П. С. Рыковым и Т. М. Минаевой в Поволжье.³⁴ Но аналогии эти далеко не бесспорны.

Вещи, найденные в интересующих нас захоронениях: предметы вооружения и драгоценности, к сожалению, не говорят ничего определенного о племенной принадлежности их хозяев. В этот период, на исходе «великого переселения народов», в материальной культуре различных племен юга европейской части нашей страны было много общих черт. Глиняная посуда может быть определена как салтово-маяцкая, общая для многих племен Северного Причерноморья; здесь — на Дону и в Поднепровье — она скорее всего может связываться с сармато-аланскими элементами. Но погребальный обряд, выявленный при исследовании как рядовых, так и богатых захоронений, непохож на погребальную обрядность сармато-аланских племен третьей четверти I тыс. н. э., живших на Северном Кавказе и на Дону. Они не сжигали своих мертвых, а сооружали для них могилы с подбоем, катакомбы. Погребальная обрядность в данном случае является весомым аргументом, свидетельствующим против предположения о сарматском происхождении людей, останки которых были сожжены и захоронены у Тополей, Ново-Покровки, Вознесенки и Глѣдосов. Обряд трупосожжения, открытый в перечисленных пунктах, позволяет говорить либо о тюрках, либо о славянах. Было высказано мнение, что такая деталь погребального обряда, как захоронение

³⁴ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 100—102.

побывавших на погребальном костре предметов вооружения отдельно от пережженных костей, заставляет вспомнить картину больших черниговских курганов X в., где вещи, побывавшие на погребальном костре, также складывались отдельно от останков захоронения. В качестве славянского Ю. В. Кухаренко рассматривает обычай сгибать пополам сабли, входящие в состав погребального инвентаря.

Но и эти аргументы маловесомы. Они могут послужить основанием не более чем для предположения. Вещи, побывавшие на погребальном костре, складывались в могиле отдельно от пережженных костей умершего не только у славян и тюрок. Обычай сгибать оружие умершего заставляет вспомнить о пшеворских элементах в составе черняховского населения, которые могли иметь и германское, и западнославянское происхождение.

Общий итог наших попыток ответить на вопрос, кем были древние русы, давшие свое имя древнейшему государственному образованию днепровских славян, таким образом, является далеко не утешительным. Группа археологических памятников, быть может, принадлежавшая этому «племени», как видим, пока что не поддается сколько-нибудь удовлетворительной этнической расшифровке.

НА ФИННО-УГОРСКИХ ОКРАИНАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

О ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕНАХ

1

В третьей четверти I тыс. н. э. славянское население, расселившееся в Верхнем Поднепровье и смешавшееся с местными восточнобалтийскими группировками, при своем дальнейшем продвижении на север и восток достигло границы областей, издревле принадлежавших финно-угорским племенам. Это были эсты, волья и ижора в Юго-Восточной Прибалтике, весь на Белом озере и притоках Волги — Шексне и Мологе, меря в восточной части Волго-Окского междуречья, мордва и мурома на Средней и Нижней Оке. Если восточные балты являлись соседями финно-угров с глубокой древности, то славяно-русское население близко столкнулось с ними впервые. Последующая вслед за этим колонизация некоторых финно-угорских земель и ассимиляция их коренного населения представляли собой особую главу в истории формирования древнерусской народности.

По уровню социально-экономического развития, образу жизни и характеру культуры финно-угорское население значительно отличалось как от восточных балтов, так и особенно от славян. Совсем чуждыми для тех и других были финно-угорские языки. Но не только поэтому, не только из-за значительных конкретных отличий, славяно-финно-угорские исторические и этнические отношения складывались иначе, чем отношения славян и их старинных соседей — балтов. Главным было то, что славяно-финно-угорские контакты относятся преимущественно к более позднему времени, к другому историческому периоду, чем отношения славян и днепровских балтов.

Когда славяне на рубеже и в начале I тыс. н. э. проникли на земли балтов в Верхнем Поднепровье и по его периферии, они были хотя и более передовыми по сравнению с аборигенами, но все же еще первобытными племенами. Выше уже шла речь о том, что их распространение по Верхнему Поднепровью представляло

собой стихийный, веками длившийся процесс. Несомненно, он не всегда протекал мирно; балты оказывали сопротивление пришельцам. Их сгоревшие и разрушенные убежища-городища, известные в некоторых местностях Верхнего Поднепровья, в частности на Смоленщине, свидетельствуют о случаях жестокой борьбы. Но тем не менее продвижение славян в Верхнее Поднепровье нельзя назвать процессом завоевания этих земель. Ни славяне, ни балты не выступали тогда как целое, объединенными силами. Вверх по Днепру и его притокам шаг за шагом продвигались отдельные, разрозненные группы земледельцев, искавших места для новых поселений и пашен и действующих на свой риск и страх. Городища-убежища местного населения свидетельствуют об изолированности общин балтов, о том, что каждая община в случае столкновений защищала прежде всего себя. А если они — славяне и балты — и объединялись когда-либо для совместных вооруженных предприятий в более крупные группировки, это были частные случаи, не менявшие общей картины.

Совсем в иных условиях протекала колонизация финно-угорских земель. Только некоторые из них в южной части бассейна озер Ильмень и Чудского были заняты славянами и смешавшимися с ними днепровскими балтами относительно рано, в VI—VIII вв., в условиях, мало отличавшихся от условий распространения славян в Верхнем Поднепровье. На других финно-угорских землях, в частности в восточных частях Волго-Окского междуречья — на территории будущей Ростово-Суздальской земли, сыгравшей огромную роль в судьбах Древней Руси, славяно-русское население стало расселяться начиная лишь с рубежа I и II тыс. н. э., уже в условиях возникновения раннефеодальной древнерусской государственности. И здесь колонизационный процесс, конечно, включал в себя немалый элемент стихийности, и здесь пионером выступал крестьянин-земледелец, на что указывали многие историки. Но в целом колонизация финно-угорских земель протекала иначе. Она опиралась на укрепленные города, на вооруженные дружины. Феодалы переселяли крестьян на новые земли. Местное население облагалось при этом данью, ставилось в зависимое положение. Колонизация финно-угорских земель на Севере и в Поволжье — это явление уже не первобытной, а раннефеодальной славяно-русской истории.

Исторические и археологические данные свидетельствуют о том, что до последней четверти I тыс. н. э. финно-угорские группировки Поволжья и Севера еще в значительной мере сохраняли свои старинные формы быта и культуры, сложившиеся в первой половине I тыс. н. э. Хозяйство финно-угорских племен имело комплексный характер. Земледелие было развито сравнительно слабо; большую роль в экономике играло скотоводство; ему сопутствовали охота, рыбная ловля и лесные промыслы. Если восточнобалтийское население в Верхнем Поднепровье и на Запад-

ной Двине было по численности весьма значительным, о чем свидетельствуют сотни городищ-убежищ и мест поселений по берегам рек и в глубине водоразделов, то население финно-угорских земель было сравнительно редким. Люди жили кое-где по берегам озер и по рекам, имевшим широкие поймы, служившие пастбищами. Необозримые пространства лесов оставались незаселенными; они эксплуатировались как охотничьи угодья, так же как тысячелетие назад, в раннем железном веке.

Конечно, различные финно-угорские группировки имели свои особенности, отличались друг от друга по уровню социально-экономического развития и по характеру культуры. Наиболее передовыми среди них являлись чудские племена Юго-Восточной Прибалтики — эсты, воль и ижора. Как указывает Х. А. Моора, уже в первой половине I тыс. н. э. земледелие стало у эстов основой хозяйства, в связи с чем население обосновалось с этого времени в областях с наиболее плодородными почвами. К исходу I тыс. н. э. древние эстонские племена стояли на пороге феодализма, в их среде развивались ремесла, возникали первые поселки городского типа, морская торговля связывала племена древних эстов друг с другом и с соседями, способствуя развитию экономики, культуры и социального неравенства. Родо-племенные объединения сменились в это время союзами территориальных общин. Локальные особенности, отличавшие в прошлом отдельные группы древних эстов, стали мало-помалу стираться, свидетельствуя о начале формирования эстонской народности.¹

Все эти явления наблюдались и у других финно-угорских племен, но они были представлены у них значительно слабее. Воль и ижора во многом приближались к эстам. Среди поволжских финно-угров наиболее многочисленными и достигшими сравнительно высокого уровня развития были мордовские и муромские племена, жившие в долине Оки, в среднем и нижнем ее течении.

Широкая, многокилометровая пойма Оки являлась прекрасным пастбищем для табунов лошадей и стад другого скота. Если взглянуть на карту финно-угорских могильников второй, третьей и последней четвертей I тыс. н. э., то не трудно заметить, что в среднем и нижнем течении Оки они тянутся сплошной цепочкой вдоль участков с широкой поймой, тогда как севернее — в области Волго-Окского междуречья и южнее, по правым притокам Оки — Цне и Мокше, а также по Суре и Средней Волге древние могильники поволжских финно-угров представлены в значительно меньшем количестве и располагаются отдельными гнездами (рис. 9).

Указывая на связь поселений и могильников древних финно-угров с широкими речными поймами — базой их скотоводства,

¹ Х. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике. СА, XVII, 1953.

П. П. Ефименко обратил внимание на инвентарь мужских погребений, рисующий мордву и мурому I тыс. н. э. как конных пастухов, несколько напоминающих по своему убору и вооружению, а следовательно, и образу жизни кочевников южнорусских степей. «Нельзя сомневаться, — писал П. П. Ефименко, — что пастушество, для которого использовались прекрасные луга по течению Оки, в эпоху возникновения могильников приобретает значение одного из очень важных видов хозяйственной деятельности населения края».² Точно так же характеризовали хозяйство поволжских финно-угров и другие исследователи, в частности Е. И. Горюнова. На основании материалов исследованного в Костромской области Дурасовского городища, относящегося к концу I тыс. н. э., и других археологических памятников она установила, что вплоть до этого времени поволжские финно-угры — мерянские племена — были по преимуществу скотоводами. Они разводили главным образом лошадей и свиней, в меньшем количестве крупный и мелкий рогатый скот. Земледелие занимало в хозяйстве второстепенное место наряду с охотой и рыбной ловлей. Такая картина характерна и для исследованного Е. И. Горюновой Тумовского поселения IX—XI вв., расположенного около Мурома.³

Скотоводческий облик хозяйства в той или иной мере сохранялся у финно-угорского населения Поволжья и в период Древней Руси. В «Летописце Переяславля Суздальского» после перечисления финно-угорских племен — «иних язычей» — сказано: «Испрѣва исконнии данници и конокормцы». Термин «конокормцы» не вызывает никаких сомнений. «Инии языци» выращивали коней для Руси, для ее войска. Это была одна из основных их повинностей. В 1183 г. князь Всеволод Юрьевич, возвращаясь во Владимир из похода на Волжскую Булгарию, «кони пусти на морьдву», что было, вероятно, обычным явлением. Очевидно, мордовское хозяйство, как и хозяйство других поволжских финно-угров — «конокормцев», существенно отличалось от сельского хозяйства славяно-русского населения. Среди «кормлений», упоминаемых в документах XV—XVI вв., числится «мещерское конское пятно» — пошлина, взимаемая с продавцов и покупателей коней.⁴

На такой своеобразной экономической основе, при преобладании скотоводства, особенно коневодства, у поволжских финно-угров в конце I тыс. н. э. могли сложиться классовые отношения лишь примитивного, дофеодального облика, хотя и со значитель-

² П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тыс. н. э. СА, II, 1937, стр. 48.

³ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 129, 168—170 и др.

⁴ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947, стр. 268, 276, 277.

ной общественной дифференциацией, похожие на общественные отношения кочевников I тыс. н. э.

На основании археологических данных трудно решить вопрос о степени развития ремесла у поволжских финно-угров. У большинства из них с давних пор были распространены домашние ремесла, в частности изготовление многочисленных и разнообразных

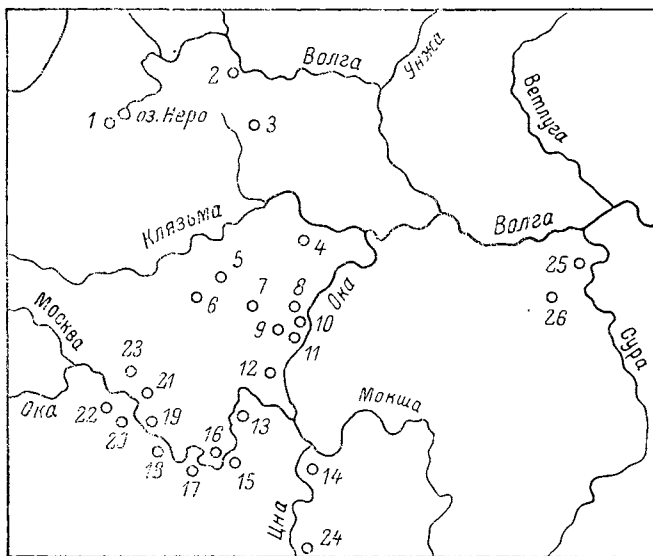

Рис. 9. Финно-угорские могильники I тыс. н. э. в Волго-Окской области.

1 — Сарский; 2 — Подольский; 3 — Хотимльский; 4 — Холуйский; 5 — Новленский; 6 — Пустошенский; 7 — Заколпелский; 8 — Малышевский; 9 — Максимовский; 10 — Муромский; 11 — Подболотьевский; 12 — Уранский; 13 — Курманский; 14 — Кошибеевский; 15 — Кулаковский; 16 — Облачинский; 17 — Шатрищенский; 18 — Гавердовский; 19 — Дубровицкий; 20 — Бороковский; 21 — Кузьминский; 22 — Вакинский; 23 — Жабинский; 24 — Темниковский; 25 — Ивашковский; 26 — Сергачский.

металлических украшений, которыми изобиловал женский костюм. Техническая оснащенность домашнего ремесла в то время мало отличалась от оснащенности ремесленника-профессионала — это были те же литейные формы, льячки, тигли и др. Находки этих вещей при археологических раскопках, как правило, не позволяют определить, было ли здесь домашнее или специализированное ремесло, продукт общественного разделения труда.

Но ремесленники-профессионалы в указанное время несомненно имелись. Об этом свидетельствует возникновение на финно-угорских землях Поволжья на рубеже I и II тыс. отдельных поселений, обычно укрепленных валами и рвами, которые по составу

находок, сделанных при археологических раскопках, могут быть названы торгово-ремесленными, «эмбрионами» городов. Кроме местных изделий в этих пунктах встречаются привозные вещи, в том числе восточные монеты, разнообразные бусы, металлические украшения и др. Таковы находки из Сарского городища около Ростова, уже упомянутого Тумовского селища около Муром, городища Земляной Струг около Касимова и некоторых других.⁵

Можно предполагать, что более отсталыми были северные финно-угорские племена, в частности весь, занимавшая, судя по летописи и данным топонимики, огромное пространство вокруг Белого озера. В ее экономике, как и у соседних коми, едва ли не основное место занимали тогда охота и рыбная ловля. Открытым остается вопрос о степени развития земледелия и скотоводства. Возможно, что среди домашних животных здесь имелись олени. К сожалению, археологические памятники белозерской веси I тыс. н. э. до сих пор остаются неисследованными. И не только потому, что ими специально никто не занимался, а главным образом из-за того, что древняя весь не оставила после себя ни остатков хорошо выраженных долговременных поселений, ни погребальных памятников, известных в земле других соседних финно-угров — эстов, води, мери, муромы. Это было, по-видимому, очень редкое и подвижное население. В Южном Приладожье имеются курганы конца IX—X в. с сожжениями, своеобразные по погребальному обряду и принадлежавшие, возможно, веси, но уже подвергшейся славянскому и скандинавскому влиянию. Эта группировка уже порвала с древним образом жизни. Ее экономика и быт во многом напоминали экономику и быт западных финно-угорских племен — води, ижоры и эстов. На Белом озере имеются древности X и последующих столетий — курганы и городища, принадлежавшие веси, уже испытавшей на себе значительное русское влияние.

Большинство финно-угорских группировок, входивших в границы Древней Руси или тесно с ней связанных, не утратило своего языка и этнических особенностей и превратилось впоследствии в соответствующие народности. Но земли некоторых из них лежали на главных направлениях славяно-русской раннесредневековой колонизации. Здесь финно-угорское население вскоре оказалось в меньшинстве и спустя несколько столетий было ассимилировано. В качестве одной из главных причин славяно-русской раннесредневековой колонизации финно-угорских земель исследователи справедливо называют бегство на окраины Руси земледельческого населения, спасавшегося от растущего феодального гнета. Но, как уже указано выше, имели место и «организованные» переселения крестьян, возглавляемые феодальными верхами. Особенно

⁵ Е. И. Горюнова. Этническая история..., стр. 95—127, 162—182.

усилилась колонизация северных и северо-восточных земель в XI—XII вв., когда южные древнерусские области, лежащие вдоль границы степей, подверглись жестоким ударам кочевников. Из Среднего Поднепровья люди бежали тогда на Смоленский и Новгородский Север, а особенно в далекое Залесье с его плодородными почвами.

Процесс обрусения финно-угорских группировок — мери, белозерской веси, муромы и др. — закончился лишь в XIII—XIV вв., а местами и позднее. Поэтому в литературе представлено мнение, что перечисленные финно-угорские группировки послужили компонентом не столько древнерусской, сколько русской (великорусской) народности. Материалы этнографии точно так же свидетельствуют, что финно-угорские элементы в культуре и быту были характерны для старинной сельской культуры лишь волго-окского и северного русского населения. Но археологические и исторические данные говорят о том, что в ряде местностей процесс обрусения финно-угорского населения завершился или зашел очень далеко уже к XI—XII вв. К этому времени вошли в состав древнерусской народности значительные группы мери, веси и окских племен, а также отдельные прибалтийско-финские группы на Северо-Западе. Поэтому финно-угры не могут быть исключены из числа компонентов древнерусской народности, хотя этот компонент и не являлся значительным.

Колонизация финно-угорских земель, взаимоотношение пришельцев с коренным населением, его последующая ассимиляция и роль финно-угорских группировок в формировании древнерусской народности — все эти вопросы изучены еще далеко не достаточно. Ниже речь пойдет о судьбе не всех финно-угорских групп, земли которых были заняты в раннем средневековье славяно-русским населением, а лишь тех из них, о которых в настоящее время есть какие-либо сведения, — исторические или археологические. Больше всего данных имеется о древнем населении восточной части Волго-Окского междуречья, куда в XII в. переместился важнейший центр Древней Руси. Кое-что известно о финно-угорском населении Северо-Запада.

2

Как это ни странно на первый взгляд, древними финно-уграми, оказавшимися в границах Руси, больше всего интересовались в третьей четверти XIX в. Интерес к ним был вызван тогда, во-первых, итогами исследований выдающихся финно-угроведов — историков, лингвистов, этнографов и археологов, прежде всего А. М. Шегрена, впервые нарисовавшего широкую историческую картину финно-угорского мира, и его младшего современника М. А. Кастрена. А. М. Шегрен, в частности, «открыл» потомков

древних финно-угорских группировок — води и ижоры, сыгравших большую роль в истории Великого Новгорода. Первым исследованием, специально посвященным исторической судьбе води, была вышедшая в 1851 г. работа П. И. Кеппена «Водь и Вотская пятна».⁶ Во-вторых, интерес к финно-уграм и их роли в отечественной истории был вызван тогда грандиозными раскопками средневековых курганов на территории Ростовско-Суздальской земли, произведенными А. С. Уваровым и П. С. Савельевым в начале 50-х годов XIX в. По мнению А. С. Уварова, с которым он выступил на I Археологическом съезде 1869 г., эти курганы принадлежали летописной мере, как тогда говорили, мерянам — финно-угорскому населению, «быстрое обрусение» которого началось «почти в доисторические для нас времена».⁷

Труд А. С. Уварова и П. С. Савельева, «открывший, казалось, безвестно исчезнувшую культуру целой народности и показавший огромное значение археологических раскопок для ранней истории России, справедливо привел современников в восхищение»⁸ и вызвал многочисленные попытки отыскать следы меры в письменных источниках, в топонимике, в этнографических материалах, в тайных языках владимирских и ярославских офеней-коробейников и т. д. Продолжались и археологические раскопки. Из многочисленных трудов того времени, посвященных древней мере, назову статью В. А. Самарянова о следах поселений меры в пределах Костромской губернии, явившуюся результатом архивных изысканий, и прекрасную книгу Д. А. Корсакова о мере, автор которой, подытоживший огромный и разнообразный фактический материал, не сомневался, что «чудское (финно-угорское, — П. Т.) племя» было «некогда одним из элементов формации великорусской народности».⁹

В конце XIX—начале XX в. отношение к древним финно-уграм Волго-Окского междуречья заметно изменилось, интерес к ним снизился. После того как раскопки средневековых курганов были произведены в пределах разных древнерусских областей, выяснилось, что курганы Ростово-Суздальской земли в своей массе не отличаются от обычных древнерусских и, следовательно, А. С. Уваровым было дано ошибочное их определение. А. А. Спицын, выступивший с новым исследованием, посвященным этим курганам, признал их русскими. Он указал, что финно-угорский

⁶ Журн. Минист. народн. проsv., 1851, кн. IXX.

⁷ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I Археол. съезда, т. II, М., 1871, стр. 646, 649 и др.

⁸ А. В. Шмидт. Археологическое изучение древностей севера СССР. Финно-угорский сб., Л., 1928, стр. 160.

⁹ В. А. Самарянов. Следы поселений меры, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии. Древности, т. VI, М., 1876; Д. А. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 1.

элемент в них незначителен и высказал недоверие в отношении сообщений летописи о мери. Он полагал, что мера была вытеснена из пределов Волго-Окского междуречья на северо-восток, «задерживаясь на пути отступления лишь небольшими клочками».¹⁰

В целом соображения А. А. Спицына относительно ростово-суздальских курганов X—XII вв. являлись несомненно правильными, и они никогда не оспаривались. Но его стремление чуть ли не полностью исключить финно-угров из состава населения Северо-Восточной Руси, свести их роль до минимума, являлось безусловно ошибочным.

Точно так же ошибочной была оценка, данная А. А. Спицыным материалам из средневековых курганов, исследованных в конце прошлого века В. Н. Глазовым и Л. К. Ивановским к югу от Финского залива, между озерами Чудским и Ильмень. Почти все эти курганы А. А. Спицын признал славянскими вопреки мнению финских археологов, относивших их к памятникам воды.¹¹ Прав был А. В. Шмидт, указавший в своем очерке истории археологического изучения древних финно-угров, что взгляды А. А. Спицына явились отражением определенной, распространенной тогда националистической тенденции, которую А. В. Шмидт назвал «славянской точкой зрения», указав ее главных представителей в русской археологии того времени — И. И. Толстого и Н. П. Кондакова.¹² Эта точка зрения была представлена тогда и в трудах историков Древней Руси: Д. И. Иловайского, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и др. Они, конечно, не отрицали, что в границах Древней Руси имелись местности с «инородческим», финно-угорским населением, которое кое-где сохранялось до XIII—XIV вв., а местами и позднее. Но в неславянских племенах дореволюционные исследователи не видели субъекта истории. Они не интересовались их судьбой, отводили им пассивную, третьестепенную роль в истории Руси.

Заповедным отголоском этих же взглядов явилось выступление известного этнографа Д. К. Зеленина, опубликовавшего в 1929 г. статью, в которой он ставил под сомнение сам факт участия финно-угров в формировании русской народности. Выступление это подверглось тогда со стороны этнографов суровой критике.¹³

¹⁰ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, в. 15, 1905, стр. 166.

¹¹ А. А. Спицын. 1) Курганы Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896; 2) Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903; J. R. Aspelin. Antiquités du nord finno-ougrien. Helsingfors, 1880—1884.

¹² А. В. Шмидт. Археологическое изучение... стр. 186—197, 213.

¹³ Д. К. Зеленин. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? Тр. Ленингр. общ. иссл. культ. финно-угорских народностей, в. 1, 1929; С. П. Толстов. К проблеме аккультурации. Этнография, № 1—2, 1930; М. Т. Маркелов. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских. Этнография, № 1—2, 1930.

К большому сожалению, нигилистическое отношение к истории финно-угров и других неславянских участников создания древнерусской народности по иным, конечно, чем раньше, причинам сохранилось и среди советских историков Древней Руси. В трудах таких специалистов по истории населения и феодальных отношений в Северо-Восточной Руси, как М. К. Любавский и С. Б. Веселовский и др., неславянское население — весь, меря, мешера, мурома — лишь упоминается и не более. В работах Б. Д. Грекова, посвященных истории крестьянства, С. В. Юшкова, в которых речь идет об истории права, М. Н. Тихомирова о крестьянских и городских антифеодальных движениях и других население Древней Руси рассматривается с самого начала как по сути дела однородное. Вольно или невольно историки исходят из представления, что древнерусская народность в IX—X вв. уже сложилась. Они не видят и не учитывают местных особенностей, не видят или не принимают во внимание того, что отдельные славяно-русские, финно-угорские и другие группировки имели свою экономическую, социальную и этническую специфику. Нерусские племена вели борьбу за независимость не только в IX—X вв., в период становления Древней Руси, но и позднее — в XI—XII вв. Историки как будто бы опасаются, что, признав наличие антагонизма между отдельными этническими группами, входившими в границы Древней Руси, они ослабляют свою марксистскую оценку исторических событий, главной силой которых была классовая борьба. В итоге это ведет к некоторой своеобразной идеализации Древней Руси.

Возьмем, например, известное антифеодальное восстание 1071 г. в Ростовской области. Несмотря на то что описание этого события в летописи не оставляет никаких сомнений в том, что его участниками — и смердами, возглавляемыми волхвами, и «лучшими женами», которых грабили и убивали голодные смерды, — были мерянские, финно-угорские элементы (речь об этом еще будет идти ниже), историки Древней Руси не придают этому никакого значения или же пытаются вовсе отрицать данное обстоятельство.

Так, М. Н. Тихомиров, признавая, что Ростово-Суздальская земля в XI в. имела смешанное русско-финно-угорское население, пытался тем не менее рассматривать специфические этнографические особенности, сопутствующие восстанию 1071 г., в качестве особенностей, распространенных якобы в русской среде. Восставших смердов с волхвами он считает русскими, так как в летописном рассказе нигде не указано, что Ян Вышатич объяснялся с восставшими с помощью переводчиков.¹⁴

Из историков наших дней, кажется, один лишь В. В. Мавродин дал, на мой взгляд, правильную характеристику той, не только со-

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв. М., 1955, стр. 123 и др.

циальной, но и специфической племенной, среды, в условиях которой протекало восстание 1071 г.¹⁵

И в настоящее время в историографии в указанной области мало что изменилось. Можно полностью присоединиться к высказанному недавно мнению В. Т. Пашуто, который отметил, что «в нашей историографии пока не исследован вопрос об этнической и экономической сложности и обусловленной ею политической неоднородности структуры Древнерусского государства... Не изучены и особенности антифеодальной борьбы подвластных Руси народов и ее соотношение с историей классовой борьбы русских смердов и городской бедноты».¹⁶ Нужно указать, что в работе В. Т. Пашуто, из которой взята эта цитата, по сути дела впервые все эти темы во всей их полноте были поставлены перед историками. Но пока что только поставлены.

Несколько лучше в последние десятилетия обстояло дело с археологическими исследованиями, посвященными раннесредневековой истории Ростово-Суздальской земли и северо-запада Новгородской. В результате неоднократных раскопок в области Волго-Окского междуречья был получен значительный новый материал, освещающий культуру финно-угорского — мерянского, муромского и мордовского населения, а также картину появления в этой области славяно-русских поселенцев. Одним из последних итогов этих работ является опубликованная в 1961 г. большая книга Е. И. Горюновой.¹⁷ В этой книге, по моему мнению, не со всем можно согласиться, особенно в тех ее разделах, где речь идет о далеком прошлом. Но вторая часть книги, посвященная раннему средневековью, в частности взаимоотношениям русского населения с местными мерянской и муромской группировками, содержит в основном очень интересные данные и их интерпретацию, которые не раз будут использованы в дальнейшем изложении. Средневековым древностям белозерской веси посвящены работы Л. А. Голубевой — исследователя города Белоозера. Население этого древнего города было смешанным, русско-финно-угорским.¹⁸

Большое значение для исследований в области истории и культуры волго-окских финно-угорских племен имели также результаты археологических работ в смежных с Волго-Окским междуречьем Марийской, Мордовской, Удмуртской Автономных Советских Социалистических Республиках.

¹⁵ В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 149—161.

¹⁶ В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства. В сб.: Древнерусское государство и его международное значение, М., 1965, стр. 79.

¹⁷ Е. И. Горюнова. Этническая история...; П. Н. Третьяков. [Рец.] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. СА, 1962, № 4.

¹⁸ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1961, № 3.

Что касается северо-западных финно-угорских областей, вошедших некогда в состав Вотской пятины Великого Новгорода, то в ее западных частях, лежащих к югу от Финского залива и р. Невы, за последнюю половину века было очень мало археологических исследований, посвященных изучению истории древнего коренного населения. Тем не менее взгляды А. А. Спицына на средневековые курганы этой области были пересмотрены. Такие исследователи, как Х. А. Моора, В. И. Равдоникас, В. В. Седов, пришли к выводу, что курганные древности XI—XIV вв., их немалую часть, нужно связать с коренным населением — водью и ижорой.¹⁹ Да и как могло быть иначе, если эти финно-угорские группировки составляли тут значительную часть населения вплоть до XIX в. и если население, сохраняющее память о своем водском и ижорском происхождении, имеется здесь кое-где и в настоящее время.

Большие исследования средневековых курганов в 20—30-х годах велись в соседних областях — в Южном Приладожье и Прионежье; они были связаны с раскопками на городище Старая Ладога и имели целью дать картину окружавшего этот город сельского населения, известного ранее главным образом по раскопкам Н. Е. Бранденбурга. Итоги всех этих исследований вызвали среди археологов длительную дискуссию, которая до сих пор не закончилась. Как уже указывалось, одни исследователи утверждают, что средневековые курганы Приладожья и Прионежья принадлежат веси; другие же видят в них памятники южных карельских группировок. Ясно лишь, что это было не славяно-русское население, а финно-угорское, хотя и подвергшееся значительному славяно-русскому влиянию.²⁰

ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И СЛАВЯНО-РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

1

Выше уже шла речь о том, что в первые века нашей эры в результате распространения славянского населения в Верхнем Поднепровье какая-то часть живших там восточных балтов отошла

¹⁹ Н. А. Моора. *Wotische Altertümer aus Estland*. ESA, IV, 1929, стр. 272—273; В. И. Равдоникас. Ижорский могильник в Красногвардейске. *Сообщ. ГАИМК*, 1932, № 11—12, стр. 24—31; В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). СА, XVIII, 1953.

²⁰ Краткие сведения об этих раскопках и библиография суммированы в кн.: В. В. Пименов. *Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры*. М.—Л., 1965, стр. 53—116.

на север и северо-восток — на Волгу и в западные области Волго-Окского междуречья (стр. 40—42).

Это удалось выяснить совсем недавно благодаря археологическим исследованиям, а подробности продвижения балтов на восток еще предстоит исследовать. Очевидно лишь, что в их итоге граница, разделяющая балтов и финно-угорское население в пределах Волго-Окского междуречья, установилась примерно по линии Ярославль—Плещеево озеро—устье Москвы-реки. Все известные сейчас мерянские, мордовские и муромские могильники и городища второй половины I тыс. н. э. располагаются к востоку от этой линии. К западу от нее археологи находят остатки культуры днепровско-балтийского облика.

Во второй половине I тыс. н. э. (более точную дату назвать сейчас затруднительно) в западную часть Волго-Окского междуречья стало проникать славянское население. Здесь начался такой же процесс ассимиляции балтов (и возможных остатков финно-угров), как и в Верхнем Поднепровье. Славянское население двигалось сюда двумя основными путями: по Волге — это были кривичи и словени новгородские — и по Оке, с ее верховьев, принадлежавших вятичам. В область, лежащую между Волгой и Окой, в середину западной части междуречья, славяне первоначально не проникали. Эта область была занята восточными балтами — голядью очень долго, вплоть до XII в. В летописи о голяди говорится дважды. Под 1058 г. сообщается: «Победи Изяслав голяди». Трудно сказать, было ли это первым покорением данной группировки балтов или же, что вероятнее, она и раньше находилась под властью русских князей, но взбунтовалась, подобно тому как в более раннее время не раз делали ее ближайшие славянские соседи — вятичи, с которыми голядь должна была иметь тесные связи. Второй раз летопись упоминает о голяди почти через столетие, под 1147 г., когда Святослав Ольгович «воевал» Смоленскую волость: «И шед Святослав и взя люди голядь верх Поротве, и тако ополонисаша дружина Святослава». Река Протва — это левый приток Оки. Ее истоки лежат рядом с истоками Москвы-реки, а устье находится недалеко от г. Серпухова.

К сожалению, археологические памятники голяди до сих пор остаются неисследованными. Топонимика и гидронимия, связывающиеся с именем голяди, расположены главным образом в западной части Волго-Окского междуречья, что подтверждает летописное сведение о локализации голяди на Протве и рядом с ней.²¹

Путь кривичей по Волге прослеживается по их специфическим погребальным памятникам — длинным курганам, речь о которых уже шла выше (стр. 65, 66). Цепочка длинных курганов тянется

²¹ В. Б. Виленбахов и Н. В. Энговатов. Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди. *Slavia Occidentalis*, т. 23, 1963, стр. 233—269.

вдоль Волги от самых ее верховьев вплоть до района Ярославля. В области истоков Волги, на берегах оз. Селигер и в прилегающих частях бассейна Западной Двины и восточных притоков оз. Ильмень эти курганы неоднократно исследовались. Под курганами или в их насыпях встречались остатки трупосожжений — кучки пережженных костей (обычно несколько — 4—6), сопровождаемые побывавшими в погребальном костре вещами: предметами убора и украшениями из бронзы, железными ножами и наконечниками стрел, а также глиняными сосудами, сделанными от руки без помощи гончарного круга. Некоторые из них являлись урнами — в них были сыпаны пережженные кости. Выше уже шла речь о том, что находки из этих курганов отличаются от вещей, характеризующих длинные курганы Смоленщины. Там они имеют ясно выраженный балтийский (латгальский) облик. Курганы, исследованные в бассейне верховьев Западной Двины и Волги, как и псковские курганы, дают находки иного типа, без латгальских элементов. Их время — третья четверть I тыс. н. э. Так датируются найденные в этих курганах пряжки с длинным язычком, круглые в сечении браслеты с массивными утолщенными концами и другие вещи.²²

Длинные курганы, известные на Волге, пока что не исследовались, за некоторыми исключениями. По-видимому, в массе они являются несколько более поздними, чем охарактеризованные выше. Во всяком случае один из курганов, находящийся на правом берегу Волги в устье р. Куксы, между Калязиным и Угличем, раскопанный в 1935 г., судя по найденным в нем цветным пастовым бусам, относится к IX—началу X в. Но понятно, что по одному исследованному кургану нельзя определить время всех остальных верхневолжских длинных курганов.

В самом верхнем течении Волги, а также по ее левому притоку — р. Мологе известны славянские курганы с трупосожжением и другого характера — сопки новгородского типа. Они как бы нависают над Волго-Окским междуречьем с северо-запада. Некоторые из них были раскопаны, но найденные единичные вещи — наконечник копья, топор, лепная керамика — нельзя точно датировать. Судя по находкам, сделанным в сопках на основной территории их распространения — вокруг оз. Ильмень, они относятся к третьей четверти I тыс. н. э.²³

В глубинах Волго-Окского междуречья длинные курганы и сопки новгородского типа ни разу не были обнаружены.

Вопрос о продвижении вятичей в третьей четверти I тыс. н. э. в область среднего (рязанского) течения р. Оки до сих пор окон-

²² Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 111—115, 129—130; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1965, стр. 297—298.

²³ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы..., стр. 97—98.

чательно не выяснен. Исследователи среднеокских финно-угорских (мордовских) могильников уже давно обратили внимание на то, что наиболее поздняя группа погребений в этих могильниках относится к VII в., тогда как в других частях — ниже по Оке в районе г. Муром, в восточной части Волго-Окского междуречья, по южным притокам Оки и в прилегающих к ним частях Правобережья Средней Волги — имеются и более поздние финно-угорские могильники. Отсюда был сделан вывод, что на рубеже VII—VIII вв. финно-угорское население покинуло долину Оки в среднем ее течении и что это произошло, возможно, в результате славянского продвижения на восток из области верхнего течения Оки. Попытка оспорить факт ухода финно-угров с берегов Средней Оки в конце VII в., предпринятая А. Л. Монгайтом, была явно неудачной.²⁴ К сожалению, вплоть до настоящего времени очень плохо известны археологические памятники новых обитателей поречья Средней Оки, появившихся здесь где-то в конце VII—начале VIII в. или несколько позднее. Этими памятниками являются окские поселения открытого типа с лепной керамикой, могильник, обнаруженный В. И. Городцовым у с. Алканова на Оке, наконец, известный курган около дер. Беседы под Москвой. Их время трудно точно определить. Но принадлежность этих древностей к славянской культуре конца I тыс. н. э. вряд ли может вызвать какое-либо сомнение.²⁵

2

С IX в., вероятно второй его половины, древнерусское население начало проникать и в восточную часть Волго-Окского междуречья — в землю мери. Его путь и места поселений отмечены курганными могильниками конца IX—X в., во множестве исследованными здесь в разное время, начиная с раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева в 50-х годах XIX в. и кончая раскопками 60-х годов нашего века, организованными Государственным Историческим музеем.

Как известно из летописи, восточная часть Волго-Окского междуречья первоначально была связана не с Поднепровьем, а с Северо-Западом. Здесь, в Ростове, в IX в. «сидели муж Рюрика» и «князь, сущий под Олегом». Ростовская дань Руси первоначально шла через Новгород. Более прочные связи между Киевом и Северо-Востоком установились лишь в XI в., когда Владимир отправил сюда своих сыновей. В полном соответствии с этими

²⁴ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э., стр. 50; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 78; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 291.

²⁵ А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 78—80, 85—87.

сообщениями курганы с сожжениями конца IX—X в., известные около Ростова, Переяславля, Ярославля и Суздаля, также говорят прежде всего о пришельцах с Северо-Запада.

Относительно курганов с сожжениями конца IX—X в., исследованных в разное время в восточной части Волго-Окского междуречья, в археологической литературе были высказаны различные соображения. Как уже говорилось, А. С. Уваров и П. С. Савельев думали, что они были мерянскими, но отмечали наличие вещей, «которые считаются неотъемлемым признаком викингов». И. А. Тихомиров полагал, что курганы насыпаны норманнами, варягами, которые принесли курганный обряд захоронения в Поволжье, где он был усвоен «туземцами — славянами и финнами». Еще более категорически защищали «норманскую точку зрения» скандинавские исследователи, прежде всего Т. И. Арне.²⁶

Других взглядов придерживался, как уже указывалось, А. А. Спицын. По его мнению, «колонизация Ростовского края русскими ... началась в IX в. и скорее всего с верховьев Днепра, из земли смоленских кривичей». Курганы с сожжениями и «вещами русско-скандинавской культуры», исследованные в Ростовском и Ярославском крае, он сравнивал с курганами Гнездовского могильника под Смоленском и считал, что «примеси» угро-финских вещей в курганах «совершенно нет никакой».²⁷

С этим не была согласна Я. В. Станкевич, исследовавшая курганы Ярославского Поволжья в 1938—1939 гг. По ее мнению, древнейшие курганы с трупосожжениями были насыпаны здесь выходцами не столько из Смоленского Поднепровья, сколько с Северо-Запада, из земли словен новгородских. Об этом свидетельствует устройство наиболее ранних высоких курганов, в насыпях которых, как и в новгородских сопках, имеются по несколько зольных прослоек, отмеченных еще И. А. Тихомировым, остатки каменных и деревянных конструкций и многочисленные захоронения пережженных костей. С Северо-Западом, но не славянским, а финно-угорским, связываются находимые нередко в курганах глиняные круглодонные сосуды-чаши с орнаментом. Местный финно-угорский (мерянский) элемент представлен в курганах женскими «шумящими» бронзовыми украшениями. Отметив неоднократные находки вещей скандинавских типов, Я. В. Станкевич тем не менее полагала, что ни одного бесспорного скандинавского захоронения в курганах Ярославского Поволжья встречено не было.²⁸ К мнению Я. В. Станкевич присоединилась в своей работе Е. И. Горюнова, которая, однако, без какой-либо аргументации отнесла

²⁶ И. А. Тихомиров. Кто насыпал Ярославские курганы. Тр. Второго област. тверск. археол. съезда 1903 г., Тверь, 1906; Т. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914.

²⁷ А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 96, 163—167.

²⁸ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, № 6, 1941.

древнейшую группу курганов ко времени не раньше X в., а все финно-угорские элементы, в них представленные, считала местными — «мерянскими или мерянско-камскими».²⁹

Последние исследователи этих древностей — М. В. Фехнер, Н. Г. Недошивина и др. — показали, что наиболее ранние курганы с сожжениями дают вежди конца IX в.³⁰

Соображения Я. В. Станкевич, сравнивавшей курганы с сожжениями из восточной части Волго-Окского междуречья с раннесредневековыми древностями не Поднепровья, а Северо-Запада, являются несомненно правильными. И следует указать еще на один аргумент в пользу этой точки зрения — на происходящие из некоторых курганов грубо сделанные из глины изображения пятипалых лап, которые обычно называют медвежьими лапами и связывают с медвежьим культом. Некоторые из лап были, как предполагают, изображениями лап бобра, но это, по моему мнению, весьма сомнительно.³¹

Большинство исследователей, говоря о глиняных лапах, рассматривает их как выражение местной, мерянской культуры или же шире — как элемент медвежьего культа, распространенного у различных этнических групп Севера: и финно-угров, и балтов, и славян.³² Однако если медвежий культ в той или иной мере действительно был распространен некогда у всех обитателей лесной полосы, то такое его конкретное преломление, как глиняные лапы в погребальном обряде, отнюдь не имело широкого распространения.

Известно, что кроме курганов восточной части Волго-Окского междуречья глиняные изображения медвежьих лап имеются в раннесредневековых курганах лишь в одном единственном месте, а именно на Аландских островах. По мнению их исследователя, Е. Кивикоски, эти лапы были там элементом чуждым, пришедшим с угро-финского востока, из России.³³ Курганы на Аландских островах в своей основной массе являются несколько более ранними, чем курганы с лапами из Ярославского, Ростовского и Суздальского края. Следовательно, они происходят не отсюда. Об этом же говорит то, что в мерянских, муромских и мордовских могильниках конца I тыс. н. э. такие лапы ни разу не были найдены.

Остается предположить, что глиняные лапы в курганах Аландских островов и Волго-Окского междуречья являются пережитком погребальной обрядности одной из финно-угорских группировок

²⁹ Е. И. Горюнова. Этническая история. . . , стр. 190—198.

³⁰ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

³¹ М. В. Фехнер. Предметы языческого культа. В сб.: Ярославское Поволжье X—XI вв., М., 1963, стр. 86—89.

³² Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. МИА, № 6, 1941.

³³ E. Kivikoski. Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland. ESA, IX, 1934.

Севера, вероятно веси, древние погребальные памятники которой неизвестны. Возможно, что у веси был распространен обряд погребения на деревьях, который практиковали в древности многие племена Сибири и некоторые мордовские племена Поволжья.³⁴ Недаром волхвы, казненные Яном Вышатичем в 1071 г. в устье Шексны, т. е. на границах земель мери и веси, были не погребены в земле, а повешены на дубе, откуда их якобы стащил медведь. Глиняные лапы могли служить оберегами таких поверхностных захоронений. В Волго-Окское междуречье и на Аландские острова эта деталь попала вместе с «полоном» — людьми из земли веси.

Этому предположению противоречит лишь то, что в курганах Приладожья и Прионежья конца IX—X в., которые, по мнению некоторых исследователей, принадлежали веси, подпавшей под славянское и скандинавское влияние, глиняные лапы ни разу найдены не были. Но это можно объяснить тем, что западные группировки веси, издавна связанные с Прибалтикой, имели в погребальном обряде свои особенности. А возможно, что эти курганы, как уже указывалось, принадлежали не веси, а одной из южных карельских группировок. Можно указать лишь на когтевые фаланги медведя, встречаемые в старолadoжских сопках вместе с пережженными человеческими костями. Очевидно, вместе с трупом там сжигались медвежьи лапы. Это очень близкая аналогия, более того, наиболее вероятный прообраз глиняных лап из ярославских курганов.

Но как бы ни разрешился в будущем вопрос о глиняных лапах, они подтверждают мысль, что пришельцы в восточную часть Волго-Окского междуречья, насыпавшие курганы конца IX—X в., происходили главным образом не из Верхнего Поднепровья, а с Северо-Запада. Их пути на Волгу лежали через оз. Ильмень, Мсту и Мологу, а также через Белое озеро и р. Шексну.

Уже первые исследователи древностей восточной части Волго-Окского междуречья обратили внимание на то, что древние курганы этой области, содержащие остатки сожжений, имеются не повсеместно, а лишь в некоторых пунктах: около Ростова, Переяславля, Ярославля и Суздаля, по главным водным артериям края. Это было ясно уже на основании карты курганов, составленной А. С. Уваровым. Дальнейшие исследования привели к тем же выводам. Помещенная здесь карта (рис. 10) взята из книги Е. И. Горюновой, заново рассмотревшей все данные о древних курганах восточной части Волго-Окского междуречья, исследованных в XIX в. и позднее.³⁵

Старинными путями в глубинные земли мери являлись правые волжские притоки — Нерль Волжская, соединяющая Волгу с Пле-

³⁴ В. В. Гольмстен. Надземные погребения в Среднем Поволжье. КС, в. 5, 1940.

³⁵ Е. И. Горюнова. Этническая история. . ., стр. 253—255, карта № 3.

щевым озером, и Которосль, вытекающая из оз. Неро. От озера Плещеева и Неро волоки вели на р. Нерль Клязьминскую и дальше на Клязьму — левый приток Нижней Оки.

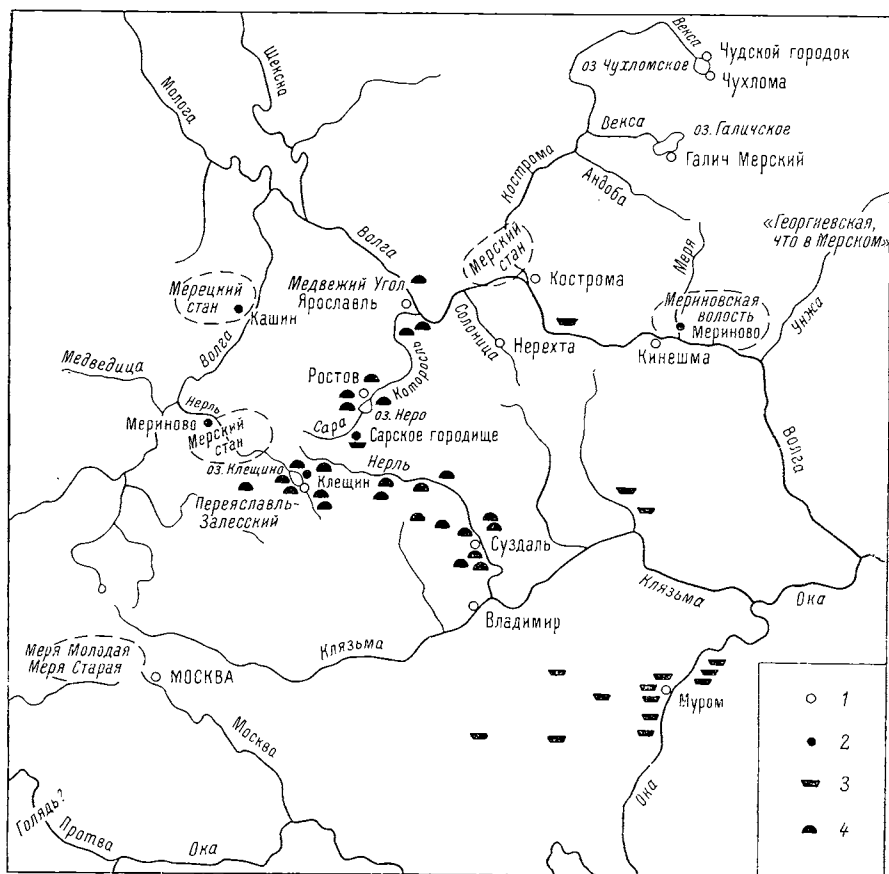

Рис. 10. Восточная часть Волго-Окского междуречья в период Древней Руси. Местоположение мерских станов.

1 — населенные пункты; 2 — городища; 3 — могильники мерянских и муромских племен; 4 — русские курганные группы конца IX—X в. (по Е. И. Горюновой).

Мощное «гнездо» славяно-русских поселений в конце IX—X в. образовалось на южных берегах Плещеева озера вокруг древнего городка — ныне городища Александрова Гора. Мне представляется, что это был город Клещин, столь же старый, как и Ростов. По его имени и озеро называлось некогда Клещиным. В XI в. непосредственно рядом с маленьким Клещиным был сооружен г. Переяславль, вскоре перенесенный «от Клещина» на устье

р. Трубежа. На городище Клещина и в его окрестностях были найдены клады восточных монет конца I тыс. н. э.

На берегах озера рядом с городищем древнего Клещина находилось множество курганов, раскопанных П. С. Савельевым в 1853 г. Непосредственно у подножия городища и в радиусе 2—3 км от него находилось 1565 курганов, несколько восточнее — еще 362 и южнее, на южном и юго-восточном побережье озера, — около 1000 курганов. Их значительная часть относится к раннему времени. Эти курганы содержали остатки трупосожжений. Рядом в 30-х годах нашего века были обнаружены следы нескольких древних поселений с находками обломков глиняной посуды, сделанной без помощи гончарного круга, синхроничной этим курганам.³⁶

Около устья р. Которосли курганы раннего времени составляли три группы, что говорит, очевидно, о трех селениях или трех группах селений. Они располагались не в самом устье Которосли, где, по старому преданию, до построения в начале XI в. г. Ярославля находилось мерянское селище Медвежий Угол (стр. 141), а одна на левом берегу Волги выше устья Которосли у с. Михайловского (там находилось около 300 курганов X—начала XI в.), а две другие примыкали справа к долине Которосли, в 12—15 км выше ее устья. На могильнике у дер. Тимерево имелось более 500 курганов конца IX—начала XI в. Приблизительно столько же было их и на Петровском могильнике, синхроничном Тимеревскому.³⁷

Вокруг оз. Неро, главным образом на его западном берегу, также находилось много курганов раннего времени. П. С. Савельев раскопал здесь более 400 насыпей в восьми пунктах. Значительная часть этих курганов, особенно в могильниках у сел Кустери и Шурскалы, содержала остатки трупосожжений.

Современником этих курганов являются известное Сарское городище и примыкающий к нему бескурганный могильник последних веков I тыс. н. э., расположенные на южном притоке оз. Неро — р. Саре. Могильник является типично мерянским, городище же, судя по составу находок, — русско-мерянским. Имеется предположение, что это предшественник г. Ростова, возникший первоначально как мерянский торгово-ремесленный поселок. Около оз. Неро найдено несколько монетных кладов рубежа I—II тыс. н. э.

Дальше к югу много курганов с сожжениями и кладов восточных монет оказалось на р. Нерли Клязьминской, по всему ее течению выше и ниже г. Суздаля. Около Мурома славяно-русских

³⁶ П. Н. Третьяков. Древнерусский город Клещин. В сб.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран, М., 1963, стр. 49—53.

³⁷ Ярославское Поволжье X—XI вв., М., 1963.

курганов с трупосожжениями не найдено. Там имеются лишь многочисленные относящиеся к тому же времени финно-угорские, муромские могильники.

3

В последующее время, в XI—XII вв., судя по материалам из курганов, в восточную часть Волго-Окского междуречья хлынули особенно мощные потоки славяно-русских переселенцев. Преимущественно это были люди из Поднепровья, как верхнего, так и среднего, а также из Новгородской земли. Их главным путем с Днепра являлась Волга. Интересно, что обитатели бассейна Верхней Оки — вятичи — в освоении восточной части междуречья, судя по составу находок из курганов, почти не участвовали. Они продвинулись вниз по Оке в район Рязани, вышли на р. Проню, а также расселились вверх по Москве-реке. На Нижнюю Оку, в район Мурома, славяно-русское население проникло не с запада, по Оке, а с севера, через Переяславль и Ростов, по Нерли и Клязьме.

Материалы раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева, вскрывших в восточной части междуречья более 7000 курганов, в своем большинстве были депаспортизованы. Если бы этого не случилось, то на их основании было бы возможно нарисовать детальную картину заселения этой части междуречья, определить, когда и откуда пришло славяно-русское население в ту или иную местность. Но так как находки из разных курганов и различных местностей оказались смешанными, приходится ограничиться их суммарной и неполной характеристикой.

подавляющее число височных женских украшений, найденных в курганах, представлено малыми и большими проволочными кольцами днепровских и новгородских типов, преимущественно XI в. В коллекции отсутствуют, за единичными исключениями, ромбоцитковые височные кольца, широко распространившиеся в кривических и новгородских владениях в XII в. О том же самом говорит состав и других вещей верхнеднепровских и северо-западных типов — браслетов, перстней, подвесок. Они представлены главным образом формами XI в. Позднее северо-западная колонизационная струя значительно ослабла, точнее сказать, изменила свое направление. Вещи северо-западных типов: ромбоцитковые височные кольца, браслеты и др., относящиеся к XII—XIII вв., во множестве были найдены в курганах по обоим берегам Волги около Костромы и Кинешмы.³⁸

Вещи южных, среднеднепровских форм: височные кольца с напущенными бусами, украшенными зернью или филигранью, медальоны и лунницы, особенно распространенные в земле радими-

³⁸ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, в. 6—7, 1931.

чей, и другие могут быть датированы XI—XII вв. В восточной части междуречья они представлены в курганах повсюду. В Костромском Поволжье, куда, как только что сказано, в XII в. устремился основной поток новгородских переселенцев, вещи среднеднепровских типов не встречаются.

Особый интерес представляют происходящие из курганов финно-угорские украшения: «шумящие» подвески в виде коньков, треугольников и т. д., перстни с подвесками. Они отличаются от славяно-русских украшений и по своим формам, и по технике изготовления, представляя собой дальнейшее развитие тех предметов убора, которые обнаружены в волго-окских финно-угорских могильниках I тыс. н. э. Подробная характеристика этих изделий и попытка реконструкции мерянского костюма дана в книге Е. И. Горюновой.³⁹

Выше уже не раз речь шла о том, что в среде волго-окских финно-угров — мордвы, муромы и мери — практиковалось погребение умерших в землю на могильниках, которые не сохранили никаких внешних признаков. Раньше над могилами стояли, вероятно, деревянные столбики — фигуры, изображающие умерших, подобные тем, которые еще в XIX в. ставили на своих кладбищах чуваша-язычники. В XI—XII вв. оказавшееся в русском окружении и мало-помалу ассимилируемое финно-угорское население стало насыпать курганы.

Отмечая, что украшений финно-угорских типов найдено в Ростово-суздальских курганах сравнительно не очень много, А. А. Спицын вместе с этим указал, что они встречены не везде, а связаны главным образом лишь с некоторыми местностями. Так, значительная часть найденных подвесок-треугольников и подвесок-коньков, особенно характерных для мери, происходит из района Переяславля-Залесского. Много «шумящих» украшений найдено во время раскопок К. Н. Тихонравова в 1864 г. у пос. Вознесенского, на месте которого впоследствии вырос г. Иваново. А. А. Спицын указывал, что вознесенские курганы выделялись и по своему устройству. Они (или некоторые из них) имели, возможно, овальную форму. А. А. Спицын подозревал даже, что здесь был раскопан испорченный распашкой бескурганый могильник, обычный для финно-угров.⁴⁰ По-видимому, к XI в., к первой его половине, относятся наиболее поздние погребения известных ныне мерянских бескурганых могильников — Сарского около Ростова и Хотимльского на р. Тезе, притоке Клязьмы.

Отдельные курганные могильники с финно-угорскими «шумящими» украшениями известны и на Верхней Волге. Основная масса верхневолжских курганов имеет чисто славянский, преиму-

³⁹ Е. И. Горюнова. Этническая история... стр. 240—244.

⁴⁰ А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 92—94, 103.

шественно кривичский инвентарь. Об этом свидетельствуют материалы раскопок Ю. Г. Гендуне, А. И. Кельсиева и других исследователей в пределах современных Калининской и Ярославской областей. Автор этих строк в 30-х годах раскопал несколько десятков курганов XI—XII вв. на правом берегу Волги около Грехова ручья, выше Углича, и у с. Воздвиженья на левом волжском берегу в 15 км выше Ярославля и не нашел при этом ни одного финно-угорского украшения.⁴¹ Но у того же г. Углича известны курганные могильники с «шумящими» подвесками-треугольниками. Еще выше по Волге, близ с. Посады около Корчева, в курганах найдены треугольные и коньковые подвески и перстни с привесками. Курганы с такими же находками были раскопаны на р. Сити, правом притоке Мологи.⁴² А в 1952 г. курганный могильник XI—XII вв. с финно-угорскими украшениями и глиняной посудой был исследован Е. И. Горюновой на р. Согоже, притоке р. Шексны (впадающей теперь в Рыбинское море).⁴³

В связи с этими раскопками Е. И. Горюнова напомнила о соображениях некоторых исследователей XIX в., которые полагали, что жители Пошехонья, известные своими этнографическими особенностями, являлись давно обрусевшей финно-угорской группировкой. Не ясно только, почему исследованные на р. Согоже курганы Е. И. Горюнова относит к мере. В Пошехонье, как известно, когда-то жила весь.

Таким образом, среди огромной массы славяно-русских курганов XI—XII вв. в восточных частях Волго-Окского междуречья местами вкраплены курганы, содержащие финно-угорские, мерянские вещи. Принимая во внимание устойчивость традиций того времени, несомненную связь финно-угорских украшений — «шумящих» коньков, треугольников и др. — с культом, с языческими представлениями, есть все основания полагать, что курганы, содержащие эти вещи, принадлежали мере, находящейся на той или иной стадии обрусения.

Выше речь шла о том, что в I тыс. н. э. мерянское население было очень редким, занятые им местности представляли собой небольшие «острова» среди необозримых лесов, связанные, очевидно, с лугами черноземного «ополья», с берегами рек и озер. В XI—XII вв. заселенные мерей местности также являлись «островами», но теперь окруженными уже не столько лесом, сколько сотнями починков, весей, погостов и пахотными угодьями, принадлежавшими их обитателям — славяно-русскому населению, пришедшему сюда из разных частей Руси.

⁴¹ П. Н. Третьяков. Отчет о работах в Ярославской области. В сб.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг., М.—Л., 1941, стр. 77—83.

⁴² Д. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 95.

⁴³ Е. И. Горюнова. Мерянский могильник на Рыбинском море. КС, в. 54, 1954.

В большом количестве финно-угорские вещи были встречены в курганах Костромского и Кинешемского Поволжья, исследованных в конце XIX в. Н. М. Бекаревичем, Н. Д. Преображенским, Ф. Д. Нефедовым и др. Найденные при раскопках вещи свидетельствуют, что славяно-русское население, пришедшее сюда преимущественно из Новгородской земли, стало осваивать эту область на столетие позже, чем были освоены земли вокруг Ростова, Переяславля, Ярославля и Суздаля. Курганов, предшествующих XII в., здесь почти нет, но XII в. представлен уже многочисленными курганными могильниками, рассеянными по обоим берегам Волги и по низовьям ее мелких притоков. Из курганов происходят ромбошитковые височные кольца поздних северо-западных типов, плоские зооморфные подвески, обычные для курганов Ленинградской области, пластинчатые браслеты, скорлупообразная фибула карельского типа и другие украшения, заставляющие думать, что пришедшее сюда из Новгородской области земледельческое население было не чисто славянским, а содержало некоторые водские, ижорские или карельские компоненты. Но в этих же курганах встречаются и типичные мерянские вещи — треугольные и коньковые «шумящие» подвески, игольники и др. Характерной чертой инвентаря костромских и кинешемских курганов являются орудия труда, положенные вместе с умершим, — топоры, косы, серпы, даже сошники от сохи (а может быть, и соха целиком). Орудия труда в погребении — черта не славянская. В славяно-русских курганах начала II тыс. н. э. такие орудия встречаются относительно редко, но для финно-угорских могильников и курганов (волго-окских и северо-западных) они типичны.

Если в Ростово-Суздальской земле курганный обряд погребения среди славяно-русского и обрусевшего мерянского населения исчез к исходу XII в., что было, как полагают, результатом христианизации, то в Костромском и Кинешемском Поволжье имеются курганы как XIII, так и XIV в. и даже, кажется, начала XV в. Это целиком совпадает с историческими данными. В границы Руси край был включен, как известно, не ранее середины XII в., а деятельность христианских миссионеров относится здесь главным образом к XIV в.

В поздних курганах Костромского и Кинешемского Поволжья точно так же очень много финно-угорских элементов, но уже не северо-западных, а преимущественно местных, мерянских, а также волго-камских. Это треугольные, коньковые и конические «шумящие» подвески, разнообразные игольники, горизонтальные и вертикальные, пронизки с подвесками и др.⁴⁴

⁴⁴ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. Материалы по археологии восточных губерний России, т. III, 1899; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, в. 6—7, 1931.

Обрисованная выше картина мерянских «островов» имела бы несомненно более отчетливые контуры, если бы археологические данные первых веков II тыс. н. э., на которых она основывается, не были, как уже указано, приведены в беспорядок их исследователями. Но в целом, в общих своих чертах, эта картина является бесспорной. Она подтверждается историческими сведениями последующих столетий, тоже указывающими на то, что в восточной части Волго-Окского междуречья и за Волгой долго сохранялись местности, занятые мерей, точнее сказать, ее обрусевшими потомками.

В 60—70-х годах прошлого века, после раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева, когда появился усиленный интерес к судьбам мери, были произведены поиски ее следов в местных архивах. При этом выяснилось, что о мере здесь помнили вплоть до XV—XVI вв. Обнаружилось также, что некогда, в XIII в., а может быть, и раньше некоторые районы, населенные мерей, были выделены в особые территориальные единицы. Таким образом, мерянские «острова» получили в свое время, так сказать, официальное признание.

В Северо-Восточной Руси в XIII в. и позже мелкие территориальные единицы чаще всего назывались станами. Стан, как и более старые наименования — становище, погост, это местность, население которой было приписано к какому-либо одному пункту для уплаты даней и оброков. Свое наименование стан получал обычно от названия селения — центра стана или же реки, на берегах которой обитали жители данного стана и которая служила здесь главным путем сообщения.⁴⁵

Но некоторые из станов, известных по документам XIV—XVI вв., получили свое наименование от этнонима «меря». Они назывались Мерскими станами (рис. 10).

Вполне определенные данные имеются о трех Мерских станах. Один из них находился около Переяславля-Залесского, не к югу и востоку от Плещеева озера, где были сосредоточены с конца IX—начала X в. древние русские поселения (стр. 130), а к северо-западу от озера, по р. Нерли и ее притокам. Отсюда этот стан в XV—XVI вв. нередко называли Нерльским. Его центром было, по-видимому, с. Мериново на р. Нерли.⁴⁶ Население этой местности, сравнительно слабо заселенной и изобилующей лесами и болотами, до недавнего времени имело ряд своеобразных этнографических особенностей.⁴⁷

⁴⁵ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. ИГАИМК, в. 139, 1936, стр. 15—17.

⁴⁶ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 44—45.

⁴⁷ М. И. Смирнов. По забытым путям Залесья. Доклады Переславля-Залесск. научн.-просвет. общ., в. 15, 1926.

Другой Мерский стан находился на правом берегу Волги, непосредственно около Костромы, за р. Костромой. Согласно ревизской сказке церковных причтов 1764 г., отысканной В. А. Самаряновым, его северо-восточная граница проходила по р. Костроме от с. Миссково до устья, южная — по Волге, от устья р. Костромы вверх на 20—25 км, третья, западная граница, замыкающая треугольную по форме площадь Мерского стана, проходила за с. Саметью, у оз. Великое Самецкое.⁴⁸

Местность эта, изобилующая озерами и протоками, называемая нередко Костромской низменностью, является весьма своеобразной, соответствующей хозяйству и быту мери не в меньшей степени, чем долина Оки потребностям хозяйства мордвы, мещеры и муромы. Почти вся территория Мерского стана у Костромы заливалась в половодье водами Волги и Костромы, так что поселения, расположенные на песчаных всхолмлениях, оказывались на изолированных островах. Дер. Вежи, известная благодаря некрасовскому деду Мазаю, была расположена в пределах этой низменности, в северной части Мерского стана. Вплоть до недавнего времени население низменности занималось главным образом скотоводством, чему способствовало обилие богатых заливных лугов. Большую роль в хозяйстве играла рыбная ловля. Хлеб сеяли в небольшом количестве — для него не было подходящей земли. В настоящее время значительная часть Костромской низменности затоплена волжскими водами, поднятыми плотинами Горьковской гидроэлектростанции.

Судя по старым документам и данным последнего времени, территория костромского Мерского стана изобиловала нерусской топонимикой, и гидронимией. Крупнейшими селами являются здесь Шунга и Саметь, рядом с ними находится дер. Тепра. Имеется оз. Мерское, рр. Воржа, Касть, Соть и др.

Следует также указать, что помещичьего землевладения в этой местности очень долго не было. Территория Мерского стана и его население в XVI—XVII вв. принадлежали по частям костромским Ипатьевскому и Богоявленскому монастырям и Чудову монастырю в Москве.

Еще один Мерский стан, неоднократно упоминаемый в документах XV—XVI вв., находился на левобережье Верхней Волги около Кашина. Иногда он именовался Мерецким.⁴⁹

В документах имеются сведения и о других местностях, где, возможно, меря сохраняла свою самобытность. Так, в XVI в. в Звенигородском уезде, т. е. западнее Москвы, в Андреевском (Тросненском) стане были селения Меря Молодая и Меря Ста-

⁴⁸ В. А. Самарянов. Следы поселений мери, чудн, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии. В сб.: Древности, т. VI, М., 1876, стр. 48.

⁴⁹ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси, стр. 17.

рая. «Очевидно, — писал по поводу их М. К. Любавский, — это был когда-то целый инородческий островок среди русского населения». «Островок» этот, как и селения Мерского стана у Костромы, находился в монастырском владении. М. К. Любавский считал это не случайным; он видел здесь определенную тенденцию, связанную с политической «христианизацией инородческого и полуинородческого населения».⁵⁰

В. А. Самарянов предполагал, что один из станов с мерянским населением находился некогда в пределах Унженского уезда Галичской провинции. В документах середины XVIII в. одна из церквей этого уезда называлась «Георгиевская, что в Мерском». Город Галич в отличие от южного Галича в XIII в. и позднее именовался, как известно, Галичем Мерским. Около Кинешмы, на правом берегу Волги по р. Мере (Мера), была Мериновская волость с центром в с. Мериново.⁵¹ Но связаны ли эти наименования с этнонимом «меря» — сказать трудно.

О веси на Шексне, Мологе и в Южном Прионежье говорят встречающиеся в старых документах названия населенных пунктов, таких как Череповесь, Луковесь, Арбужевесь, Севесь Старая, Весь Ёгонская. В вышедшей недавно книге В. В. Пименов на основании данных топонимики утверждает, что племенам веси принадлежали некогда местности не только по берегам Белого озера, Шексны и Мологи, но и лежащие западнее — в Восточном Приильменье и Южном Приладожье. В последних и сейчас проживают предполагаемые потомки древней веси — народность вепсы.⁵²

Интересно, что в старых документах и церковной литературе, в топонимике и гидронимии не отразилось имя мурома. Кроме наименования города Муром в юго-восточной части Волго-Окского междуречья, на территории летописной Муромы, можно указать лишь с. Муромское. Но и оно происходит, по-видимому, не от этнонима «мурома», а от фамилии дворян Муромцевых. В житиях муромских святых и в «Повести о водворении христианства в Муроме» (XVI в.) сказано об идоле, которому поклонялись жители города до конца XI в., о том, что из Волжской Болгарии делались попытки обратить их в магометанство, но нигде не сказано, что здесь жила именно мурома.⁵³ И не случайно некоторые историки полагали, что летописная мурома была не особой финно-угорской группой, подобной мордве или мере, а одним из мор-

⁵⁰ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории..., стр. 10. Используя данные различного времени и не учитывая изменений административной структуры Звенигородского уезда, М. К. Любавский ошибочно полагал, что здесь были не два, а четыре селения, называемых Меря (см.: С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 358).

⁵¹ В. А. Самарянов. Следы поселений меря..., стр. 48—53.

⁵² В. В. Пименов. Вепсы, стр. 36, рис. 2.

⁵³ Памятники старинной русской литературы, в. I. Под ред. Н. Костомарова. СПб., 1860, стр. 229—238.

довских племен, чему отнюдь не противоречат археологические данные.⁵⁴

И напротив, о мещере, совсем неизвестной по «Начальной летописи», сохранилось много разнообразных сведений. В XIV—XV вв. волость Мещерка была известна в поречье Оки около Коломны. Другая Мещерская волость была в составе Нижегородского княжества. В юго-восточной части междуречья находились с. Мещерка, дер Мещера, оз. Мещерское. А наименование Мещеры для местности или области, постоянно встречающееся в старых документах, сохранилось и донныне. Очевидно, мещера также являлась одним из племен мордовской группы. Она жила в глухих лесах еще долгое время после исчезновения муромы. По словам М. К. Любавского, «преобладающая масса мещерского племени в XIV—XV вв. была вне сферы русской колонизации, находилась под властью собственных князей, хотя политически и подчинена была Москве (со времен Димитрия Донского)».⁵⁵

Я не буду приводить здесь наименования других многочисленных населенных пунктов или рек, возможно, связанных с финно-угорскими этнонимами, не буду останавливаться на разнообразных других данных, главным образом этнографических, фольклорных и лингвистических, которые когда-либо приводились исследователями, искавшими следы дорусского населения на территории Северо-Восточной Руси. Это поистине необъятный и в то же время очень «темный» материал, методика изучения которого еще далеко не разработана. Но, говоря об «островках» с финно-угорским населением, нельзя не упомянуть имевшиеся здесь некогда Чудской стан, Чудскую волость, а также Чудской конец в Ростове Великом.

Некоторые исследователи считали, что в этих наименованиях следует видеть следы особого «племени» — чуди, отличавшегося от мери.⁵⁶ Но прав был несомненно М. К. Любавский, полагавший, что общим именем — чудью здесь могли называть любое нерусское финно-угорское население.⁵⁷ Как известно, наименование «чудь» было особенно распространено в Новгородской земле. Чудью называли там и эстов, и воль, и северное финно-угорское население — чудь заволочскую, по мнению некоторых исследователей, относящуюся к северо-восточной группе веси. А так как некоторые местности Северо-Восточной Руси, в частности Костромское Поволжье, были колонизованы выходцами из Новгородской земли (стр. 134), то наименование «чудь» распространилось и здесь, вытесняя этнонимы «меря» и «весь».

⁵⁴ Е. И. Горюнова. Этническая история. . . , стр. 155—156.

⁵⁵ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории. . . , стр. 10, 41, 74, 76, 90, 92 и др.

⁵⁶ В. А. Самарянов. Следы поселений мери. . . , стр. 54.

⁵⁷ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории. . . , стр. 10.

Выше уже шла речь о том, что за Волгой, около Кашина, судя по документам XV—XVI вв., находился один из Мерских станов. В тех же документах упоминается и Чудской стан, расположенный где-то по соседству, также около Кашина. Возможно, что его населением была не меря, а весь, так как местности около Кашина находились на пограничьи этих двух группировок.

Чудская волость находилась к северу от Галича Мерского. Ее древним центром был Чудской городок на берегу Чудского озера — ныне г. Чухлома на Чухломском озере. Городок находился, кажется, не на месте современного города, а за несколько километров, там где в XIV в. был построен Авраамьевский монастырь. В житие Авраамия Чухломского сказано, что жители городка говорили по-чудски. Князья галичские привлекали «чудь и луговую черемису» в свое войско.⁵⁸ Но чухломская чудь XIV в. не была «островом». Здесь лежала далекая окраина, откуда начинались области, сплошь занятые финно-уграми, причем, по-видимому, не мерей, а племенами коми.

О Чудском конце в Ростове Великом говорится в житиях епископов Федора, Леонтия, Авраамия и Исайи, а также в «Повести о водворении христианства в Ростове». Все это источники поздние, специфические, но сообщаемые ими сведения весьма правдоподобны. Они говорят о том, что в Ростове имелся Чудской конец, где стоял каменный идол. Жители Чудского конца держались язычества вплоть до начала XII в. В конце X в. они неоднократно изгоняли из города епископа Федора. Леснтий был убит «заблудящую чудью» в 70-х годах XI в. И позже, при епископах Исайи и Авраамии, деревянные и каменные идолы стояли как в Чудском конце, так и в других местах Ростовской земли. То, что под чудью здесь подразумевалась именно меря, свидетельствует одна из редакций жития Леонтия, где сообщается, что он «русский же и мерьский язык добре умяше». В других редакциях жития речь идет о чудском языке.⁵⁹ Очевидно, в Чудском конце говорили на «мерьском» языке.

Имеется предположение, что Леонтий был убит в Ростове во время восстания смердов в 1071 г. К этому яркому событию социальной истории конца XI в. обращались все исследователи, занимавшиеся Ростово-Суздальской землей, и оно достаточно хорошо известно. Но, как уже отмечалось выше (стр. 120, 121), историки обычно упорно умалчивают о том, что в картине восстания 1071 г. отчетливо видны нерусские, финно-угорские черты.

⁵⁸ В. А. Самарянов. Следы поселений мери. . . , стр. 54—55; Филарет, архиепископ Черниговский. Русские святые. Чернигов, 1863, июль.

⁵⁹ Православный собеседник, 1858, февраль; Филарет, архиепископ Черниговский. Русские святые. Чернигов, 1863, май, июнь. Памятники старинной русской литературы, в. I, стр. 221.

Это было совершенно очевидно в свое время для Д. А. Корсакова, и с ним нельзя не согласиться.

Во время восстания 1071 г. смерды, возглавляемые волхвами из Ярославля, шли по погостам вдоль Волги и Шексны, им указывали богатые дома «и привожаю к ним сестры своя, матере и жены своя. Она (они) же, в мечте прорезавша за плечемь, вынимаста либо жито, либо рыбу и убивашета многы жены, и имение их отымашета себе». Это место из рассказа о восстании 1071 г. обычно вызывает недоумение. В то же время Д. А. Корсаков, ссылаясь на «Очерки мордвы» П. И. Мельникова, совершенно правильно указывал, что в этом колоритном отрывке описан древний финно-угорский обряд собирания припасов для общественного языческого моления. В обряде, судя по старинным мордовским (эрзянским) материалам, кроме жрецов-сборщиков принимали участие только женщины, а мужчины уходили на это время из деревни или прятались по овинам и хлевам. Когда сборщики приходили в дом, женщины, обнаженные до пояса, вешали на голую спину на тесемках мешочки с мукой и яйцами, бурачки с медом и маслом, рыбу и др. Сборщики подходили к женщинам, обращенным к ним спиной, перерезали тесемки, забирали мешочки и при этом кололи женщин в спину и плечи жертвенным ножом. Все это сопровождалось соответствующими «молитвами». ⁶⁰ Нет никакого сомнения в том, что именно этот обряд описан в летописи. И не он являлся здесь главным, а то, что многих «лучших жен» при этом убивали и отнимали их «имение». Восставшие действовали не в рамках своей общины, члены которой собирались вместе на моление, а шли большой толпой по погостам от Ярославля до Белоозера.

Трудно сказать, почему рассказ о подготовке к языческому молению вплелся в рассказ о восстании смердов. Возможно, что сведения о восстании 1071 г. дошли до летописца в виде легенды, обросшей подробностями фольклорного характера. Может быть, летописец сам ввел их в рассказ, желая подчеркнуть то обстоятельство, что участники событий являлись ненавистными ему язычниками. Наконец, руководители восстания — волхвы, изымая «обилье» у «лучших жен», могли прикрывать и оправдывать свои действия языческой обрядностью. В частности, им было важно как-то обезопаситься от «мужей». Пожалуй, последнее предположение наиболее вероятно. Обращает на себя внимание то, что в рассказе о восстании с начала и до конца речь идет о «лучших женах», которые держат «обилье», об их убийстве, о том, что казнь плененных волхвов, произведенная по приказу Яна Вышатича его «повозниками» из числа «лучших мужей», рассматривалась последними как месть за смерть их матерей, сестер, дочерей.

⁶⁰ Д. А. Корсаков. Меря и Ростовское княжество, стр. 24—28, 89—90; П. И. Мельников. Очерки мордвы. Русский вестник, № 9, 1867.

Правда, в «Летописце Переяславля-Суздальского» в одном месте сказано, что восставшие смерды убивали не только «лучших жен», но и «мужей». Но во всех других списках летописей «мужи» нигде не упоминаются. Вероятно, составитель «Летописца», как и многие современные историки, недоумевал, почему жертвами восстания были лишь «жены». И он решил «для ясности» упомянуть здесь «мужей». Как известно, составитель «Летописца» и в других местах вносил в летопись некоторые «разъясняющие» вставки.

Из всего этого следует, что участники событий 1071 г. — и смерды с волхвами и другая сторона — «лучшие жены» — были нерусским или смешанным, русско-финно-угорским населением, в среде которого еще господствовали традиции древних верований. Восстания 1071 г. являлось прежде всего социальным конфликтом в местной, финно-угорской или смешанной, русско-финно-угорской языческой среде, которая в XI в. была уже значительно дифференцированной в имущественном и классовом отношении. Нет никаких данных в пользу того, что восстание местных смердов было направлено против русских феодалов. Русское феодальное землевладение на Северо-Востоке в XI в. лишь зарождалось. Ян Вышатич собирал там дань для своего князя (или для себя) точно так же, как столетием раньше русские князья собирали дань с древлян и с населения других земель, где были установлены «уставы и уроки», «оброки и дани» и определены места «становищ» и «погостов». Яна Вышатича восстание беспокоило прежде всего потому, что в результате грабежей и убийств «дани не на ком взять». Из рассказа следует также, что, собирая дань, Ян опирался на «лучшую», зажиточную часть местного населения. Но неправ, конечно, В. В. Мавродин, предположивший, что восставшие избивали и грабили «лучших жен» лишь потому, что все «лучшие мужи» в это время были якобы в отъезде, собирая дань для Яна Вышатича.⁶¹

Не менее выпукло финно-угорский элемент выявляется и в другом месте рассказа о восстании 1071 г. — в религиозной «дискуссии» между Яном Вышатичем и плененными им волхвами. Рассказ волхов о сотворении человека находит ближайšie аналогии в древнем языческом фольклоре поволжских финно-угров.

В литературе уже неоднократно отмечалось и то, что обстоятельства казни волхов (они после казни были не погребены в земле, а повешены на дубе) также перекликаются с древней поволжской финно-угорской обрядностью. С медвежьим культом, возможно, связывается последний эпизод рассказа, где говорится о съедении повешенных на дубе волхов медведем. Ведь волхвы были из Ярославля. Предшественником же Ярослава являлось селище Медвежий Угол. Его жители в свое время выпустили

⁶¹ В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси, стр. 151.

на князя Ярослава священного «лютого зверя» — медведя, которого князь убил, после чего привел в покорность и жителей. Об этом рассказывается в очень интересном, хотя и позднем источнике — «Сказании о построении города Ярославля». Содержание «Сказания», как показал Н. Н. Воронин, теснейшим образом связывается с бурными событиями, происходившими в XI в. в Северо-Восточной Руси.⁶²

Картина селища Медвежий Угол, обитатели которого «человецы поганые веры», поклоняющиеся идолу, «мнози и грабления и кровопролития верным твориша, в делании же смысленна прилепляхуся, егда на зверя или лов рыб исходиша, держаша же сии люди и мнози скотии и сими себя насыщаху», является единственной литературной зарисовкой нерусского, вероятно мерянского, поселения на окраинах Северо-Восточной Руси XI в.

Интересно, что в предании, повествующем о Чудском конце в Ростове, стоящий там каменный идол, как и идол из «Сказания о построении города Ярославля», называется Велесом — скотьим богом. Это нельзя не связать со скотоводческим по преимуществу хозяйством поволжских финно-угров, речь о чем уже шла выше.

Все сказанное свидетельствует о том, что историки, которые во что бы то ни стало хотели представить события 1071 г. в качестве восстания русских смердов, допускают ошибку. В XI в. на Северо-Востоке было смешанное население, находящееся в процессе консолидации в народность. Колоритный эпизод, помещенный в летописи под 1071 г., бесспорно связан с финно-угорскими элементами. Но их судьба была уже тесно переплетена с судьбами всей Руси, и восстание 1071 г. в Ростовской земле являлось одним из звеньев того движения смердов и городской бедноты, которое охватило тогда многие области Руси — и старые, коренные, и для того времени новые.

НА СЕВЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

1

Другой древнерусской областью, среди населения которой имелись значительные финно-угорские включения, был Северо-Запад — Новгородская и Псковская земли.

«Начальная летопись» упоминает здесь чудь и нарву (нерому). Чудью на Северо-Запада называли прежде всего древних эстов, но нередко и другие финно-угорские группировки, в том числе северо-восточные (чудь заволочская). Название «нарва» встречается в летописи только один раз, в самом начале, при

⁶² Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.

перечислении «языщей, иже дань дают Руси». Н. П. Барсов полагал, что нарова принадлежала к группе балтийских племен.⁶³ Автор последних исследований, посвященных «Повести временных лет», — Д. С. Лихачев, назвал нарovu племенем неясным.⁶⁴ Вероятнее всего, как думал еще А. М. Шегрен, этноним «нарова» связывается с названием р. Нарвы (Наровы). Если это так, то нарова, обитавшая по этой реке, могла быть только финно-угорским племенем, родственным своим западным и восточным соседям — эстам или води.

В местностях, лежащих северо-западнее Новгорода, жила водь, поселения которой были рассеяны между юго-восточным побережьем Финского залива и озерами Ильмень и Чудским, по рр. Луге и Плюссе. В «Повести временных лет» имя води не названо ни разу, хотя она несомненно входила в число «исконных» русских данников. Еще Ольга установила на земле води — «по Лузи» (Луге) — оброки и дани. Водь была тесно связана с Новгородом. В уставе Ярослава о мостах упоминается Вотская сотня, — как полагают, организация новгородского купечества, торгующего в Вотской земле. Это — первое упоминание о води в письменных источниках.

В более поздних источниках новгородского происхождения имя води, или вожан, как ее обычно называли, встречается много раз. В свое время к этим данным обращались А. М. Шегрен и П. И. Кеппен. В 1940 г. была опубликована работа С. С. Гадзяцкого, являющаяся наиболее полной сводкой исторических данных о води и попыткой нарисовать ее историю в рамках Новгородской Руси.⁶⁵

Из исторических данных следует, что обитатели Вотской земли — вожане составляли значительную часть населения Новгородской земли. Они являлись активными участниками и нередко основными жертвами многих происходивших здесь военных событий. Имеются сведения, что вожане жестоко пострадали от неурожая 1215 г., вызванного заморозками. Очевидно, земледелие было основной отраслью их хозяйства.

В XI—XIII вв. водь сохраняла, по-видимому, значительную автономию, во всяком случае в местах, где не было русского населения. Более того, однажды водь выступала против Новгорода. Это было в 1069 г., когда полоцкий князь Всеслав сделал попытку овладеть Новгородом, но был разбит. Тогда «велика бяше сеча вожанам и паде их бесчисльное число». Никакой «своей» води у Всеслава не было. Она могла оказаться его союзником лишь в результате какого-либо договора, что свидетель-

⁶³ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 230.

⁶⁴ Повесть временных лет, ч. II. М.—Л., 1950, стр. 223.

⁶⁵ С. С. Гадзяцкий. Вотская и ижорская земли Новгородского государства. ИЗ, 6, 1940.

ствуем о самоуправлении води и о том, что она стремилась освободиться от новгородской зависимости. Позднее, в XII—XIII вв., водь уже не выступала против Новгорода, а, напротив, искала у него защиты от нападений немцев и шведов. Но и здесь, как видно из кратких летописных известий и зарубежных хроник, водь еще сохраняла свою автономию. В Новгородском государстве на Вотской земле, там где имелись сплошные поселения води, не было русского феодального землевладения вплоть до XIV в.

В XIV—XV вв. положение изменилось. Когда новгородские владения в XV в. были разделены на пятинны, одна из них получила название Вотской. Но эта пятинна отнюдь не была населена только или преимущественно водью. В ее пределы входили обширные северные земли, населенные ижорой и карелой. Вотская пятинна начиналась непосредственно у северо-западных окраин Новгорода, где на большом пространстве жило русское население. Наряду с этим поселения води оказались и в соседней Шелонской пятинне, а также на Чудском озере, в пределах псковских владений. Таким образом, границы Вотской пятинны не имели ничего общего с границами поселений води. Ее автономия к этому времени, очевидно, прекратила свое существование. На земле води воцарилась новгородская администрация.

Ближайшим соседом води, также не названным в «Начальной летописи», являлась ижора, жившая по р. Неве и ее притоке — р. Ижоре. Как и водь, она сыграла в истории средневекового Новгорода очень большую роль, долго сохраняла самостоятельность, управлялась своими князьями или старейшинами. Известно, что благодаря ижоре и ее князю Пельгусию, держащему стражу на р. Неве, Александр Невский сумел обеспечить внезапность во время нападения новгородцев на шведское войско в 1240 г. Истории ижоры посвящена вторая часть упомянутой выше работы С. С. Гадзяцкого.

По мнению исследователей, ижора представляла собой одну из южных карельских группировок. Ижорский язык, сохранившийся до начала нашего века, был ближе к карельскому, чем к водскому. Д. В. Бубрих, крупнейший специалист в области прибалтийско-финских языков, который также рассматривал ижору в качестве одного из южных карельских племен, полагал, что ее переселение на Неву и в северо-западные пределы Вотской земли произошло в IX—X вв.⁶⁶ Этот вопрос нельзя считать, однако, окончательно решенным.

Что касается причин значительной «этнической прочности» и политической самостоятельности води и ижоры по сравнению с мерей, муромой или весью, то они объясняются, на мой взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, сравнительно высоким уров-

⁶⁶ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Советское финно-угроведение, т. VIII. Петрозаводск, 1948, стр. 12—13.

нем социально-экономического развития води и ижоры, приближающимся к уровню эстов. И, во-вторых, местоположением этих группировок на границах Новгорода с агрессивными соседями. Новгород был заинтересован, чтобы вода и ижора были сильными и сплоченными, способными держать стражу на Финском заливе и р. Неве для охраны от немцев и шведов. Те и другие хотели прибрать воду и ижору к своим рукам, чему сопутствовали попытки христианизации этих группировок. Новгородцы таких попыток в XI—XIII вв. не делали. Им были важны вода и ижора как верные союзники. Поэтому они избегали каких-либо действий, которые могли бы вызвать конфликты. В этом отношении судьба води и ижоры существенно отличалась от судьбы поволжской мери, отношение к которой было совсем иным.

Разумеется, что сказанное выше не относится к води, жившей южнее, между озерами Чудским и Ильмень, в окружении славяно-русского населения.

Совершенно неясным является вопрос о финно-угорском населении восточной части новгородских владений — земель, лежащих по Волхову, восточному побережью оз. Ильмень и по р. Мсте. Никаких сведений об этом населении не имеется ни в летописях, ни в других письменных источниках. Но на основании данных топонимики и гидронимии исследователи полагают, что сюда доходила земля веси. Такого мнения придерживался, как уже указывалось, Д. В. Бубрих; в последнее время эта мысль была заново обоснована В. В. Пименовым.

В северном углу Бежецкой пятины на р. Веси (бассейн Суды, притока Шексны) некогда находился «погост Ильинский в Веси». В Вотской пятине на Волхове в Городецком погосте числилась «деревня Весь в острове», а в соседнем Песоцком погосте — «деревня Весь на Песоцкой реке» и др. На карте, составленной В. В. Пименовым, такие топонимы идут широкой полосой от Белого озера до Южного Приладожья, захватывая течение р. Свири и побережье Онежского озера.⁶⁷ Очевидно, племена веси занимали огромные пространства от озер Ильмень и Ладжского до Белого озера и р. Шексны на востоке. Но летописцу стали известны по имени лишь те из них, которые входили в пределы ростовских владений. Что же касается новгородской веси, то она рано встретилась с славяно-русскими поселенцами и, по-видимому, в первые века II тыс. н. э. уже утратила свои этнические особенности. Лишь на севере, у южного побережья Онежского озера и в верховьях р. Ояти, сохранился небольшой «островок» потомков веси — народ вепсы. Но являются ли вепсы прямыми потомками древней веси или близкой им карельской группировки, сказать трудно.

⁶⁷ В. В. Пименов. Вепсы, стр. 36—38.

История славяно-финно-угорских контактов на Северо-Западе — в земле води, ижоры и западной веси, по археологическим данным, вырисовывается пока что очень неполно, с огромными пробелами. Если на Северо-Востоке относительно хорошо известны древности местного дорусского населения — места поселений и могильники мери, муромы, окской мордвы, то древности северо-западных финно-угров — води, ижоры и веси, предшествующие славяно-русскому расселению, до сих пор не только не исследованы, но и не выявлены. Места поселений северо-западных племен никогда не подвергались раскопкам. Совсем не знакомы археологам их погребальные памятники; не установлено даже, что они собой представляли, какой у северо-западных племен был погребальный обряд. Понятно, что это обстоятельство серьезно затрудняет выделение финно-угорских элементов также и среди древностей рубежа и начала II тыс. н. э., когда основную массу населения Новгородской и Псковской областей составляли славяно-русские переселенцы.

У западных соседей води — древних эстов — в I тыс. н. э., главным образом в его первой половине и середине, был распространен обряд трупосожжения, а пережженные кости и сопровождающие их вещи зарывались в землю на могильниках, выложенных по поверхности камнями.⁶⁸ Подобные же каменные могильники в IX—X вв. существовали и у северных соседей води — у некоторых племен древней суми, живших на северном побережье Финского залива.⁶⁹ Возможно, что нечто подобное имело место и у водских племен. В конце прошлого века Н. К. Рерихом — впоследствии знаменитым художником — были найдены и раскопаны два могильника с остатками трупосожжений. Один из них находился в лесу около мызы Извера (бывш. Царскосельский уезд) недалеко от р. Ижоры, другой — у дер. Лисицыно в том же районе. К сожалению, ни в том, ни в другом пункте с остатками сожжений не было найдено никаких вещей, по которым возможно установить время могильников. Были встречены лишь неопределенные обломки железных предметов. Эти могильники, по-видимому, не могут быть старше IX—X вв. Водские и ижорские могильники последующего времени, известные археологам, содержат не остатки сожжений, а обычные погребения. Н. К. Рерих относил могильники у мызы Извера и дер. Лисицыно

⁶⁸ Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин, 1956, стр. 110—114 и др.; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.

⁶⁹ С. А. Nordman. Karelska järnåldersstudier. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XXXIV, Helsinki, 1924, стр. 100.

к водским.⁷⁰ Но они могли принадлежать и ижоре. Именно в это время, в IX—X вв., по мысли Д. В. Бубриха, племена ижоры продвинулись сюда с севера.

Основную область расселения воды в конце I тыс. н. э. можно точно определить по северной границе распространения славянских древностей этого времени. Если обратиться к карте старейших славянских курганов Северо-Запада — сопок и длинных курганов, составленной Н. Н. Чернягиным, то окажется, что между озерами Чудским и Ильмень они доходят лишь до верховьев рек Плюссы и Луги, нигде не достигая моря. На участке юго-восточного побережья Финского залива шириной до 100—150 км не известно ни одного кургана старше IX—X вв. Это свидетельствует о том, что во второй половине I тыс. н. э. славян здесь не было, а жили водские (и ижорские?) племена.

Но они или близкие им племена должны были обитать в древности и много южнее, не только между озерами Ильмень и Чудским, но и в бассейнах рек Великой и Ловати. К сожалению, в этих местах до сих пор не обнаружено археологических памятников, которые было бы возможно связать с древними финно-уграми. Во второй половине I тыс. н. э. сюда проникли славяне, оставившие погребальные памятники — сопки и длинные курганы, а также места своих поселений. Можно предполагать, что отдельные группы финно-угорского населения отошли в связи с этим к северу, но его основная часть несомненно осталась на месте. Подобно эстам, племена воды были прежде всего земледельцами, населением далеко не таким подвижным, как более восточные и северные финно-угорские группировки. Очевидно, они продолжали жить среди славяно-русского населения и в конце концов, к началу II тыс. н. э., утратили свои этнические особенности, во всяком случае те из них, которые могли получить отражение в археологических данных. Курганные древности XI—XII вв., происходящие из южной части Псковской и Новгородской земель, не содержат сколько-нибудь заметных финно-угорских включений, подобных материалам мерянских «островов» в восточной части Волго-Окского междуречья.

Иную картину рисуют древности XI—XII и последующих веков в областях, лежащих северо-западнее Новгорода, прежде всего в той области, которая позднее получила наименование Вотской пятины.

Несколько лет тому назад материалы средневековых курганных могильников северо-западных земель Великой Новгородской области были заново рассмотрены В. В. Седовым. На основании предметов убора и украшений, происходящих из погребений, он определил, какие из могильников принадлежали славяно-русскому населению, а какие были оставлены водью, воспринявшей славяно-

⁷⁰ Архив ЛОИА, дд. 65/1894 и 54/1897.

русский погребальный обряд. Были суммированы также данные о водских и ижорских бескурганных могильниках XI—XIV вв., находящихся вблизи южного побережья Финского залива. Составленные В. В. Седовым карты являются вполне убедительными. Они говорят о том, что славяно-русское население, жившее между озерами Чудским и Ильмень, в XI—XIV вв. продолжало постепенно продвигаться к северу, но так и не достигло за эти столетия побережья Финского залива, что в связи с этим территория сплошных поселений води и ижоры значительно сузилась, наконец, что отдельные группировки води оказались в окружении русских поселений.⁷¹

Такие группы водских поселений долго сохранялись на восточном берегу Чудского озера и по среднему течению рек Плюссы и Луги. Здесь расположены курганные могильники, нередко несколько необычные по погребальному обряду и содержащие значительное количество вещей, выделенных В. В. Седовым в качестве водских. Такими являлись височные кольца с напущенными металлическими бусами и раковинами-каури, булавки с крестовидным узорным навершием и «шумящие» подвески в виде коньков, подобные тем, которые происходят из курганов Северо-Востока, принадлежавших мерянским древностям.

Особенно много курганов с такими находками имеется по северной границе распространения курганных могильников, т. е. по границе, за пределами которой в XI—XIV вв. лежала область уже сплошных водских и ижорских поселений. В пределах этой области, примыкающей к южному побережью Финского залива, такие же находки происходят уже не из курганов, а из грунтовых бескурганных могильников води и ижоры, обнаруживающих сравнительно незначительное славяно-русское влияние.

Восточнее, в земле веси, также до сих пор не известны археологические памятники местного населения, предшествующие или синхроничные славянским длинным курганам и сопкам. Выше было высказано предположение, что в I тыс. н. э. весь практически вала поверхностные захоронения, от которых ничего не осталось на долю археологов, возможно похожие на захоронения некоторых народностей Сибири (стр. 116). На Мсте и по рекам, впадающим в Ладожское и Онежское озера, известны отдельные городища, по-видимому, I тыс. н. э., принадлежавшие дорусскому населению. Но они никогда не исследовались, за одним спорным исключением. Здесь имеется в виду нижний слой городища Старая Ладога, который, быть может, имеет некоторое отношение к местным финно-угорским племенам — веси, ижоре или карелам, а возможно, и ко всем этим группировкам.

⁷¹ В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. . .

После первых больших раскопок на Староладожском земляном городище, произведенных в начале нашего века Н. И. Репниковым, им была высказана мысль, что нижний слой городища является «финским». В результате раскопок 30—40-х годов, предпринятых В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым, нижний слой был исследован на значительной площади. Среди многочисленных находок, позволяющих датировать его VII—VIII или VIII в., не было встречено ничего такого, что указывало бы на живших здесь финно-угров. Поэтому мысль Н. И. Репникова была оставлена и Старая Ладога стала рассматриваться как поселение с самого начала славяно-русское.⁷²

Одним из интереснейших открытий, сделанных в 30—40-х годах в нижнем слое Староладожского городища, являются остатки большого дома с очагом в центре. В. И. Равдоникас рассматривал его как жилище большой славянской патриархальной семьи, что не вызывало каких-либо сомнений. Но в последние десятилетия в области Прикамья на финно-угорских средневековых городищах также были исследованы остатки больших домов, близко напоминающих староладожское жилище.⁷³ Это послужило поводом, чтобы вопрос о древнейшем населении Старой Ладоги, о том, кто это были — славяне или финно-угры, вновь превратился в предмет дискуссии.⁷⁴ Мне думается, однако, что нижний слой Староладожского городища содержит все же остатки прежде всего славяно-русского поселения. И это будет верно даже в том случае, если большой дом, открытый В. И. Равдоникасом, действительно окажется финно-угорским, построенным ижорой, карелой или весью. Старая Ладога составляла вершину, оконечность той узкой полосы славянских поселений, отмеченной сопками, которая протянулась в VII—VIII вв. вдоль Волхова далеко на север, в глубину финно-угорских земель. Население Ладоги не могло быть чисто славяно-русским, точно так же, как им не было в свое время население Ростова или Мурома. Ладога являлась здесь главной опорой славяно-русской колонизации. Среди находок из нижнего слоя действительно нет изделий финно-угорского происхождения. Вещи из Старой Ладоги находят себе аналогии далеко на юге, в Поднепровье. Древнейшие староладожские погребальные памятники — сопки, давшие находки VII—VIII вв., и грунтовый могильник с сожжением этого же или несколько более позднего времени — являются славяно-русскими.⁷⁵

⁷² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII, 1950.

⁷³ М. В. Галицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 37—42.

⁷⁴ Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. СА, 1961, № 3, стр. 84.

⁷⁵ С. Н. Орлов. О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге. СА, 1960, № 2, стр. 251 и сл.

В Южном Приладожье, восточнее Волхова, имеются многочисленные курганы с трупосожжениями конца IX—X в., известные главным образом по раскопкам Н. Е. Брандербурга и В. И. Равдоникаса. По общему облику и по характеру находок эти курганы примыкают к синхроничным славяно-русским древностям, но содержат и некоторые чуждые им элементы. В курганах встречено значительное количество вещей финно-угорских типов, например «шумящие» украшения. Обращает на себя внимание такая деталь погребального ритуала, неизвестная в славяно-русских курганах, как находящиеся под курганом остатки очага с некогда висевшим над ним железным котлом, с лежащей рядом железной лопаточкой-кочергой.⁷⁶ Все это имитирует, по-видимому, жилище с очагом. Как уже не раз упоминалось выше (стр. 116, 128), приладожские курганы IX—X вв. принадлежали финно-угорским группам — веси или карелам, уже испытавшим на себе значительное влияние со стороны славяно-русского населения. Немало в этих курганах встречено и вещей скандинавского происхождения, что, впрочем, неудивительно, так как в Ладоге в это время было, вероятно, значительное скандинавское население, более того, в начале XI в. наместниками Ярослава в Ладоге являлись скандинавы Рогнвальд и его сын Эйлиф.⁷⁷ О пребывании скандинавов в Ладоге свидетельствует небольшой курганный могильник IX—X вв., исследованный В. И. Равдоникасом в местности Плакун на правом берегу Волхова, напротив Староладожского городища. В курганах открыты остатки сожжений, в том числе совершенных по скандинавскому обряду — в ладьях.⁷⁸

Курганы Южного Приладожья, относящиеся к более позднему времени, содержащие простые захоронения, уже почти ничем не отличаются от одновременных им славяно-русских, известных в пределах Новгородской земли. Но финно-угорские вещи и в это время продолжают здесь встречаться, напоминая о неславянском происхождении местного населения.

Наконец, с вопросом о финно-угорских компонентах связывается в археологии вопрос о жальниках — особых погребальных сооружениях, известных повсеместно в Новгородской и Псковской землях.

Жальник — это небольшая земляная насыпь над могилой, обложенная камнями, которые образуют окружность или прямоугольник. Нередко могила обкладывалась четырьмя большими камнями: один в головах, другой в ногах и два по бокам. Иногда камни лежали только в головах и ногах. Известны жальники

⁷⁶ Н. Е. Брандербург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895; W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

⁷⁷ Е. А. Рыдзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. КС, в. XI, 1945.

⁷⁸ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1940, №№ 130—133, 136, 138.

XI—XII вв., но основная их масса относится к XIII—XIV вв. На курганных могильниках Северо-Запада жальники занимают обычно окраинное положение, окружая древнейшую часть могильника, состоящую из курганов.

Обычно появление жальников рассматривается как результат эволюции курганов. Средневековые курганы на Северо-Западе нередко обкладывались камнями по всей поверхности или чаще по окружности. С уменьшением насыпи такой курган превращался в круглый жальник, затем в ходе дальнейшей модификации — в прямоугольный жальник, предшественник обычной могилы.⁷⁹

Но почему-то такая эволюция средневековых погребальных сооружений имела место только на Северо-Западе. Нигде в других районах Древней Руси жальники не известны. Они распространились в пределах только тех земель, где славяно-русскому населению предшествовали прибалтийские финно-угры, прежде всего племени води. И так как у этих племен в древности, возможно, были распространены могильники с каменной кладкой, подобные могильникам древних эстов, очень вероятно, что жальники возникли и распространились на Северо-Западе как прямое наследие местного финно-угорского субстрата.

Таким образом, изучение жальников может открыть дополнительные возможности при освещении русско-финно-угорских отношений на Северо-Западе. Но работа над этой темой станет результативной лишь тогда, когда отыщутся и будут исследованы погребальные памятники води I тыс. н. э. Упомянутые выше два могильника с каменной кладкой на поверхности, исследованные некогда Н. К. Рерихом, вопроса не решают, тем более что и время их осталось невыясненным.

⁷⁹ А. А. Спицын. Сопки и жальники. ЗРАО, XI, 1899; Н. И. Репнин и ко в. Жальники Новгородской земли. ИГАИМК, т. IX, в. 5, 1931.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Картина формирования древнерусской народности, обрисованная в этой книге, в значительной мере основана на результатах археологических исследований, проведенных за последние три-четыре десятилетия. До этих исследований в пределах древнерусской территории — в Среднем и Верхнем Поднепровье и по его широкой периферии — были известны лишь отдельные малозученные группы древностей. Их хронология, пределы распространения, этническая характеристика и отношение друг к другу оставались далеко не ясными. В частности, за малыми исключениями, не были выявлены археологические памятники основного компонента древнерусской народности — восточнославянских племен I тыс. н. э.

Конечно, и в настоящее время в пределах необъятной древнерусской территории археологам предстоит решить еще немало сложных задач. Наряду с местностями, подвергшимися более или менее систематическим исследованиям, здесь имеются значительные пространства, изученные далеко не достаточно или же совсем не затронутые археологическими работами. Но основные категории древностей I тыс. до н. э. и I тыс. н. э., имеющие то или иное отношение к истории восточных славян и Руси, несомненно уже выявлены, и здесь вряд ли следует ожидать каких-либо неожиданных новых открытий, которые могли бы привести к радикальному пересмотру основных положений этой книги.

Одним из таких положений является представление о главном компоненте древнерусской народности — восточных славянах как одной из древних этнических группировок на Восточно-Европейской равнине. Правда, славяне не жили испокон веков в пределах всей раннесредневековой древнерусской территории. Восточным группировкам древнейших славянских племен принадлежали земли лишь в лесостепной зоне междуречья Верхнего Днестра и Среднего Днепра. Северная и восточная части Поднепровья и смежные с ними области были заселены первоначально неславянскими племенами, прежде всего восточными балтами. Но и в эти отда-

ленные местности славяне стали проникать очень рано — еще на рубеже и в начале нашей эры. Шаг за шагом они продвигались сначала вверх по Днепру и его притокам, особенно по Десне, а позднее, уже во второй половине I тыс. н. э., появились на берегах рек и озер юго-восточной части бассейна Балтийского моря и на Северо-Востоке — в глубинных областях Волго-Окского междуречья, где коренным населением были финно-угорские племена.

Другим основным положением, обоснованным в этой книге, является оценка восточнобалтийских племен Верхнего Поднепровья в качестве существенного слагаемого древнерусских летописных группировок и древнерусской народности в целом. Это было результатом того, что при расселении славян вверх по Днепру местное балтийское население в массе оставалось на своих старых землях, веками жило чересполосно с пришельцами-славянами и мало-помалу смешалось с ними. Во второй четверти I тыс. н. э., когда страны Северного Причерноморья, включая Поднестровье, Нижнее и Среднее Поднепровье, были охвачены «великим переселением народов», в область Верхнего Поднепровья переместился один из важнейших центров восточнославянской жизни. При последующем расселении восточных славян, завершившимся созданием этногеографической картины, известной по «Повести временных лет», из Верхнего Поднепровья в северном, северо-восточном и южном направлениях, в частности в поречье Среднего Днепра, двигались отнюдь не «чистые» славяне, а население, имевшее в своем составе ассимилированные восточнобалтийские группировки.

Кроме восточных балтов древнерусская народность — крупнейшая народность раннего европейского средневековья — поглотила и другие этнические элементы. Это были упомянутые выше финно-угорские группировки на Севере и Северо-Востоке, сармато-аланские, тюркские и другие элементы на Юге. Но их участие в образовании древнерусской народности и ее культуры по сравнению с восточнобалтийским вкладом было незначительным. В культуре раннесредневековой Руси они оставили еле заметные и при этом локальные следы, тогда как элементы культуры поднепровских балтов в период раннего средневековья были отчетливо представлены повсеместно, за исключением лишь Юго-Запада, где древнерусские группировки формировались, по-видимому, без участия балтийского субстрата.

Процесс ассимиляции днепровских балтов славянами еще предстоит исследовать. Судя по всему, его течение было крайне неравномерным. В одних местах он завершился сравнительно рано — в середине I тыс. н. э., в других, где сохранялись компактные массы балтийского населения — в верховьях Сожа, в бассейне Верхней Оки, по Березине, затянулся до последних веков I тыс. н. э. Трудно сказать, насколько способствовала процессу ассимиляции балтийских племен близость их языка сла-

вянскому, которая, как полагают лингвисты, в древности была несравненно более тесной, чем в последующее время. Главным условием, определившим направление ассимиляции, послужил более высокий уровень экономики, социального строя и культуры славян по сравнению с уровнем развития днепровских балтов. То же самое следует сказать по поводу ассимиляции финно-угорских группировок — мери, веси, муромы и др., которые к тому же являлись сравнительно малочисленными. Финно-угорское население в Волго-Окском междуречье и на Севере, судя по археологическим данным, было редким, значительно уступавшим в этом отношении днепровским балтам. Стоящие на более высокой ступени общественного развития балтийские и финно-угорские племена Восточной Прибалтики, а также и финно-угры Среднего Поволжья, хотя и были тесно связаны с Русью, но сформировались в самостоятельные народности.

Уровень социально-экономического развития, достигнутый в I тыс. н. э. разнотническим населением Восточной Европы, а именно распад первобытного строя жизни с его замкнутыми родо-племенными объединениями, возникновение классовых отношений и новых экономических связей, а также неравномерность развития послужили, таким образом, основной предпосылкой возникновения древнерусской народности. Это был как бы цемент, прочно соединивший воедино разнородные ранее элементы. Начиная с третьей четверти I тыс. н. э. в восточнославянской среде процесс складывания классового общества особенно энергично протекал на южных пределах, на пограничье с племенами и народностями, достигшими рубежа классового общества еще к началу I тыс. н. э. Именно здесь — на Среднем Днепре — сложилось первичное ядро древнерусской народности и ее государственности — «Русская земля», объединившая в своих границах названные в летописи группировки полян, северян и уличей, продвинувшиеся сюда в это время из южных частей Верхнего Поднепровья. Как будто бы здесь имелся и какой-то местный этнический элемент, неизвестно — славянский или неславянский, давший Русской земле свое имя. Попытки его расшифровки на основании археологических данных пока что не привели к положительным результатам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия (М.).
АП — Археологічні пам'ятки УРСР (Київ).
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества (СПб.).
ИАК — Известия Археологической комиссии (СПб.).
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры (Л.).
ИЗ — Исторические записки (М.—Л.).
КС — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (с в. 81 — Института археологии АН СССР) (М.—Л.).
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии АН УССР (Киев).
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАР — Материалы по археологии России (СПб.).
МДАПВ — Материалы і дослідження з археології Прикарпаття і Волині (Київ).
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР (М.—Л.).
СА — Советская археология (М.—Л.).
САИ — Свод археологических источников (М.—Л.).
СЭ — Советская этнография (М.—Л.).
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki).
SIA — Slovenská archeológia (Bratislava).
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
СЛАВЯНЕ И БАЛТЫ В ПОДНЕПРОВЬЕ	15
О древних славянах	15
Славяне и балты в Поднепровье на рубеже и в начале нашей эры	27
По следам несложившейся народности	43
Славяне и балты в Поднепровье в середине и третьей четверти I тыс. н. э.	52
О ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛЕ	72
«Русская земля» и «древности русов»	72
По следам обитателей древнейшей Русской земли	80
О происхождении населения древнейшей Русской земли	92
НА ФИННО-УГОРСКИХ ОКРАИНАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ	111
О финно-угорских племенах	111
Финно-угорские племена Волго-Ожского междуречья и славяно-русская колонизация	122
На севере Новгородской земли	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	155

ПЕТР
НИКОЛАЕВИЧ
ТРЕТЬЯКОВ

У ИСТОКОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ
НАРОДНОСТИ
МИА, № 179

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочев*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *О. Н. Скобелева*
Корректоры *Н. В. Лихарева* и *Г. А. Мирошниченко*

Сдано в набор 27/XI 1969 г. Подписано к печати 17/III 1970 г. РИСО АН СССР № 111—115В. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 47¹/₈. Печ. л. 93³/₄ = 93³/₄ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10.39. Изд. № 4395. Тип. зак. № 604. М-09393. Тираж 3000. Бумага № 1. Цена 75 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

75 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ